

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»

О. Н. Дроконова

**ЗАПАД О ФЕНОМЕНЕ М. С. ГОРБАЧЕВА И ЕГО ЭПОХЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНО-БРИТАНСКИХ
ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ 1980-х–1990-х гг.**

Монография

Тюмень
ТюмГНГУ
2013

УДК 32
ББК 63.3
Д75

Рецензенты:

доктор философских наук, кандидат исторических наук,
профессор Н. В. Сапожникова;
доктор исторических наук В. Я. Мауль

Дроконова О. Н.

Д75 Запад о феномене М. С. Горбачева и его эпохе: по материалам американо-британских источников и исследований 1980-х–1990-х гг. : монография / О. Н. Дроконова. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. – 152 с.

ISBN 978-5-9961-0806-0

В монографии впервые предпринимается попытка комплексного анализа американо-британских источников и исследований, отражающих трансформацию западного восприятия СССР начала 1980-х – рубежа 1990-х–2000-х гг., произошедшую под влиянием личности М. С. Горбачева и инициированных им преобразований. В основе работы – значительный пласт англоязычных источников и исследований, большая часть которых не переводилась ранее на русский язык, представлена в авторском переводе и вводится в научный оборот российской исторической науки впервые. Документы архивов фондов Р. Рейгана, Дж. Буша старшего и М. Тэтчер, данные опросов общественного мнения США, публикации американских СМИ и работы советологов и обществоведов «Russian Area Research» эпохи «Горби» и первого постперестроечного десятилетия дают уникальную возможность увидеть советскую действительность и геополитические реалии рубежа 1980-х–1990-х гг. в преломлении западного «взгляда со стороны».

Исследование адресовано историкам, политологам, социологам, культурологам, специалистам по связям с общественностью и журналистам-международникам; может и должно быть использовано студентами всех специальностей в рамках курсов «История», «История России», «Политология», «Социология» и др.

УДК 32
ББК 63.3

ISBN 978-5-9961-0806-0

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет», 2013

Оглавление

Введение	4
Глава 1. От «империи зла» к феномену «Горби»: англоязычные источники о рождении новой исторической эпохи	8
1.1. В преддверии эры перестройки: бинарность противостояния Запад–Восток	8
1.2. У истоков рождения феномена «Горби»: Запад о реформационном имидже нового советского лидера	23
1.3. М.С. Горбачев и программа нового политического мышления: голос, который был услышан Западом	40
1.4. Исход перестроечного процесса в СССР в освещении западных СМИ	54
Глава 2. М.С. Горбачев и его эпоха в американско-британском восприятии первого постперестроечного десятилетия	71
2.1. М.С. Горбачев и его время в мемуарах политиков Запада	71
2.2. Феномен М.С. Горбачева и его эпоха в американско-британских исследованиях 1991-1994 гг.	89
2.3. Советология США и Великобритании второй половины 1990-х гг. о Горбачеве и его «эре»	106
Заключение	126
Список источников и литературы	133

ВВЕДЕНИЕ

Век двадцатый по праву считается одним из сложнейших для осмысления периодов. Его открытий и катастроф, войн и достижений человечества, крушения империй и создания межгосударственных союзов – с лихвой хватило бы и на тысячу лет.

Для бескрайних российских просторов судьба в этом непростом столетии приготовила неимоверное число испытаний, которые должны были стать ценой невиданного взлёта. Кровопролитием революций и Гражданской войны, геноцидом большого террора, ужасами лишений тыла и миллионами смертей на передовых рубежах фронта Советский Союз заплатил за Великую Победу в жесточайшей войне, за рывок к космосу и статус одной из двух сверхдержав.

Полвека бескомпромиссной борьбы с собой, с Западом и с невозможностью вместить стремительно меняющуюся действительность в *искусственно* и *собственноручно суженные* рамки экономической теории немецких классиков (написанной *не для России*, с её специфическими для Европы менталитетом и судьбой!), привели советский народ к брежневскому «золотому» времени спокойствия, незаметно ставшему застоём. Инерция заместила собой прежний вдохновенный порыв (а может быть и «надрыв»?!) строителей «светлого будущего». Лозунги, на величие которых раньше большинство боялось покуситься и в мыслях, теперь всё чаще воспринимались лишь на уровне крамольных политических анекдотов. Даже созданный гением Ю.В. Андропова могущественный и не имевший аналогов механизм КГБ, *казавшийся* безотказным, не смог уберечь советскую страну от поистине «тлетворного влияния Запада». Всё возрастающий поток советских туристов, особенно из среды партийной номенклатуры, неминуемо порождал *СПРАВНЕНИЕ*. Недовольство окружающей действительностью постепенно оформилось в ёмкую фразу: «*Так жить нельзя!*». И, несмотря на то, что авторство её было народным, в историю она вошла, ассоциируясь с вполне определённым человеком – первым и последним Президентом СССР Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Его фигура вызывала у современников-соотечественников острые споры, полярно-резкие оценки и мнения. От яростного неприятия, до идеализации и преклонения. К последним, порой не вполне корректно, пытаются отнести и искренние попытки найти золотую середину.

В жарких спорах современников об исторической роли Горбачева, поисках «виновных» в «развале» СССР – проявился многогранный феномен последнего советского лидера: человека, искренне верившего в идеалы социализма и стремившегося возродить погружавшуюся в системный кризис страну, но, в силу как объективных, так и субъективных причин, сыгравшего роковую роль в её же судьбе.

Он, как и многие посвященные и неглупые люди своего времени, не только умел «читать между строк», но и (уже в числе немногих избранных) имел доступ к документам и произведениям, отнюдь не радушно характеризовавшим советскую Систему. Но! В отличие от *абсолютного* большинства, обладавшего той же информацией к размышлению, он оказался полон решимости *действовать*, принимая, порой, не самые лёгкие решения. Неоднократные заявления о необходимости не только экономических, но и политических реформ. Инициативы гласности и демократизации, ставшие основой прав и свобод личности в новой России. Отмена знаменитой 6-й статьи «брежневской» Конституции 1977 г., позволившая начать формирование многопартийной политической системы. Первый в многострадальной тысячелетней истории страны опыт *ненаказуемого* и, во многом, *плодотворного диалога власти с представителями науки, интеллигенции и широкой общественности*, который был инициирован не в популистских целях «самопиара» первого лица СССР, а для поиска ответа на вопрос о будущем государства. Несомненно, в ситуации рубежа 1980-х-1990-х годов М.С. Горбачев сделал всё что мог, если не больше.

Многое, увы, не удалось. Распалась – в силу целого ряда объективных и субъективных причин – огромная многонациональная страна. Это колоссальное по значимости и трагизму событие во многом стало ценой политических прав и свобод граждан новых суверенных государств. Экономическая реформа, столь необходимая СССР, была невозможна *без* реформы политической. Но, как показали события конца 1980-х - начала 1990-х гг., она была также невозможна и *одновременно с* политическими преобразованиями при сохранении Системы. Рождённое в крови революций и Гражданской войны советское государство, основанное на *отрицании собственного прошлого*, было, в известной степени, обречено изначально. Его опыт – как негативный, так и положительный – жизненно необходимо сохранить для грядущих поколений, чтобы не обрекать собственных потомков на столь же печальный исторический финал. Поэтому безусловно неправы те, кто пытался в первые постсоветские годы перечеркнуть недавнее прошлое демонтируя памятники, переписывая учебники истории и заявляя о собственной непричастности к событиям столь колоссальных масштабов.

Семь советских десятилетий – это не ошибка или случайный поворот реки Времени, но часть нас самих. И чем быстрее придёт осознание этого, тем быстрее мы найдём в себе силы идти вперёд. Опыт, даже если он в чём-то и для кого-то ошибочен, непременно должен научить. Начать *ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ* я предлагаю с крайне нелёгкого для современников перестройки шага – переоценки эпохи и феномена М.С. Горбачева, основанной на столь важной возможности «взгляда извне», предоставленной в западных исследованиях и источниках 1980-х-90-х гг. Обращение к англоязычным и, в особенности, американским изданиям вполне объяснимо.

Ведь как заявлял постфактум советник по национальной безопасности США Brent Скоукрофт «в то время как Советский Союз двигался к своему краху в 1991 году, ни одна страна не наблюдала за разворачивавшимися событиями более внимательно, чем Соединённые Штаты»¹.

Следуя отнюдь не худшей традиции, свойственной западным монографиям, здесь следует перечислить людей, благодаря которым эта работа стала возможна.

В первую очередь это члены моей семьи, которые стойко переносили все тяготы сосуществования с женщиной, решившей совместить научную карьеру, замужество и материнство; читали и перечитывали эту монографию; выступали первыми, хотя и не профессиональными критиками (что, как хотелось бы думать, сделало работу более *читабельной* не только для узких специалистов).

Особую признательность необходимо выразить доктору философских, кандидату исторических наук, профессору Наталии Васильевне Сапожниковой – удивительному Исторiku и Философу, позволившему увидеть, что История может и должна быть РАЗНОЙ – живой, яркой и многоликой. Без её дара зажигать в собеседнике негасимое пламя жажды познания, без её искренней и безмерной веры в своих учеников и готовности к самым смелым экспериментам – автор этих строк никогда не занялся бы историей. Не говоря уже об обращении к столь сложной, «неподъёмной» теме, каковой без сомнения является политическая история России конца XX века.

Трудно переоценить помощь, оказанную автору коллегами-историками Омска, Сургута и Нижневартовска: д.и.н., профессором Я.Г. Солодкиным, д.и.н., профессором А.И. Прищепой, д.и.н., профессором С.П. Исачкиным, д.и.н., профессором В.М. Кружиновым, д.и.н., профессором Л.В. Алексеевой, д.и.н., профессором В.П. Корзун, к.и.н. С.А. Величко, д.и.н., профессором В.В. Цысь. Все они читали отдельные части данной монографии, высказывали свои критические замечания и пожелания, укрепляя веру автора в необходимость дальнейшей работы над исследованием.

Определенную роль в осмыслении темы сыграли беседы с западными исследователями, специализирующимися на советологии и изучении постсоветского пространства: профессором Питсбургского университета Ильей Призелом, профессором Вашингтонского университета Стивом Хэнсоном, профессором университета Темпл Владиславом Зубоком.

Автор также выражает благодарность Горбачев-Фонду и его сотрудникам С.Л. Кузнецову и О.М. Здравомысловой, оказавшим содействие в сборе материалов к работе.

¹ Brent Scowcroft: 'Gorbachev Was Doing Our Work For Us' // Radio Free Europe, Radio Liberty. December 5, 2011.

Кроме того, поскольку все, использованные в данной монографии англоязычные материалы, представлены в моём авторском переводе, то совершенно необходимо отметить роль удивительного лингвиста и талантливого учителя – Лидии Николаевны Азарочкиной. Без её настойчивости и моего многолетнего кропотливого труда я никогда не выучила бы английский язык и введение в научный оборот значительного числа представленных в данной монографии американских и британских источников и исследований с моим участием было бы мало реально.

ГЛАВА 1. ОТ «ИМПЕРИИ ЗЛА» К ФЕНОМЕНУ «ГОРБИ»: АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РОЖДЕНИИ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

*Для толпы он – чужой, нездеиный,
«чертик в колбе».
Но он лишь – заложник надежды
в мире скорби.*

Андрей Вознесенский

1.1. В преддверии эры перестройки: бинарность противостояния Запад – Восток.

1985 год отделил эпоху застоя от перестройки и тем самым открыл новую страницу не только отечественной, но и мировой истории. Попытки, вслед за бывшим Председателем Совмина СССР Н.И. Рыжковым, «перенести» начало эпохи глобальной трансформации советского государства на 1983 г.¹ и приписать основные заслуги в этом вопросе Ю.В. Андропову представляются не вполне удачными. Причина видится в неотделимости понятия «перестройка» от имени М.С. Горбачева. Именно он первым решился *во всеуслышанье признать* грядущий кризис и начал *действовать* – вопреки ожиданиям и прогнозам западных аналитиков, многие из которых допускали возможность лишь «косметического ремонта» советской системы при сохранении фундаментальных её основ².

Фактически, бывший Председатель КГБ оказался хорошим «учителем», давшим молодому советскому лидеру достаточный запас «информации к размышлению» и, возможно, более острое ощущение нависшей над страной опасности. Ю.В. Андропов был именно «гэбистом» и традиционно для представителей своей чекистской профессии коллекционировал информацию о недочётах, недостатках, ошибках, присущих Системе. Горбачев, как представитель другого поколения и другой сферы деятельности пошел гораздо дальше «дисциплинарных мер» Юрия Владимировича, что и предопределило роль первого и последнего советского Президента в истории.

Правомерность выделения «эпохи Горбачева» представляется очевидной, поскольку колоссальность перемен, произошедших в СССР с середины 1980-х гг., а потому и в мире, как и неразрывность их связи с личностными особенностями и уникальной ролью в истории первого совет-

¹ Рыжков Н.И. Перестройка: История предательств. М., 1992. С.156.

² Некоторые скептики ожидали даже *полувекового* (учитывая возможные грядущие «достижения советской медицины») размеренного правления нового генсека. Геллер М.Я. Российские заметки 1980-1990. М., 2001, С.318.

ского президента несомненны. Эпоха М.С. Горбачева, при всей переходности ее исторического характера, была временем особых надежд, чаяний и устремлений мирового сообщества, временем формирования новой системы ценностей, новой культуры, нового человека. С точки зрения соотечественников, она *разрушила* старый мир. В восприятии Запада эпоха Горбачева *трансформировала* тоталитарную империю в ряд обновленных государств, претендующих, пусть и не всегда оправданно, на статус демократических. Разница формулировок наглядно демонстрировала не только мировоззренческие и ценностные различия Востока и Запада, но и разную степень вовлеченности в грандиозные и трагические события конца XX столетия.

Эти различия легли в основу западного и российского смыслового наполнения понятия «феномен Горбачева». Запад в своей трактовке феноменальности первого президента СССР чаще всего исходил и исходит сегодня из необъяснимости мотивов реформатора, в тщетных попытках модернизации разрушившего систему, которая его породила. Сегодняшнее Отечество, болезненно переживающее крах советской империи и непредсказуемые последствия очередного реформационного этапа, мечется между двумя крайними оценками исторической роли М.С. Горбачева. По сути, феномен Горбачева в современной России – это феномен соотнесения себя самих с лучшими и худшими чертами реформатора, заставляющий одновременно превозносить и ненавидеть одного и того же человека. Находя в Горбачеве-политике его философское мессианство, столь близкое российской душе, соотечественники отвергают нерешительность и затянувшиеся поиски верного пути, также являющиеся неотъемлемой частью нас самих. Таким образом, феномен Горбачева в России – это феномен самопознания и трагического самопрозрения: «Нет пророка в своём Отечестве».

Эта специфика особенно ярко проявилась в бинарной оппозиции «Ельцин-Горбачев». Конфликт между первым Президентом России и последним Президентом СССР сыграл немалую роль в развитии событий, в том числе международных. Б.Н. Ельцин, как политический символ «эпохи Горбачева», возник именно из этого конфликта, став главным ее оппозиционером и своеобразным «камертоном» – выразителем определенных взглядов значительной консервативной части общества того времени.

Противостояние Ельцина и Горбачева нарастало постепенно, и, во многом, было обусловлено личностными особенностями обоих. Б.Н. Ельцин демонстрировал силу, игнорируя тех, кто, с его точки зрения, слаб. Горбачев, напротив, находясь по своему партийно-государственному статусу выше Бориса Николаевича, стремился к компромиссу (что Ельцин воспринимал как исключительный признак слабости – «Горбачев всегда действовал не слишком решительно»¹). Конфликт в условиях санкционированной М.С. Горбачевым гласности, был предрешен. Страна, уставшая

¹ Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. Свердловск, 1990. С. 106.

от шести долгих лет ожидания «перестроенного» социализма, сделала свой выбор. И он был не в пользу Горбачева, ведь, как верно постулирует социальная психология, «толпы консервативны, несмотря на их революционный образ действий. Они кончают реставрацией того, что вначале низвергали, ибо для них... прошлое гораздо более значимо, чем настоящее»¹.

В марте 1985 года никто, пожалуй, не смог бы предугадать подобного финала. Приход М.С. Горбачева к власти напоминал триумфальное шествие. Советский Союз, уставший от вереницы похорон первой половины 1980-х гг. встретил нового лидера с воодушевлением². Он вселял надежду на возможность перемен в застывшей стране. Как отмечали западные аналитики, в СССР «удивительно быстро появились разговоры о начале «эры Горбачева»³.

Для Запада феномен Горбачева зародился уже тогда, когда, нарушая привычные, отработанные десятилетиями правила и методологию, политологи и советологи заинтересовались «отдельным человеком» Горбачевым. Ведь, если верить авторитетному американскому изданию Д.Б. Мангейма и Р.К. Рича «Политология. Методы исследования», «политолога не интересуют отдельные люди»⁴.

В качестве первой оценки-прогноза, данной М.С. Горбачеву Западом задолго до начала масштабных перемен в СССР, можно рассматривать выступление оксфордского профессора политологии Арчи Брауна в Йельском университете 22 октября 1980 г. В нем было заявлено о «событии экстраординарного значения», произошедшем в Москве накануне. Членом Политбюро стал М.С. Горбачев⁵. Будущий глава советского государства должен был происходить именно из числа членов Политбюро и секретарей ЦК, а Горбачев был на 20 лет моложе большинства в этой ограниченной группе лиц, и за ним было будущее. С другой стороны, за несколько лет

¹ Брушинский А.В. Социальная психология в России и теория Сержа Московичи // Московичи Серж. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / Пер. с фр. М., 1998, С.12.

² На первой странице «Правды» от 11 марта 1985 г. был напечатан портрет нового Генерального секретаря. Портрет покойного К.У. Черненко располагался на 3-й странице с «недостаточно жирной рамкой», как отмечали позднее советологи. По правилам тех лет, изображения двух генсеков должны были размещаться в обратном порядке.

³ Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of "Time" Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. – N.Y.: A Time Book, 1988. p.8.

⁴ Мангейм Джарол Б., Рич Ричард К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Соколова. – М.: «Весь Мир», 1999, С.292. О предшественниках Горбачева знали крайне мало. Достаточно сказать, что к моменту смерти Андропова в Белом Доме начался настоящий переполох: знали, что у него был сын, но никто не знал, жива ли его вдова, и нужно ли ей посылать соболезнования! (См.: Matlock, Jack F., Jr. Autopsy on An Empire: The American Ambassador's Account of The Collapse of The Soviet Union. – N.Y.: Random House, 1995. p.50.)

⁵ Brown Archie. The Gorbachev Factor. – N.Y., Oxford University Press Inc., 1996, p.ix.

пристального внимания к М.С. Горбачеву, британский политолог увидел в нем задатки настоящего реформатора¹. Необходимо признать, что А. Браун был единственным из числа исследователей, «разглядевшим» потенциал Михаила Сергеевича столь рано².

Однако временем «открытия» М.С. Горбачева в мире большой политики стал декабрь 1984 г., когда на него, первой из западных политических лидеров, обратила внимание британская «железная леди». Для М. Тэтчер, с ее яростным неприятием социалистических идей, Горбачев поначалу представлялся приверженцем «стандартной марксистской линии»³. Но при этом он не был классическим советским *apparatchik*, читающим заранее приготовленные речи, не умеющим слушать собеседника и доказывающим свою правоту безапелляционным громыковским: «это внутреннее дело СССР»⁴.

Еще при жизни Ю.В. Андропова Запад «просчитывал варианты» советского политического будущего. В числе возможных приемников называли Г.В. Романова и М.С. Горбачева. По позднейшим воспоминаниям Тэтчер, слухи о первом из них были столь нелестными, что с легкостью разрушали привлекательность идеи «возвращения Романова в Кремль [курсив мой – О.Д.]»⁵.

Информация, собранная о М.С. Горбачеве и особенно впечатления М. Тэтчер от его визита в декабре 1984 г. в Великобританию, напротив, сделали эту кандидатуру в глазах Запада предпочтительной. После отъезда Горбачева Тэтчер «надеялась, что имела беседу со следующим советским лидером»⁶. 17 декабря 1984 г. британский премьер в интервью «Би-Би-Си» скажет свою знаменитую, облетевшую весь западный мир фразу: «Мне нравится господин Горбачев. Мы можем вести дела вместе»⁷.

¹ Не последнюю роль в формировании подобных взглядов сыграли личные беседы Брауна с участником «Пражской весны», бывшим сокурсником Горбачева по МГУ, Зденком Млынаржем. Там же, р.х.

² Авторитет Брауна в западном научном сообществе не позволяет усомниться в подлинности столь знаменательного заявления, о котором автор упомянул в своем исследовании спустя 16 лет. Кроме того, именно Браун характеризовал Горбачева 8 сентября 1983 г. на советологическом семинаре, инициированном Тэтчер, как перспективного политика и возможного будущего главы СССР. Вняв этому отзыву, Тэтчер пригласила Горбачева в Великобританию.

³ Thatcher M. *The Downing Street Years*. – London, 1993, p. 460.

⁴ Thatcher-Reagan meeting at Camp David (record of conversation) [declassified 2000]. December 22, 1984 p.2. [Electronic resource] / *The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher*. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=109185&doctype=1>

⁵ Thatcher M. *The Downing Street Years*. – London, 1993, pp. 450-451.

⁶ Там же, р. 463.

⁷ Thatcher M. TV Interview for BBC (Gorbachev: "We can do business together"). December 17, 1984 [Electronic resource] / *The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher*. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=105592&doctype=1>

Имя М.С. Горбачева вызывало в конце 1984 – начале 1985 гг. значительный интерес и в ЦРУ. Роберт М. Гейтс, занимавший пост директора этой организации с ноября 1991 по январь 1993 гг., выделил ряд причин, обусловивших столь «любопытный феномен»¹. Во-первых, осознавая масштабы политического, экономического и социального кризиса, надвигавшегося на СССР, «в США приветствовали лидера, готового принимать жесткие решения». Во-вторых, аналитики ЦРУ были убеждены, что разрешить советский экономический кризис без сокращения гонки вооружений будет невозможно и Горбачев будет вынужден признать эти реалии. В третьих, советско-американское противостояние в первой половине 1980-х гг. стало «слишком горячим» и новый лидер, учитывая необходимость сконцентрировать усилия на внутривнутриполитических проблемах, сможет «охладить» обстановку. И, наконец, «после долгих лет созерцания череды стареющих, бесцветных, безынттересных советских лидеров», на суд Запада предстал «живой, энергичный, готовый к переменам человек»².

Прогнозы аналитиков ЦРУ должны были лечь в основу восприятия М.С. Горбачева Рональдом Рейганом. Он, в отличие от М. Тэтчер, принимавшей Горбачева в Британии, и своих ближайших помощников – вице президента Дж. Буша и госсекретаря Дж. Шульца, с которыми Горбачев встречался в Москве во время похорон К.У. Черненко³ – знал о молодом Генеральном секретаре лишь понаслышке и не мог не руководствоваться западными пропагандистскими стандартами в отношении СССР.

К 11 марта 1985 года взаимоотношения Запада с Советским Союзом насчитывали уже не одно десятилетие, имели свою специфику и традиции. «Законодателем мод» в формировании представлений о Советах в эпоху «холодной войны» выступали именно США и на примере американской пропаганды можно проследить генезис западных взглядов в «советском вопросе», выявить те ожидания, с которыми США и их союзники в 1985 г. встречали приход М.С. Горбачева к власти в СССР.

Еще в 1949 г. Артур М. Шлезингер заявлял, что «холодная» война по своей сути «внутренний [американский – О.Д.] кризис» и наибольшая его опасность (при всей реальности советской военной угрозы) кроется в страхе, внедренном в сознание большинства американцев⁴. Как признал позднее президент США Ричард Никсон, «люди быстрее и лучше реагируют на страх, чем на любовь»⁵.

¹ Gates Robert M. "From the Shadows": The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. – NY. – Simon & Schuster, 1996, p. 327

² Ibid. pp. 327-328.

³ Beschloss M.R., Talbott S. At The Highest Levels: The Inside Story of The Cold War. – Boston, Toronto, L.: Brown & Company, 1993, p.7.

⁴ Schlesinger A.M. The Vital Center. - Boston: Houghton Mifflin Company, 1949, p. 244.

⁵ PBS broadcast, "Nixon: The American Experience", September 24, 1992.

1950-е–60-е гг. для США, прошли под знаком интенсификации анти-советской пропаганды. В 1964 г. авторы фундаментального справочника «World Book Encyclopedia» провели четкую границу между двумя типами общественного устройства: «В демократической стране правительство управляет с согласия народа. В коммунистической - диктатор правит при помощи силы... Демократическое правительство пытается действовать в интересах народа... При коммунистическом режиме интересы правительства всегда стоят на первом месте... Коммунизм яростно противостоит демократии и демократичному образу жизни»¹. В США постоянно росла всеобщая паранойя «красной угрозы»².

Во все времена на события геополитики активнее других реагировали люди искусства. Подводя итог бурным 60-м, и с надеждой глядя в новое десятилетие, легендарный солист «Битлз» и один из основателей движения хиппи - Джон Леннон написал песню-пророчество «Imagine»³, которая, отнюдь не случайно, стала главным хитом его сольной карьеры и своеобразным гимном эпохи. В ней автор отразил чаяния и мечты своего поколения, попросив представить мир без государств, без религий, без собственности и вражды – полную противоположность современной ему действительности⁴.

«Разрядка», наметившаяся в отношениях СССР и США в 1970-е годы, на незначительный промежуток времени подарила человечеству надежду на возможность реализации смелой мечты Леннона. День инаугурации Рональда Рейгана - 20 января 1981 г., как станет ясно позднее, разделил эпоху на «до» и «после».

69-тилетний (на момент президентских выборов 1980 г.) Рейган не мог не рассматривать «разрядку» в качестве отступления от старых добрых традиций противостояния. Всей своей биографией новый американский президент демонстрировал неприятие как самих «Советов», так и любой возможности мирного сосуществования с ними. Бакалавр в области социологии и экономики, он успел побывать не только губернатором Калифорнии, но и спортивным комментатором, и даже актером Голливуда. Странник демократической партии с 21 года – что было семейной традицией Рейганов – в 51 он стал республиканцем, чтобы еще непримиримее бороться с «красной угрозой», которая не давала ему покоя даже в сентябре 1941-го, когда он давал показания ФБР,

¹ The World Book Encyclopedia. Chicago: Field Enterprises Educational Corporation, 1964, p. 724.

² За вполне естественными антивоенными протестами части американской общественности во время вьетнамской кампании, 58 % населения страны видели «причастность коммунистов». См.: Gallup poll, October 29 – November 2, 1965.

³ В дословном переводе с англ. - «Представьте...». Песня вышла в составе одноименного альбома в 1971 г. и стала гимном поколения, уставшего от войн и мечтавшего о мире.

⁴ Йоко Оно, вдова Леннона, по воспоминаниям переводчика М.С. Горбачева Корчилова, в декабре 1987 г. на приеме в советском посольстве в Вашингтоне признала, что их общая с Ленноном «мечта о мире реализуется теперь благодаря Горбачеву». (См.: Korchilov I. Translating History. – N.Y.: A Lisa Drew Book, 1997. p.84.)

разыскивавшей коммунистов в актерской среде¹. В своих мемуарах, вышедших в начале 1990-х гг., Рейган признает, что «большую часть жизни... произносил речи о коммунистической угрозе», за что политические оппоненты нередко обвиняли его в «военном подстрекательстве», именуя не иначе как «правофланговым экстремистом»².

Американский советолог Стивен Коэн отмечал, что начало очередной волне советофобии положили обвинения, сделанные в конце 1970-х гг. в адрес СССР. В США заговорили «о крахе политики «разрядки» посредством наращивания советской военной мощи и вторжения в Афганистан в декабре 1979 г.»³. При этом администрация Картера, «вопреки всякой логике», интерпретировала советское участие в афганском конфликте как «военный марш в сторону Персидского залива, опираясь на ошибочное предположение, что СССР вскоре потребует импортную нефть [курсив мой – О.Д.]»⁴.

Представляется, что «отсутствие логики» было традиционным спутником «советского вопроса» в США, где десятилетиями существовала значительная нехватка познаний практически обо всем советском. По свидетельству С. Коэна, один из экспертов Госдепартамента, а заодно и президент Рейган, убежденно заявляли, что «отцом-основателем СССР был «Николай» Ленин»⁵. При этом слишком большое число американских студентов не могли с уверенностью сказать, на чьей стороне СССР принимал участие во Второй мировой войне⁶...

Несмотря на утверждения Коэна о том, что ассоциировать агрессивность советофобии исключительно с Р. Рейганом или Республиканской партией несправедливо⁷, именно при 40-м Президенте США возврат к «старым добрым временам» советско-американского противостояния стал наиболее заметен. Он ознаменовался появлением новых памятных и знаменательных дат в официальном американском календаре.

Так, в ходе своего первого президентского срока Рейган стал ежегодно отмечать: Афганский Новый год⁸, День Афганистана в США¹,

¹ См.: Официальная биография Рейгана, сайт Фонда Рейгана в Internet по адресу <http://www.reaganlibrary.com/reagan/biography/>

² Рейган Р. Жизнь по-американски. Пер. с англ. – М.: «Новости», 1992. С.14.

³ Cohen Stephen F. Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities (Expanded to Cover The Gorbachev Period). – N.Y., London: W.W. Norton & Company, 1986, p.18

⁴ Ibid. p.19.

⁵ В СССР эту первоначальную версию псевдонима Владимира Ильича помнили лишь историки.

⁶ Ibid. p.29.

⁷ Ibid. p.20.

⁸ Reagan R. Statement on Observance of the Afghan New Year. March 20, 1982. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/32082b.htm>

годовщины «вероломной экспансии» СССР в Афганистане; Американский День Андрея Сахарова²; Международный День озабоченности судьбой советских евреев³. Особую роль в американо-советских отношениях, а возможно, и в трагической судьбе СССР (в его распаде?!), сыграло и провозглашение Дня Свободы Прибалтики⁴.

Первый президентский срок Рональда Рейгана, продлившийся до 20 января 1985 г., был временем пышных похорон в Кремле, где прежде «хозяева» менялись сравнительно редко⁵. Это обстоятельство также наложило значительный отпечаток на формирование жесткой и бескомпромиссной позиции 40-го Президента США по отношению к СССР.

Анализ «Public statements» Рейгана наглядно демонстрирует, что в период с 20 января 1981 г. по 11 ноября 1982 г.⁶ 40-й президент США в своих немногочисленных обращениях к Л.И. Брежневу был сравнительно осторожен и дипломатичен: «Мы не можем принять официальное советское обоснование причин введения войск в Афганистан... Я хотел бы обратиться лично к президенту Брежневу с призывом присоединиться к нашей и другим нациям, напряженно ищущим пути мирного решения трагического конфликта...»⁷

Лишь в трех документах, датированных 1981 годом, можно встретить упоминания об СССР негативного свойства. В первом из них – Рейган солидаризировался с западногерманским канцлером Г. Шмидтом, отмечая «серьезную международную ситуацию, которая возникла из-за советского

¹ Reagan R. Proclamation 4908 -- Afghanistan Day. March 10, 1982. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/31082c.htm>

² Reagan R. Proclamation 5063 -- National Andrei Sakharov Day. May 18, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/51883c.htm>

³ Reagan R. Statement on the International Day of Concern for Soviet Jews. March 15, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/31584a.htm>

⁴ Reagan R. Proclamation 5068 -- Baltic Freedom Day, 1983. June 13, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/61383d.htm>

⁵ Почти 30 лет правил Сталин, 10 Хрущев, 18 – Брежнев. Для США, где президентские выборы проходили каждые 4 года – внеочередная смена личного состава советского правительства становилась событием из ряда вон выходящим.

⁶ Вплоть до смерти Л.И. Брежнева.

⁷ Reagan R. Statement on Observance of the Afghan New Year. March 20, 1982. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/32082b.htm>

экспансионизма»¹. Два других – уже самостоятельных – заявления американского Президента в 1981 г. были связаны с событиями вокруг польской «Солидарности»² и со второй годовщиной ввода советских войск в Афганистан³.

В июне 1982 г., в знаменитой речи, обращенной к британскому парламенту, мир впервые увидел *нового* Рейгана – актера, принимающегося за работу над лучшей ролью всей своей жизни. Он уверял, что грядущие историки, рассматривая его время, «отметят стойкое самообладание и мирные намерения Запада», отказавшегося на рубеже 1940-50-х гг. использовать свою монополию на атомное оружие. Будь эта монополия в руках коммунистического мира, настаивал он, карта Европы, да и всего мира – выглядели бы совершенно по-иному. Подчеркивая, что «не демократии вторглись в Афганистан, подавляли движение польской «Солидарности», использовали химическое оружие в Юго-Восточной Азии»⁴, американский президент недвусмысленно указывал на истинное «зло», борьбой с которым и должны были озаботиться приверженцы демократии. Высокопарные слова о «молодых людях, сражающихся за Британию на далеких островах Южной Атлантики»⁵ и удивительная «забывчивость» Рейгана⁶, делали его пылкую речь особенно эффектной.

Именно здесь, перед благодарной британской аудиторией, в предвкушении близкой кончины Л.И. Брежнева, 40-й президент США в полной мере реализовал свой актерский талант. Суть его речи была банально-

¹ Reagan R. Joint Statement Following Discussions With Chancellor Helmut Schmidt of the Federal Republic of Germany. May 22, 1981. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1981/52281b.htm>

² Reagan R. Statement on U.S. Measures Taken Against the Soviet Union Concerning Its Involvement in Poland. December 29, 1981. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1981/122981m.htm>

³ Reagan R. Statement on the Situation in Afghanistan. December 27, 1981. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1981/122781a.htm>

⁴ Reagan R. Address to Members of the British Parliament. June 8, 1982. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/60882a.htm>

⁵ Пытаясь снискать поддержку консервативного большинства аудитории британского парламента, Рейган говорил о «справедливости» войны за Фолклендские острова, произошедшей весной 1982 г. и позволившей непопулярной у британцев Тэтчер выиграть очередные выборы.

⁶ Он «забыл», как минимум, о Вьетнаме!

прагматична: демократия есть высшее благо и Запад, в полной мере вкушающий плоды демократии, должен «осчастливить» и весь остальной мир. «Благо» демократии, как и «зло» коммунизма, были для Рейгана априорны. А потому он, фактически, призывал своего основного союзника – Великобританию – отправиться в крестовый поход против «варварства» Советов.

Р. Рейган, помимо прочего, сделал поистине революционное для своего времени предложение, которое явно должно было выставить советского лидера, как и всю «империю зла»¹, в невыгодном свете. Он заявил, что готов предоставить Л.И. Брежневу возможность обратиться к американскому народу посредством телевидения, в обмен на аналогичную возможность для американской стороны. Предлагалось даже периодически выпускать в телевизионный эфир прессу обеих стран для обсуждения основных событий с противоположных идеологических позиций².

Со второй половины ноября 1982 г., когда после 18 лет безмятежно-застойного брежневского руководства в Кремле произошла смена лидеров, Рейган целенаправленно искал поводы и создавал конфликтные ситуации для «проверки на прочность» нового советского Генерального секретаря.

Западу Ю.В. Андропов представлялся загадочной личностью³. Он, с одной стороны, 15 лет провел на посту председателя КГБ и сделал аббревиатуру этой организации «мировым лейблом»⁴. А с другой, по многочисленным слухам, был ценителем искусства и либералом.

Уже через два дня после смерти Л.И. Брежнева в радиообращении к нации американский президент изменил свою осторожно-дипломатичную тактику на напористый, почти ультимативный тон. Он напомнил о необходимости наращивания американского военного потенциала, без которого, по глубокому убеждению Р. Рейгана, плодотворные переговоры с СССР были невозможны. Он довел до сведения общественности и новое решение стран-участниц НАТО, принятое за день до этого – о своеобразном экономическом эмбарго против СССР, направленном

¹ Этот термин прозвучал из уст Рейгана позже, в марте 1983 г., в речи, обращенной к Христианским евангелистам Флориды. (Reagan R. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida. March 8, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/30883b.htm>)

² Reagan R. Address to Members of the British Parliament. June 8, 1982. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/60882a.htm>

³ Medvedev Zhores A. Gorbachev. - N.Y., London: W.W. Norton & Company, 1986, p.166.

⁴ Достаточно сказать, что в английском КГБ представляет собой самостоятельное понятие и не может быть расшифровано. В то время как ЦРУ, например – образовано дословным переводом на русский язык названия организации CIA (Central Intelligence Agency).

на «ослабление советской военно-ориентированной экономики» через «отказ от закупок советского топлива и поиск новых источников энергии»¹. Свою агрессивно-антисоветскую речь Рейган закончил недвусмысленной фразой: «Новые лидеры приходят к власти в Советском Союзе. Если они будут действовать *разумно* [курсив мой – О.Д.], то встретят готовность к позитивному сотрудничеству со стороны Запада»².

Аналогичные ноты прозвучали и в речи американского президента по поводу 3-й годовщины ввода советских войск в Афганистан: «Мы в США искренне верим, что новые советские лидеры воспользуются возможностями, которые, без сомнения, предложит наступающий год»³.

Не меньше энтузиазма Р. Рейган вложил и в первые январские выступления нового 1983 г. Отмечая, что смена лидеров в Кремле породила немало слухов о возможности перемен к лучшему в американско-советском взаимодействии, Рейган подчеркивал, что «никто так не надеется на улучшение взаимоотношений двух стран в будущем», как он сам⁴.

1 сентября 1983 года в небе над Дальним Востоком произошло событие, истинный смысл которого до сих пор сокрыт под грифами «секретно» нескольких государств, начиная с Южной Кореи и бывшего СССР и заканчивая США и Японией. Самолет, значительно отклонившийся от курса и углубившийся в воздушное пространство СССР, был сбит советскими истребителями. Для систем ПВО СССР этот объект идентифицировался как самолет-разведчик, замаскированный под «Боинг». Для США и Южной Кореи это был пассажирский «Боинг», борт № 007 (!) «Корейских Авиа Линий». Информация, отобразившаяся на радарях японских систем ПВО, была *столь специфична*, что *до сих пор* не подлежит разглашению. Бывший высокопоставленный сотрудник японской военной разведки Иосиро Танака в своей книге «Правда о полете КАЛ 747» утверждает, что «борт-007» выполнял задание американских спецслужб. Целью американцев

¹ Reagan R. Radio Address to the Nation on East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions. November 13, 1982. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/111382a.htm>

² Ibid.

³ Reagan R. Statement on the Third Anniversary of the Soviet Invasion of Afghanistan. December 26, 1982. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/122682a.htm>

⁴ Reagan R. Radio Address to the Nation on United States-Soviet Relations and the Vice President's Trip to Europe. January 8, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/10883a.htm>

было вызвать переполох в системе ПВО СССР и выявить ее засекреченные и обычно «молчавшие» объекты¹.

Первая половина сентября прошла для Р. Рейгана в бесконечных, почти ежедневных интервью и радиообращениях к нации². В письме к М. Тэтчер, датированном 7 сентября 1983 г., Рейган передавал свое отношение к произошедшему набором фраз, выученных за эти дни наизусть: «варварский акт Советского Союза» повсеместно поднявший «бурю негодования»³.

10 сентября в очередном обращении к нации Р. Рейган от разговора о корейском лайнере неожиданно перейдет к проблеме качества вещания «Голоса Америки» и «Радио Свободы» в Евразии. Выводы, сделанные Рейганом, поставят под сомнение его пламенные речи о «советском варварстве». «В вопросах международного радиовещания сегодня, - заявит он, - мы столь же далеки от Советов, как были в 1957 году далеки от космоса, когда Советы запустили спутник»⁴. Р. Рейган, тем самым, официально признает техническое превосходство СССР, а значит - и советских систем

¹ Головнин В. Правда о полете «Боинга» // Новости разведки и контрразведки, № 19 (100), 1997 г.

² Reagan R. Remarks to Reporters on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner. September 2, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90283c.htm>; Reagan R. Radio Address to the Nation on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner and on the Observance of Labor Day. September 3, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90383a.htm>; Reagan R. Address to the Nation on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner. September 5, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90583a.htm>; Reagan R. Statement by Deputy Press Secretary Speakes on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner. September 7, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90783c.htm>

³ С документа снят гриф «секретно» 27 марта 2000 г.: Reagan R. Letter to Thatcher (Soviets shoot down Korean airliner) [declassified 27 March 2000]. September 7, 1983. - [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=109276&doctype=1>

⁴ Reagan R. Radio Address to the Nation on American International Broadcasting. September 10, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/91083a.htm>

ПВО, уверенно называвших «борт-007» самолетом-разведчиком. Особо «пикантное» звучание речи президента добавит вступление, в котором, в сравнении с предшествующим периодом, резко изменятся формулировки «вины» СССР. Не «варварский акт Советов» будет теперь во главе угла, но *несвоевременность раскрытия «всей правды»*. Желая запугать население своей страны и заставить осознать необходимость наращивания темпов американской гонки вооружений, Рейган даст грядущим поколениям исследователей *своеобразную «пищу для ума»*.

Было ли произошедшее в советском воздушном пространстве случайным стечением обстоятельств или спланированной провокационной акцией? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Историю с «Боингом» С. Коэн недвусмысленно охарактеризовал как «уничтожение того, что *принято считать* [курсив мой – О.Д.] корейским коммерческим авиарейсом с 269 пассажирами на борту»¹. Эти события, как отмечал Коэн, безусловно, дали очередную возможность предъявить претензии к СССР, вспомнив о приписываемой КГБ попытке покушения на Папу Римского; о якобы имевшем место применении советского химического оружия («желтого дождя») в Юго-Восточной Азии; о советском вторжении в Афганистан с целью дальнейшего захвата нефтяных запасов Персидского залива...

В сознании большинства американцев СССР оставался виновным в каждом из этих инцидентов, даже несмотря на «последующие реже публикуемые свидетельства и доказательства», опровергавшие «значительную часть этих обвинений» и ставившие под «серьезное сомнение остальные из них»².

Беспристрастные факты свидетельствуют: после 1 сентября 1983 г. мысли о возможных переменах в поведении «новых советских лидеров» перестали появляться в официальных текстах и речах Р. Рейгана. Вплоть до 10 февраля 1984 г.³ «советский вопрос» носил стабильно-негативный характер, будучи сведен к обвинению СССР в невыполнении ранее подписанных договоров по разоружению⁴, или - в нежелании СССР садиться

¹ Cohen Stephen F. *Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities (Expanded to Cover The Gorbachev Period)*. – N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 1986, p.28.

² Ibid.

³ Дата смерти Ю.В. Андропова.

⁴ Reagan R. Radio Address to the Nation on Nuclear Weapons. October 29, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/102983a.htm> ; Message to the Congress Transmitting a Report and a Fact Sheet on Soviet Noncompliance With Arms Control Agreements. January 23, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/12384c.htm>

за стол переговоров¹. В то же время, с еще большим, чем прежде, энтузиазмом поднимался вопрос прав человека в СССР² и прибалтийская тематика.

1984 год должен был стать для американского президента годом очередной предвыборной гонки, что во многом определяло стилистику рейгановских высказываний. 16 января в «Обращении к нации и другим странам по вопросам американско-советских взаимоотношений» Рейган вновь был оптимистичен: «1984-й – это год возможностей для достижения мира... Если советское правительство хочет мира, будет мир»³. Оптимизм, несомненно, был связан и с информацией о состоянии здоровья Ю.В. Андропова. Смерть очередного советского лидера сделала Р. Рейгана сверхциничным даже по американским меркам. Официальное заявление Белого Дома с соболезнованиями оказалось самым длинным из трех, составлявшихся по поводу смертей «кремлевских старцев» за весь период правления Рейгана⁴. А уже на следующий день, 11 февраля 1984 г., в обращении к нации американский президент заявил буквально следующее: «Мои собратья, американцы! Мне хотелось бы поговорить с Вами на тему, которая... особо интересна *сегодня, в свете смерти советского лидера Юрия Андропова* [курсив мой – О.Д.]: тема наших взаимоотношений с СССР»⁵. Давление на Советский Союз усилилось.

Пытаясь показать, что Америка, с одной стороны, делает все возможное для налаживания переговорного процесса с СССР и, одновременно, убеждая американскую нацию в реальности «советской

¹ Reagan R. Statement on Soviet Union Withdrawal From the Intermediate-Range Nuclear Force Negotiations. November 23, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/112383c.htm>

² Reagan R. Statement on Soviet Human Rights Policies. October 18, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/101883b.htm>

³ Reagan R. Address to the Nation and Other Countries on United States-Soviet Relations. January 16, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/11684a.htm>

⁴ Reagan R. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Death of President Yuriy V. Andropov of the Soviet Union. February 10, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/21084c.htm>

⁵ Reagan R. Radio Address to the Nation on United States-Soviet Relations. February 11, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/21184a.htm>

угрозы», обуздать которую сможет *только Рейган*, предвыборная кампания 40-го президента США активно разыгрывала «советскую карту». Даже отмечая 35-тилетие образования НАТО, американский президент вынужден был оглядываться на рейтинг и утверждать, что «нет ничего важнее, нежели установление более продуктивных взаимоотношений с Советским Союзом», отмечая, что США «готовы к честным переговорам с СССР, *готовы уступить и не ставить предварительных условий* [курсив мой – О.Д.]»¹.

Когда же образ Р. Рейгана, буквально «умоляющего» СССР решиться на переговорный процесс по разоружению, прочно вошел в умы и сердца американцев, тактика президента переменилась на кардинально противоположную. В своих октябрьских выступлениях, накануне выборов, Рейган стремился подчеркнуть, что любые контакты с СССР необходимо вести с позиции силы, наращивая американский военный потенциал и осознавая всю серьезность советской угрозы².

После своего переизбрания на второй срок, в конце 1984 г., Р. Рейган не просто вернулся на прежние антисоветские пропагандистские позиции, но и реже и с заметно меньшим энтузиазмом стал высказываться о возможности перемен к лучшему в американо-советских отношениях. Опыт сотрудничества с тремя «кремлевскими старцами» сформировал и закрепил рейгановское негативное восприятие советской системы и возможных перспектив ее развития. К.У. Черненко – дряхлеющий, страдающий одышкой, читающий с листа «коллективно принятые решения» – сыграл в этом свою, вполне определенную роль. Он рассматривался в качестве переходной фигуры на Западе, да и в самом СССР, где напряженно ждали того, кто придет ему на смену.

Таким образом, Запад готовился к встрече нового советского лидера, в иллюзорном «всеоружии» традиционных, агрессивных-антисоветских стереотипов и лозунгов, служивших обоснованием наращиванию темпов гонки ядерных вооружений. Последующие события наглядно продемонстрируют беспомощность Запада и бесполезность привычных средств, направленных против нового советского лидера.

¹ Reagan R. Remarks on the 35th Anniversary of the North Atlantic Alliance. May 31, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/53184b.htm>

² Reagan R. Radio Address to the Nation on Foreign Policy. October 20, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/102084a.htm>

1.2. У истоков рождения феномена «Горби»: Запад о реформационном имидже нового советского лидера

Имя М.С. Горбачева впервые встречается в «Public Statements» Рональда Рейгана 21 декабря 1984 г. Отвечая на вопрос одного из журналистов о том, что думает президент «о господине Горбачеве и его критике программы «Звездных войн», Рейган безапелляционно обвинил молодого советского лидера в том, что «он не понимает о чем говорит» и виной тому – «огромное расстояние», с которого высказываются подобные суждения¹. Рейган вряд ли мог тогда четко и корректно сформулировать свое отношение к будущему главе СССР.

Некоторые сведения о новом советском политике дала Р. Рейгану Маргарет Тэтчер во время американо-британских переговоров в Кэмп-Дэвиде, 22 декабря 1984 г. Ей Горбачев представлялся невероятно очаровательным и приятным в общении, как и его жена – Раиса. При этом британский премьер-министр в ходе встречи с «Горби» постоянно напоминала себе старую истину: «чем очаровательнее противник – тем опаснее»². Но женская интуиция и сравнение М.С. Горбачева с другими советскими «первыми лицами» подсказывали, что этот лидер совершенно не вписывается в стандартные западные представления об СССР.

Очередной тур советско-американских переговоров по сокращению гонки вооружений был запланирован на 12 марта 1985 г.³ Однако за два дня до намеченного срока умер К.У. Черненко. Рейгану пришлось ждать восемь с половиной месяцев, мучительно гадая: не оправдается ли фраза, приписываемая, по слухам, А.А. Громыко, об «острых зубах», скрытых за «милой улыбкой» нового советского лидера М.С. Горбачева⁴. На пресс-конференции 11 марта 1985 г., Р. Рейган заявил, что «крайне сложно предсказать что бы то ни было» в отношении нового советского лидера, поскольку за ним стоит «дюжина функционеров из Политбюро» и все его

¹ Informal Exchange With Reporters on Foreign and Domestic Issues. December 21, 1984. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/122184c.htm>

² Thatcher-Reagan meeting at Camp David (record of conversation) [declassified 2000]. December 22, 1984. p.2. [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=109185&doctype=1>

³ Reagan R. Announcement of the Beginning of the Soviet-United States Nuclear and Space Arms Negotiations. January 26, 1985. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/12685a.htm>

⁴ Gates Robert M. “From the Shadows”: The Ultimate Insider’s Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. – N.Y.: Simon & Schuster, 1996, p. 329.

действия определяются этой «коллективной» спецификой руководства¹. Никогда прежде не сталкивавшийся с новым советским Генеральным секретарем лично, он совершал поступок, еще совсем недавно ставившийся в вину М.С. Горбачеву: с огромного расстояния он высказывал недвусмысленные суждения о марионеточной, слабой политической роли своего противника.

За подобными оценками стояла, в действительности, определенная растерянность Запада перед лицом непредсказуемого Горбачева. Безапелляционные построения антисоветской пропаганды до такой степени «вросли» в сознание большинства в западном обществе, что даже самые благие поступки, высказывания и жесты нового советского лидера вызывали подозрения в «подвохе». Удобнее и проще было увидеть в М.С. Горбачеве очередного советского аппаратчика, стремящегося любой ценой удержать в своих руках власть, сохраняя неизменным тоталитарный режим, чем принять и поверить в его роль реформатора, руководствующегося общечеловеческими идеалами мира, добра и справедливости.

Несколько отличную тактику поведения выбрала британская «железная леди». Летом 1985 года, когда первые 100 дней нового советского лидера остались позади, Маргарет Тэтчер произнесла, по сути, пророческие слова, предостерегавшие Запад от скоропалительных выводов: «Мы не должны недооценивать значение тех перемен, которые происходят в Советском Союзе»². И все же, причину происходивших изменений М. Тэтчер традиционно относила на счет смены поколений в Кремле. Новые, более молодые и более высокообразованные лидеры, прокладывая себе дорогу к вершинам власти, заявляла она, «испытывают гораздо меньше иллюзий в понимании значимости имиджа» и доказательством тому служат «горбачевские «хождения в народ», гораздо более частое использование пресс-конференций и брифингов, заявления о необходимости экономических реформ»³.

Определенные стереотипы влияли и на советскую сторону. Посол СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрынин отмечал в своих воспоминаниях, что М.С. Горбачев, готовясь к первой встрече с Р. Рейганом «все еще находился в плену классовой мифологии и идеологии», но «достаточно

¹ Remarks and a Question-and-Answer Session With Regional Editors and Broadcasters. March 11, 1985. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/31185a.htm>

² Thatcher M. Speech to International Democrat Union / Thatcher Archive: speaking text, 1985 Jul 25 Th., fo.9-10. [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=106103&doctype=1>

³ Ibid.

быстро избавлялся от этого груза и стремился придать советской внешней политике больше динамизма и гибкости»¹.

Стремление к конструктивным отношениям с США заставляло М.С. Горбачева переосмыслить значение традиционных дипломатических методов, и идти на прямой диалог с американской стороной. Подобная линия поведения была не типична для прежних советских лидеров и буквально загоняла западных аналитиков в тупик. Стареющий Рейган на фоне нового хозяина Кремля выглядел бледным подобием Л.И. Брежнева: теперь *он* плохо обходился без советников, а Горбачев, вопреки сложившемуся ритуалу поведения советских «вождей», в таковых не нуждался.

Разительные перемены в поведении Советов трактовались американской стороной двояко. С одной стороны, они могли означать попытку обмануть Запад, создав *видимость* перемен. А с другой – свидетельствовать о наличии значительного внутреннего кризиса в СССР, который заставляет М.С. Горбачева идти на *реальные уступки*. Второй вариант был для Рейгана явно предпочтителен, особенно в свете сложившихся в американском обществе стереотипов. Стивен Коэн так охарактеризовал образ Советского Союза, созданный американскими СМИ и превалировавший к 1985 г.: «одержимая кризисом, распадающаяся система, заключающая в себе стагнационную, не работающую экономику; «большое» общество и циничное население; коррумпированная бюрократическая элита; постоянно сменяющиеся, безрассудные и парализованные лидеры»². Избранная Вашингтоном жесткая линия потенциально должна была решить две задачи: не дать новому советскому лидеру обмануть американскую сторону, либо (в случае искренности намерений) заставить Кремль пойти на максимально возможные уступки.

Опрос общественного мнения в США накануне переговоров в Женеве свидетельствовал о глобальном недоверии американцев к мирным инициативам М.С. Горбачева. Лишь 13,76 % опрошенных оценивали его предложения как «действительно серьезные», тогда как 60,06 % полагали, что за идеей сокращения стратегических вооружений стоит стремление повлиять на мировую общественность, сделав имидж СССР более привлекательным³.

Однако Белому Дому пришлось констатировать некоторые реальные изменения в поведении Советов при М.С. Горбачеве. Радиообращение Р. Рейгана по поводу грядущего женевского саммита, транслировавшееся

¹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). – М., 1996. С.653.

² Cohen Stephen F. Op. cit. p.8.

³ The Gallup Poll #258G. Gallup Poll News Service. 10/11/1985-10/14/1985. [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=AIPO1258>

«Голосом Америки» на территорию СССР, впервые практически не глушила советская сторона¹.

Первые впечатления Рейгана от личных встреч с Горбачевым в ноябре 1985г. в Женеве оказались парадоксальными для него самого. Молодой советский лидер удостоился характеристики «очень умного человека»². Понимая, что М.С. Горбачев искренне верит в ценности враждебной по отношению к США системы, которая его воспитала, Р. Рейган, все же, не мог не подпасть под обаяние этого политика. В отличие от своих предшественников, Михаил Сергеевич умел слушать и заинтересовывать других, заставляя, тем самым, слушать себя. Не оттого ли среди итогов 1985 года Рейган назовет не большое, но все же продвижение «к идеалу длительного, глобального мира» и начало диалога с Советским Союзом³?

Вопреки ожиданиям западной общественности (31,58 % американцев полагали, что внутренняя политика СССР при Горбачеве стала «более либеральной», 12,41 % - считали ее «более репрессивной», а 46,68 % полагали, что ничего не изменилось)⁴, М.С. Горбачев постепенно качественно преобразовывал Советский Союз, а вместе с ним – и общественное мнение Запада. Неслучайным стало явное повышение интереса к «Горби» и «советскому вопросу» с начала 1986 г. СМИ все чаще цитировали Михаила Сергеевича, а нью-йоркское издательство «Ричардсон и Стерман» даже опубликовало книгу речей советского генсека под заманчивым названием «Грядущее столетие мира»⁵.

Сам год начался со знакового события – телевизионного новогоднего обращения Генерального секретаря ЦК КПСС к американскому народу. Затем последовал ряд других выступлений М.С. Горбачева в американских

¹ Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on Soviet Jamming of the President's Radio Address on the Upcoming Soviet-United States Summit Meeting in Geneva. November 9, 1985. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/110985b.htm>

² Question-and-Answer Session With Students at Fallston High School in Fallston, Maryland. December 4, 1985. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/120485b.htm>

³ New Year's Message to the People of Japan. December 31, 1985. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/123185a.htm>

⁴ The Gallup Pre-Summit Poll. 11/13/1985-11/14/1985. [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=NEWSWEEK85263>

⁵ Gorbachev Mikhail S. The Coming Century of Peace. – N.Y.: Richardson & Steirman, 1986. – 300 p.

СМИ с инициативами в области сокращения гонки вооружений и запрета на ядерные испытания.

Анализируя реакцию на выступления М.С. Горбачева в США, советский посол в Вашингтоне А.Ф. Добрынин указывал три характерных момента: во-первых, неожиданность и необычность обращения советского руководства, позволившие СССР достичь «нового пропагандистского выигрыша», поставив президента США «в положение обороняющегося»¹. Во-вторых, - «сильное недовольство» и раздражение Р. Рейгана, которого, по мнению американской общественности, М.С. Горбачев «переигрывает» в вопросах международной политики. В-третьих, американские СМИ опасались отмены или отсрочки намеченных на 1986 г. советско-американских переговоров по разоружению. Горячие споры вызвал вопрос о том, кто будет больше виноват – искусный дипломат М.С. Горбачев, выставляющий своими инициативами Вашингтон в невыгодном свете, или же – «собственная жесткость и негибкость Рейгана»².

За противостоянием Р. Рейгана и М.С. Горбачева, которое в интересах мира должно было перерасти в сотрудничество, со стороны наблюдала Европа. В Финляндии, например, опросы общественного мнения показывали явный рост симпатии к советскому лидеру. Примечательно, что 3/5 финнов трактовали деятельность М.С. Горбачева как положительную для Финляндии и всего мира, считая, что генсек СССР «дает надежду, его уважают, он стремится найти компромиссы». При этом Р. Рейган, по представлениям 2/3 респондентов, «представляет собой угрозу миру, не вызывает доверия финнов и не умеет идти на компромиссы»³.

Значительными событиями 1986 г., повлиявшими на «потепление» в отношении Запада к М.С. Горбачеву и СССР, стали: XXVII съезд КПСС, открывшийся (хотя это и не афишировалось) в 30-ю годовщину Секретного доклада Хрущева XX съезду партии; апрельский Пленум ЦК КПСС, сделавший длинное и трудно произносимое русское слово «perestroika» известным всему миру; названная позднее техногенной, катастрофа на Чернобыльской АС, проверившая «на прочность» и подтвердившая, хотя и не сразу, правомочность советского тезиса о «гласности»; октябрьские советско-американские переговоры на высшем уровне в Рейкьявике, которые, спустя десятилетие бывший мэр столицы и в дальнейшем премьер-министр Исландии Давид Оддссон назовет «поворотным пунктом в отно-

¹ Докладная записка [чрезвычайного и полномочного посла СССР в США] А. Добрынина о реакции в США на выступления М.С. Горбачева по телевидению. - Архив Горбачев-Фонда, Ф-2, О-1, № 61, л.1.

² Там же, л.2.

³ Письмо А.С. Черняеву от Генерального директора ТАСС С.А. Лосева с текстом сообщения ТАСС из Хельсинки (Финляндия) о результатах опроса общественного мнения и проектом сообщения ТАСС на скандинавские страны. – Архив Горбачев-Фонда, Ф-2, О-1, № 64, л.1.

шениях Востока и Запада», «заложившим фундамент» в завершении «холодной войны»¹.

Год наблюдений, прогнозов и анализа действий нового советского лидера вылился в ряд первых пробных работ исследовательского толка о М. С. Горбачеве в среде советологов. Пионером в этом вопросе стал профессор Принстонского университета, специалист в области Советской политики и истории Стивен Коэн, издавший уже в конце 1985 года свою знаменитую работу «Советикус: Американские ожидания и советские реалии»².

В ней автор отразил осторожное мнение о новом советском лидере, как о *возможном* реформаторе. Но в интерпретации С. Коэна задача Горбачева была чрезвычайно сложной. Во-первых, необходимо было, чтобы у нового советского генсека присутствовал реформаторский склад ума, что для Коэна (как и Запада в целом) не было еще очевидно. Во-вторых, даже при выполнении данного условия Горбачеву-реформатору пришлось бы потратить немало времени на укрепление своих позиций и личной власти. В-третьих, никто из партийных бюрократов, выходцев из старшего поколения, вероятнее всего не стал бы ему помогать, а в среде молодых секретарей из глубинки, склонных к впадению в крайности, молодому генсеку необходимо было не ошибиться в выборе между консерваторами и реформаторами.

Следует признать, что последний тезис С. Коэна оказался пророческим: восприняв консерватора-Ельцина, попавшего в Москву из Свердловска (т.е. той самой «глубинки») в качестве реформатора и демократа, М.С. Горбачев ошибся (вместе со всей страной!). А Б.Н. Ельцин, в свою очередь, не только не способствовал успеху перестройки, но и оказался главным инициатором печально знаменитых Беловежских соглашений, положивших конец не только перестройке, но и Советскому Союзу.

Сама по себе смена поколений партийной элиты, начатая М.С. Горбачевым, не была, по С. Коэну, гарантией «реформ сверху». Советолог не допускал и мысли о том, что М.С. Горбачев пойдет гораздо дальше ограниченных, с его точки зрения, реформ «оттепели» Н.С. Хрущева. Отражая сомнения западного сообщества 1985 года, С. Коэн подводил итог своих рассуждений отнюдь не оптимистично: «реформатор Горбачев может и не прийти»³.

Вторя Коэну, американский историк Жорес Медведев склонялся к мнению, что харизма М.С. Горбачева не сотворит чуда в условиях лишенного иллюзий советского общества⁴. Подобная оценка отражала

¹ The 1986 Reykjavik Summit: Ten Years Later. – Reykjavik, 1996, p.5.

² Cohen Stephen F. Sovieticus: Amerikan Perceptions and Soviet Realities. – N.Y., London: W.W. Norton & Company, 1985. – 187 p.

³ Ibid. pp.75-77.

⁴ Medvedev Zhores A. Gorbachev. - N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 1986, p.ix.

настроения той части западных аналитиков, которые не ждали от «Горби» ничего принципиально нового.

Ж. Медведев оказался одним из первых на Западе авторов, обратившихся к биографии Горбачева. Однако не все события из жизни нового советского лидера трактовались адекватно. Заявлялось, в частности, что «поколение коммунистических лидеров, к которому принадлежит Горбачев, не испытало страданий и страха. С самого начала своей политической карьеры они входили в число привилегированных»¹.

Ж. Медведев, эмигрировавший из СССР после смерти И.В. Сталина, словно бы «забыл» об ужасах немецкой оккупации, пережитых 10-летним Мишей Горбачевым на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны; о невзгодах нелегкой трудовой юности будущего Генерального секретаря; об отнюдь не безопасной атмосфере начала 1950-х гг., когда Горбачев учился на юридическом факультете МГУ. «Не учел» всех сложностей вовсе не привилегированной жизни семьи Горбачевых на первых порах... «Горби», в описании Ж. Медведева, получался гладкой, ярко выкрашенной матрешкой, с которой сдували пылинки, не давая увидеть окружающую действительность во всех ее, не всегда лицеприятных, проявлениях. Такой Горбачев, действительно, не мог быть «ни либералом, ни смелым реформатором»², что и постулировалось автором.

Подводя итоги первому году правления М.С. Горбачева, Ж. Медведев видел лишь «резолуции без реформ»³ и «баталию против бутылки»⁴ в экономике, превосходную «личную дипломатию»⁵ при легко предсказуемой внешнеполитической стратегии, не предвещавшей сюрпризов⁶.

Тем не менее, трактовка роли Горбачева как реформаторской становится на Западе со второй половины 1986 г. скорее традиционной, скептицизм аналитиков идет на спад. Примером подобного подхода в США стала работа Дуско Додера «Тени и шорохи: Могущественные политики Кремля от Брежнева до Горбачева»⁷. Ее автор – глава московского бюро «Washington Post» в 1981-85 гг., специалист, писавший статьи об СССР и Восточной Европе, начиная с 1968 г., – попытался проследить предысторию зарождавшейся в СССР перестройки и познакомить западного читателя с происходящими в стране переменами. Для этого он обширно цитировал официальные речи М.С. Горбачева, изучал общественное мнение в очерках Москвы 1985 года, сравнивал увиденное с недавним прошлым страны.

¹ Ibid, p.244.

² Ibid, p.245.

³ Ibid, p.189.

⁴ Ibid, p.186.

⁵ Ibid, p.228.

⁶ Ibid, p.237.

⁷ Doder D. Shadows and Whispers: Power Politics Inside the Kremlin From Brezhnev to Gorbachev. – N.Y.: Random House, 1986. – 340p.

Обращаясь к биографии М.С. Горбачева, Д. Додер излагал ее лаконично, но осмысленно. Наряду с некоторыми фактическими ошибками¹, он пытался понять логику действий и механизмы головокружительной карьеры молодого советского генсека, благодаря чему оказался едва ли не единственным автором, задавшимся вопросом о причинах первоначального выбора М.С. Горбачевым именно юридического образования. «Юридическая школа в те годы, – отмечает Дуско Додер, – не была лучшим выбором... Сталинский деспотизм признавал лишь один закон – закон его собственных приказаний. Но Ленин был юристом»². Тем самым американский журналист не только неосознанно проводил параллели между первым и последним советскими правителями, но и подчеркивал, что М.С. Горбачев уже в юные годы как бы подсознательно проводил невидимую грань между сталинским режимом, еще не приданным хрущевской «анафеме» XX съезда, и ленинским наследием.

Приход М.С. Горбачева к власти уже традиционно трактовался как хорошо спланированная борьба сторонников будущего генсека во главе с А.А. Громыко и его противников в лице В.В. Гришина и Г.В. Романова³. В Горбачеве Додер видел не только стремление к власти, но и «чувство мессианства»⁴, особого предназначения. Отдавая себе отчет в значимости первого впечатления, новый советский лидер всеми своими действиями стремился возродить оптимизм и дать импульс к качественным переменам⁵. Авторство идеи реформ Дуско Додер приписывал Ю.В. Андропову, полагая главной их сутью изменение «психологического настроения страны». М.С. Горбачев, в такой трактовке, становился лишь прилежным учеником и наследником, «использовавшим андроповский подход более энергично, чем мог ожидать его наставник»⁶ – по крайней мере, поначалу.

М.С. Горбачев в интерпретации Д. Додера не был первым русским реформатором. Однако заявленные им реформы имели две отличительные особенности. Во-первых, в их основе лежала экономическая необходи-

¹ Во-первых, Горбачев назван «русским до мозга костей» (Ibid, p.281), хотя известно, что М.С. на половину украинец. Во-вторых, по мнению Додера, Орден Трудового Красного Знамени, полученный Горбачевым за ударные сельскохозяйственные работы, якобы «открыл ему главную дверь в его карьере – через год он получил рекомендацию местной администрации к поступлению в МГУ без экзаменов» (Ibid, p.282). В действительности, Горбачев был рекомендован в кандидаты в члены партии, что, наряду с Орденом и серебряной медалью за окончание школы, действительно, способствовало поступлению в МГУ без экзаменов.

² Ibid, p. 282.

³ Ibid, pp. 255-256, 266-267.

⁴ Ibid, p. 252.

⁵ Ibid, p. 272.

⁶ Ibid, p. 276. Подобные идеи, как упоминалось выше, высказывались и соотечественниками Горбачева, например, Н.И. Рыжковым. Однако у отечественных авторов серьезной поддержки они не нашли.

мость, а не «мечты о... великолепном коммунистическом будущем». Во-вторых, Горбачев, опираясь на интуицию, стремился «изменить образ жизни и мышления русских»¹.

«Медовый месяц» нового советского лидера с народом, по мнению американского исследователя, длился более года и был прерван трагическими событиями чернобыльской катастрофы, а точнее – нерешительностью Горбачева, столь несовместимой с кризисом. Но, в то же время, под влиянием случившегося, «сам Горбачев изменился... и, похоже, продолжает меняться»².

Мартин Уолкер, в течение 15 лет проработавший в Москве в качестве специального корреспондента британской «Guardian», отразил свой взгляд на феномен М.С. Горбачева в работе «Пробуждающийся гигант». Для него, смотревшего на нового лидера СССР «изнутри» советского общества сквозь призму событий 1986 г., М.С. Горбачев был *безусловным реформатором*. Все его предшественники в нелегком деле реформирования – от Ивана Грозного и Петра Великого до Иосифа Сталина – брали слишком высокую, ужасную цену за свои преобразования. На долю «Горби», по мнению Уолкера, выпала совершенно нетипичная, невиданная в российской истории задача: произвести фундаментальные изменения в своей стране, опираясь на ее поддержку и согласие – т.е., *другой, неизвестной России ценой*³.

Работа М. Уолкера, будучи публицистической, предназначалась простым читателям во всех англо-говорящих странах. Незамысловатым языком Уолкер на примерах из жизни СССР показывал суть происходивших в стране перемен, искренне веря в отнюдь не косметическую их суть. Автор признавал, что СССР «остается страной, о которой мы [американцы и весь западный мир – О.Д.] отчаянно мало знаем; и до тех пор, пока мы не узнаем больше, у нас недостаточно прав судить о ней»⁴.

Результаты опросов общественного мнения в США свидетельствовали, что именно Д. Додер, М. Уолкер и подобные им авторы, формировали взгляды простых американцев, традиционно не интересовавшихся внешней политикой. В октябре 1986 г. 43,6 % американцев относились к Горбачеву благосклонно, в то время как 46,9 % оценивали его негативно⁵. В июле 1987 г. первая группа респондентов выросла до 52,9 %, а числен-

¹ Ibid, p.306.

² Ibid, p.321.

³ Walker M. The Waking Giant: The Soviet Union Under Gorbachev. – London, 1986, p. xxix.

⁴ Ibid, p.259.

⁵ The Gallup Poll # 269 G. 10/24/1986-10/27/1986. [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=AIPO1269>

ность второй - сократилась до 28,5 %¹. В два раза – с 9,5 до 18,7 % - выросла и группа опрошенных, затруднившихся дать определенный ответ на вопрос о роли Горбачева. Причем, если в конце 1986 г. нейтральный ответ формулировался, как «не знаю», то летом 1987 г. он трансформировался в «знаю не достаточно», что было символично. Америка не просто *терялась в догадках* о роли Горбачева в развитии своей страны и всего мира, но *начинала задумываться*, а это, в отношении иностранных лидеров, случалось не часто, поскольку простые граждане США в вопросах внешней политики предпочитали доверять СМИ и Белому Дому. Позиции же прессы и администрации Рейгана в оценках «Горби» радикально расходились, что и создавало определенное замешательство в обывательской среде.

Если верить заявлениям американского президента, то 1985 год завершался «приближением к идеалу длительного, глобального мира»². Однако Рональд Рейган, вопреки всем предложениям советской стороны по разоружению, продолжал и в 1986 г. отстаивать в Конгрессе высокие цифры военного бюджета, оправдывая их «начавшимся в 1970-х и... продолжающимся по сей день... величайшим в истории человечества» наращиванием военной мощи Советским Союзом³.

Более того, 40-й президент США был уверен, что американской нации крайне важно вкладывать значительные суммы «в поддержание средств устрашения и сохранение мира», поскольку именно факт наличия подобных инвестиций, по логике Р. Рейгана, и делал США «первой среди наций мира»⁴. Получалось, что Америка ничем не лучше Советов. Ведь статус «сверхдержавы» СССР также удерживался, по мнению Рейгана, исключительно силой оружия?!

8 марта 1986 г. Рейган вспомнил об СССР в связи с ситуацией в Никарагуа, к которой, по его мнению, была причастна Москва⁵. Американ-

¹ The Gallup Poll # 278 G. 07/10/1987-07/13/1987. [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access: <http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=AIPO1278>

² Reagan R. New Year's Message to the People of Japan. December 31, 1985. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/123185a.htm>

³ Reagan R. Remarks to Business Leaders During a White House Briefing on the Fiscal Year 1987 Budget. January 24, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/12486c.htm>

⁴ Reagan R. Message to the Congress on the Strategic Modernization Program. June 3, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/60386c.htm>

⁵ Reagan R. Radio Address to the Nation on United States Assistance for the Nicaraguan Democratic Resistance. March 8, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President

ская военная помощь Никарагуа мерялась особой меркой Белого Дома и признавалась правомерной. Выходило, что военная помощь, оказанная Советским Союзом Афганистану в 1979 г. по просьбе правительства этой страны, была «вероломным вторжением», в то время, как американская военная помощь нелегальным «демократическим силам сопротивления» в Никарагуа – законным актом, направленным на реализацию идеи глобального мира... Главным критерием оценки подобных явлений традиционно выступали интересы США. Ради их оправдания президент страны мог даже без стеснения лгать нации, заявляя, что коммунистические силы Никарагуа оснащены «советскими военными вертолетами – машинами смерти, используемыми и для уничтожения афганского народа»¹. Это заявление должно было оправдать американскую военную помощь повстанцам в момент, когда коммунистическое правительство Никарагуа собиралось сесть за стол переговоров с оппозицией! Пройдет еще 4 года прежде, чем Белый Дом признает, что советского оружия никогда не было в Никарагуа, но будет это уже при Дж. Буше...

Руководствуясь жизненным опытом и неосознанно экстраполируя свои познания об американской системе на систему советскую, Рональд Рейган не верил в возможность каких-либо серьезных, позитивных изменений в СССР. На ежегодном ужине журналистов в Белом Доме в апреле 1986 г. среди прочих из уст Рейгана прозвучала и шутка о Советском Союзе и его новом лидере, вызвавшая взрыв смеха: «Сегодня я получил очередное письмо от Горбачева. Он предлагает ввести выборы в СССР по американскому образцу, открыть границы для свободного передвижения людей, основать независимые СМИ и снести Берлинскую стену. Его предложения были отвергнуты как устаревшие»². Рейган и авторы его речи, не могли представить, что через 3–4 года «устареет» сама шутка, смеяться над которой никому не придет в голову.

Чернобыльская катастрофа оказалась не только поворотным пунктом в истории СССР и политической биографии М.С. Горбачева, проверкой на прочность гласности и перестройки, но и «лакмусовой бумажкой», позволившей отчетливее увидеть негативные стороны самой американской системы. Заявление пресс-секретаря Белого Дома от 30 апреля 1986 г. удивляло своей бестактностью, бездушностью и прагматизмом. Сообщая об отсутствии опасности радиоактивного заражения для США, о создании

Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/30886a.htm>

¹ Ibid.

² Reagan R. Remarks at the Annual White House Correspondents Dinner. April 17, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/41786e.htm>

специальной комиссии для рассмотрения ситуации в Чернобыле и даже о количестве уранового графита, горящего в четвертом реакторе АЭС, Белый Дом не интересовало, сколько граждан СССР пострадало в этой техногенной катастрофе и все ли можно сделать, чтобы обезопасить *этих людей*. В то же время, в США особо сетовали на отсутствие данных в Москве об американцах, которые могли находиться вблизи Киева. По мнению пресс-секретаря, советское правительство «разумеется, обязано» было эвакуировать таковых «как только получит соответствующий запрос». К его огромному сожалению советская сторона «не сообщила, какие именно действия предпринимаются для того, чтобы *обезопасить американских граждан*, оказавшихся на территории страны [курсив мой – О.Д.]»¹. Помощник госсекретаря Розана Риджвей выразила соболезнования прагматичной фразой: «Мы надеемся, что число погибших и материальный ущерб будут минимальными»².

Наибольшее число американских предложений о времени проведения переговоров по разоружению и визите М.С. Горбачева в США, было сделано в период ликвидации первых последствий Чернобыльской катастрофы – в конце апреля – начале мая 1986 г.³, когда у советского правительства в целом и Горбачева, в частности, по вполне понятным причинам, не было ни сил, ни времени обсуждать подобные вопросы.

Примечательно, что в течение именно 1986 г. Рейган осознанно усиливал давление на советскую сторону в ставших уже традиционными

¹ Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Soviet Nuclear Reactor Accident at Chernobyl. April 30, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/43086b.htm>

² Ibid.

³ Reagan R. Written Responses to Questions Submitted by Japanese News Organizations. May 2, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/50286a.htm> ; Reagan R. Statement on the Soviet-United States Nuclear and Space Arms Negotiations. May 7, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/50786c.htm> ; Reagan R. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on Soviet General Secretary Gorbachev's Address on the Nuclear Reactor Accident at Chernobyl. May 14, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/51486c.htm>

болевыми точками афганской тематики¹, независимости Прибалтики², проблемы «политических заключенных» в СССР³.

Качественных перемен в направленности “Public Statements” Рейгана в советском вопросе не произошло и в 1987 г., разве что «масла» в «огонь» добавила история с новым зданием напичканного аппаратурой прослушивания американского посольства в Москве⁴.

Британские консерваторы тем временем пытались использовать происходившие в СССР перемены в качестве источника собственной популярности, очередного (после истории с «маленькой победоносной войной» за Фолклендские острова) «козыря» в предвыборной кампании. В марте 1987 г., за два месяца до выборов в британский Парламент, М.Тэтчер посетила СССР. Переговоры длились семь часов, за ними следовала культурная программа и встреча с москвичами. Домой Тэтчер забирала образ огромной, стремительно меняющейся страны, «народа, стоящего у поворотного пункта своей истории»⁵. Словно предупреждая беспокойную русскую душу, постоянно жаждущую *немедленных* результатов, Тэтчер напомнила:

¹ Reagan R. Proclamation 5450 -- Afghanistan Day, 1986. March 21, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/32186b.htm> ; Reagan R. Statement Following a Meeting With Leaders of the Afghan Resistance Alliance. June 16, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/61686b.htm>

² Reagan R. Proclamation 5501 -- Baltic Freedom Day, 1986. June 12, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/61286f.htm>

³ House Statement on the Release of Anatoly Shcharanskiy From the Soviet Union. February 11, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/21186a.htm>; Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the President's Meeting With Natan Shcharanskiy. May 13, 1986. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/51386e.htm>

⁴ Reagan R. Radio Address to the Nation on Embassy Security in Moscow and Canada-United States Relations. April 11, 1987. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1987/041187a.htm>

⁵ Thatcher M. TV Interview for ITN (visiting Moscow) / Thatcher Archive: COI transcript, 1987, Mar 31 Tu., fo. 6. [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=106781&doctype=1>

«Перемены никогда не даются легко. В некоторых делах первыми проявляются негативные стороны, и лишь после приходит успех»¹. Это напоминание было обращено и к британской аудитории, оценивавшей деятельность своего премьера не слишком высоко. Умело разыгранная «советская карта» позволила Маргарет Тэтчер выиграть очередные выборы и сохранить свое премьерское кресло.

В целом, 1987 год характеризовался всплеском исследовательской и публицистической активности в «советском вопросе». Значительный интерес к личности М.С. Горбачева проявился в непривычно длинном списке его биографий, написанных, преимущественно, американскими авторами².

Итоги же года оказались неожиданными для западной общественности и политической элиты. Голосование читателей одного из авторитетнейших журналов США – «Time» - сделало Горбачева «человеком 1987 года»³. Звание, присвоенное советскому лидеру, было нейтральным по своей сути и символизировало лишь тот факт, что именно М.С. Горбачев в ушедшем году, по мнению американцев, создавал главные мировые новости дня.

1988-й, последний год президентства Р. Рейгана, показал, что изменения, произошедшие в СССР уже за первые три года перестройки, были весьма заметны для непредвзятого наблюдателя. Со стороны они не выглядели тогда ни «косметическим ремонтом» давшего трещины социалистического лагеря, ни формальностью. Это было очевидно для западного общества, что ярко отражалось в результатах опросов общественного мнения. Институт Гэллапа провел в конце XX века исследование, направленное на выявление людей, которые в соответствии с опросами общественного мнения США в течение 1936–1999 гг. оказали наибольшее влияние на США и мир. В 1987 году таковым был признан единственный за все время существования «Гэллап Пол» русский – М.С. Горбачев. Отмечалось, что на 54 % респондентов советский лидер производил благоприятное впечатление, в то время как 28 % оценивали его негативно. Здесь следует упомянуть и другой значительный факт: за все время проведения опросов Институтом Гэллапа в XX веке (1936–1999 гг.) столь значительного внимания

¹ Ibid.

² К началу 1988 г. их число приблизилось к десяти: Medvedev Z. Gorbachev. Norton, 1986; Butson T. M. Gorbachev, Chelsea House, 1986; Schmidt-Hauer C. Gorbachev: The Path To Power. Salem House, 1986; Goldman M. Gorbachev's Challenge, Norton, 1987; Frankland M. The Sixth Continent: M. Gorbachev And The Soviet Union, Harper & Row, 1987; Owen R. Comrade Chairman: Soviet Succession And The Rise of Gorbachev. Arbor House, 1987; Zmetsov I. Gorbachev: Between Past And Future. Hero Books, 1987; Sullivan G. M. Gorbachev. Messner, 1988; Sullivan G. M. Gorbachev. Messner, 1988.

³ Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of "Time" Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. – N.Y.: A Time Book, distributed by New American Library, 1988. p.4.

кроме М.С. Горбачева у американцев удостоивался лишь один иностранный общественный деятель – Папа Римский Иоанн Павел II в 1980 г.¹.

О росте международного признания происходивших в СССР перемен и их автора свидетельствовал и все возрастающий поток писем к Горбачеву.

Для периода советской истории, предшествовавшего перестройке, письма из стран Запада, написанные советскому лидеру, стали поистине прецедентом. Обращение американской девочки Саманты Смит к Ю.В. Андропову послужило в СССР основанием кампании по поднятию международного престижа. В США произошедшее не поняли и, вероятно, «приняли меры».

Известно, в частности, что после своей триумфальной поездки по СССР, Саманта выступала перед согражданами, пытаясь донести до них идею стремления советских людей к миру во всем мире – что противоречило официальным заявлениям администрации Рональда Рейгана. В ходе очередного путешествия по США для встреч с общественностью, Саманта и ее отец погибли в авиакатастрофе. Как полагают американские сторонники «теории заговоров», произошедшее не могло быть результатом «простой случайности».

Что касается М.С. Горбачева, то уже сам факт написания писем столь большим числом людей со всего света к лидеру иностранного государства, как отмечал их позднейший издатель Ллойд Фишель, был «беспрецедентным случаем»². В предисловии к англоязычному изданию отобранных им материалов, он вспоминал, что всё это море из более чем 120 тысяч писем «безусловно представляет некий феномен»³. Добавим: феномен, порожденный другим феноменом – феноменом Горбачева и инициированных им перемен, столь широко разрекламированных западными СМИ. Появлению столь обширной и специфической по содержанию корреспонденции способствовал обнадеживающий прогресс в переговорах по разоружению, а также, не исключено, сам имидж нового хозяина Кремля, чьи «выходы в народ» в СССР и общение «без бумажки» с западными лидерами не вписывались в привычные рамки представлений о Советах. Всё это трансформировалось в феноменальность или, цитируя Л. Фишеля, «историческую значимость»⁴ М.С. Горбачева и начатых им процессов.

¹ См.: Timeline Of Polling History: People That Shaped the United States, and the World. The Gallup Poll: 65 Years of Polling History. [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access: <http://www.gallup.com/poll/content/?ci=9964&pg=1>

² Dear Mr. Gorbachev / Edited by Lloyd S. Fischel. – Edinburgh: Canongate Press, 1990. p.xiii.

³ Ibid. p.xiv.

⁴ Ibid. p.xvi.

Профессор Бил Уоллес в предисловии к изданию избранных писем к президенту СССР лаконично охарактеризовал изменения, произошедшие в мире в 1985-90 гг.: «Горбачев так много сделал для изменения направления советской политики и, следовательно, международных отношений, что теперь трудно даже мысленно вернуться к тому состоянию чрезвычайного напряжения между Востоком и Западом, которое предшествовало его времени»¹.

Одной из главных тем, затронутых авторами писем, было разоружение. В М.С. Горбачеве видели человека «с новым подходом к роли собственного лидерства», «несущего надежду народам Запада и своей собственной стране»². Ему предлагали различные варианты сокращения вооружений и контроля за программой «звездных войн», понимая, что «Господь не в силах написать 10 заповедей ядерного разоружения на здании ООН»³. Ему изливали душу, повествуя о детских страхах времен Карибского кризиса, когда американские школьники задумывались над вероятностью наступления нового дня и опасностью того, что «мир взорвется раньше»⁴...

Были те, кто видел в Горбачеве безусловно талантливого политического лидера. Житель Лэндсдейла, штат Пенсильвания – Крейг Райф – благодарил Михаила Сергеевича за его теле интервью для NBC. «Надеюсь, – писал он, – что и у нашей страны [США – О.Д.] вскоре появится лидер, склонный в такой же мере посвящать ваш [советский – О.Д.] народ в наши проблемы и чаянья». Автор письма осознавал всю значимость предотвращения возможности ядерной войны и логично считал при этом, что «развитие всемирного языка, дороги из Европы в Китай, поиск лекарства от рака, озеленение Сахары и другие, еще более благоразумные проекты» являются лучшей сферой приложения сил и возможностей человечества⁵.

Среди авторов посланий были и те, кто не только всецело поддерживал Горбачева в его начинаниях, но и почти требовал не отходить от избранной позиции. В числе таковых была Кэрол Росин – американская исследовательница, основавшая в Вашингтоне Институт по Безопасности и Сотрудничеству в Космосе, приславшая в январе 1988 года телеграмму советскому лидеру: «Пожалуйста, отстаивайте свою позицию. Никаких исследований или испытаний в космосе. Не позволяйте продолжать исследования или проводить эксперименты в рамках СОИ. Законопроект по запрету всех видов вооружения в космосе вскоре будет представлен на рассмотрение Сената»⁶.

¹ Ibid. p.2.

² Gentile Donna. Letter to Mr. Gorbachev. September 30, 1987 / Dear Mr. Gorbachev... p.9.

³ Cowan Ed. Letter to Mr. Gorbachev. June 5, 1987 / Dear Mr. Gorbachev... p.8-9.

⁴ Stuteville Nicholas S. Letter to Mr. Gorbachev. December 12, 1987 / Dear Mr. Gorbachev... p.12-13.

⁵ Rife C. Letter to Mr. Gorbachev. December 1987 / Dear Mr. Gorbachev... p.14-15.

⁶ Rosin C. Letter to Mr. Gorbachev. January 1988 / Dear Mr. Gorbachev... p.16.

Следует хорошо понимать, что для западной политической элиты признать произошедшие в СССР и в международных отношениях перемены – означало взять на себя некоторые обязательства по поддержке начатого Горбачевым курса и сократить военные бюджеты, принимавшиеся под лозунгами «коммунистической угрозы», свернув пропагандистские заявления о неспособности Советов к качественным изменениям. До окончания президентства Рейгана оставалось несколько месяцев и «под занавес» своей политической карьеры в конце 1988 г. он должен был создать очередной американский исторический миф – миф «победы Америки» над Советами в «холодной войне».

16 ноября 1988 г. в заявлении о советско-американских переговорах по разоружению Рейган подчеркивал значительность достигнутого в последние годы прогресса. В наследство следующей президентской администрации оставался «надежный фундамент для будущего строительства» и «разрешения кажущихся трудными задач»¹.

Красноречивым свидетельством влияния Рональда Рейгана на представления западной политической элиты в «советском вопросе» необходимо признать заявление об окончании «холодной войны», сделанное М. Тэтчер 17 ноября 1988 года (на следующий день после визита в США и переговоров с Рейганом!)².

Разворачивавшееся в верхах Запада действие явно демонстрировало реализацию детально проработанной имиджмейкерами схемы постепенного и умеренного признания М.С. Горбачева и достигнутых им успехов. Однако в размеренность и предсказуемость планов вторглась в начале декабря 1988 года непредсказуемая Госпожа История.

¹ Reagan R. Statement on the Soviet-United States Arms Control Negotiations. November 16, 1988. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/111688c.htm>

² Thatcher M. Press Conference for Washington Post and Newsweek / Thatcher Archive: COI transcript, 1988, November 17, fo. 1. [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=107390&doctype=1>

1.3. М. С. Горбачев и программа нового политического мышления: голос, который был услышан Западом

Сразу два крупных события, связанных с СССР и М.С. Горбачевым, ознаменовали для мирового сообщества день 7 декабря 1988 года¹. Выступление советского лидера на пленарном заседании 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с речью под недвусмысленным названием – «Дорога в будущее». И землетрясение в Армении силой 7 баллов по шкале Рихтера, разрушившее города Спитак, Ленинакан, Степанаван и Кировакан и унесшее, по скромным подсчетам, жизни 25 тысяч человек, оставив без крова полмиллиона жителей.

По мнению американских издателей, готовивших полнотекстовую речь М.С. Горбачева к публикации летом 1989 г., трагические события в Армении отвлекли внимание западного общества, не позволив в полной мере оценить всю важность заявленных Горбачевым инициатив². Однако по прошествии четверти века, подобная точка зрения отнюдь не очевидна. Для большинства современных исследователей чрезвычайная важность и значимость речи М.С. Горбачева в ООН несомненна.

Скорее, наоборот. На волне всепоглощающего сочувствия к лидеру, чью страну постигло огромное горе, мировое сообщество всерьез прислушалось к нему и... услышало! Голоса агрессивных скептиков впервые почти полностью заглушил восторженный хор сторонников «Горби». Газеты пестрели броскими заголовками передовиц, сообщавших, что «XXI век начался на этой неделе»³. Некоторые издания даже стремились подчеркнуть, что ответные меры НАТО по значительному сокращению войск, дислоцированных в Европе, не были реакцией на «перестраивающие» заявления Горбачева в ООН и прорабатывались заранее⁴.

Речь советского лидера, обращенная к Генеральной Ассамблее ООН, по своему содержанию не была новой в полном смысле слова. В ней получили дальнейшее развитие идеи, высказывавшиеся М.С. Горбачевым и раньше, в частности, односторонние инициативы по сокращению советского контингента и вооружений в Европе. Но рискуя сделать первый и, возможно, не самый безобидный для национальной безопасности своей страны шаг, Горбачев взывал к ответным действиям мирового сообщества

¹ День был особо значим для американцев, поскольку 7 декабря 1941 года с нападения японцев на Перл-Харбор для США началась Вторая мировая война.

² Oliver D., Polese R. *Toward a World That Works Together / Gorbachev M. A Road To The Future: Address by Mikhail Sergeyevich Gorbachev, General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, at the plenary meeting of the Forty-third Session of the United Nations General Assembly, In New York, Wednesday, December 7, 1988.* p.5.

³ Ibid. p.6.

⁴ NATO Forms Arms-cut Plan // Albany Times Union (Albany, NY). December 8, 1988.

«во имя мирного сосуществования будущих поколений»¹. Стремление к «миру во всем мире», превратившееся для СССР в повседневный, заученный лозунг, было оформлено новыми и обезоруживающе понятными фразами. Оказалось, что *можно* пробиться к сознанию западной публики даже через казавшиеся непреодолимыми дебри складывавшихся десятилетиями антисоветских идеологических штампов, стереотипов и страхов.

Лидер «империи зла» в одночасье трансформировался в сознании американцев и народов других стран в человека, ведущего за собой к новому, лучшему миропорядку. Невероятной фантазмагорией для недавнего прошлого звучали строки редакционной статьи в полнотекстовом издании речи Горбачева в ООН. «Если сейчас народы и нации упустят шанс объединить свой творческий потенциал и добрую волю с устремлениями Михаила Горбачева, они рискуют получить в трудах грядущих историков репутацию отсталых людей с эгоистично-примитивным мышлением»². Обращение редакторов «к американцам в особенности» звучало как предупреждение: «настал момент отложить привычное мышление эпохи «холодной войны», оставить в стороне 40-летние сомнения в том, что от СССР может исходить что-либо хорошее... Каким бы ироничным не казались нам [американцам – О.Д.] хитросплетения истории, мы не должны терять время, уподобляясь нашим прежним идеологическим противникам, дабы не упустить этот золотой шанс»³.

Действительно, пресловутые «Запад» и «Восток» неожиданно для самих себя менялись местами. Передовые, значимые для всего мира идеи и ценности провозглашала советская система, в то время как Запад в лице США четко следовал закостенелым идеологическим установкам 40-летней давности.

Здесь необходимо отметить, что в отличие от своих предшественников на посту главы советского государства, которые, по свидетельству А.Н. Яковлева, «ничего сами не писали, если не считать полуграмотные резолюции», Горбачев никогда не использовал в своих выступлениях тексты речей, составленные штатом «спичрайтеров» *без его личного* участия. Он, по сути, оказался одним из первых постсталинских руководителей, кто «сам писал, умел диктовать, править, искать наиболее точные выражения,... был способен альтернативно рассуждать»⁴. Именно поэтому реакция Запада на «речь Горбачева в ООН» была, кроме прочего, реакцией на идеи и призывы *Горбачева*, а не *советской системы*. В этом также проявлялся феномен первого президента СССР.

¹ Oliver D., Polese R. Op. cit. p. 6.

² Ibid. p.7

³ Ibid. p.8.

⁴ Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина: В 2-х книгах. Книга вторая. – М.: «Вагриус», 2001. С.12.

Проблема феномена Горбачева была впервые заявлена на Западе именно в 1988 г., в «предвкушении» наиболее значительных шагов советского лидера. Автором термина стал американский профессор истории М. Левин, чья работа с многозначительным названием «Феномен Горбачева: Историческая интерпретация» была издана Калифорнийским университетом¹. При отсутствии четкого определения феноменальности советского лидера, подкупал сам факт попытки исторической интерпретации, признававший масштабность инициированных М.С. Горбачевым перемен уже на первом этапе перестройки, когда, казалось бы, еще нельзя было дать адекватной оценки возможным результатам первых шагов советских реформ. В этой связи Левин называл свое исследование работой «в жанре истории современности»², рассматривая феномен Горбачева через призму становления советской экономики и общественной структуры, начиная с октября 1917 г. Частью процесса формирования новой советской интеллигенции в условиях вынужденной урбанизации, порожденной свёртыванием НЭПа и коллективизацией, был и происходивший из крестьянской среды Горбачев. Он видел вблизи механизмы экономического управления, внедренные в жизнь в 1930-е гг. и ставшие причиной кризиса начала 1980-х гг. Этот жизненный опыт, по Левину, стал причиной феноменального горбачевского инициирования реформ. В этой интерпретации «Горби» оказался реформатором не «вдруг». Его стремление к переменам получало логичную мотивировку. В случае вовлечения в политические процессы в СССР групп, близких по мировоззрению к М.С. Горбачеву и его сторонникам, М. Левин предрекал не просто победу перестройки, но и «завоевание партии изнутри» - т.е. победу в битве за новую эпоху³.

В целом, исследование Левина отличалось исключительным интересом к аграрному вопросу в СССР и почти не раскрывало «феноменальность» Горбачева, заявленную темой работы. Представляется, что автор, тем самым, использовал имя советского лидера на обложке своей книги в качестве своеобразного «лейбла», гарантировавшего коммерческий успех издания. Левин личным примером демонстрировал типичный для Запада парадокс: он осознавал беспрецедентность явления Горбачева-политика и реформатора, но не мог в полной мере ни объяснить, ни описать *в чем* она заключалась. Феноменальность М.С. Горбачева становилась как бы априорной, «самоочевидной» вещью.

На фоне своеобразного бума «горбимании» заметнее становились серьезные попытки изучения биографии и феномена советского лидера. После провозглашения журналом «Time» в 1987 г. Горбачева «человеком года», событием 1988 года, если не столетия, для самого «Time» стало

¹ Moshe Lewin. The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation. – Berkeley & Los Angeles, University of California Press, 1988, 177p.

² Ibid. p.vii.

³ Ibid. p.149.

издание биографии советского лидера в книжном формате. Ведь за более чем 60-летнюю историю журнала все его публикации никогда не выходили за рамки еженедельного формата! Однако интерес к личности М.С. Горбачева и объем материалов, собранных о нём были столь велики, что издатель еженедельника отважился на почти 300-страничную книгу¹! В основе работы лежало желание издателей написать не формализованную биографию очередного советского лидера, содержащую перечисление постов и наград, но – глубоко личную историю живого и яркого человека.

В красочном, насыщенном анекдотичными ситуациями последних лет введении, Струб Талбот пытался всесторонне охарактеризовать Михаила Горбачева. В этом портрете чувствовалась определенная неуверенность автора в оценке советского лидера. М.С. Горбачев, с одной стороны, вызывал симпатию, и ему очень хотелось верить. Но, одновременно, его успехи, в том числе в сфере связей с общественностью, – пугали и настораживали. В его благие намерения хотелось верить, но доверяться ему полностью было бы опрометчиво. Талбот напоминал читателям громыковскую фразу о «стальных зубах за милой улыбкой» Горбачева² и говорил об экспериментировании советского лидера со словом «да» в традиционной советской «нет»-дипломатии³; заявлял, что Кремль при М.С. Горбачеве формулирует предложения по разоружению быстрее, чем администрация Рональда Рейгана успевает отвергать их⁴; напоминал слова Горбачева о том, что советской внешней политике необходима *peredyshka* в изматывающем соревновании гонки вооружений⁵. Все эти и многие другие «штрихи к портрету» Горбачева можно было трактовать двояко, с учетом стремления СССР «выиграть время» для последующего наступления на Запад с новыми силами, что, при желании, легко читалось между строк.

В то же время, определенное развитие получила и другая точка зрения, в соответствии с которой истинные намерения СССР вполне совпадали с заявлениями Кремля о необходимости разоружения. Рассматривая гонку вооружений как ответ СССР на технические инновации США, исследователь Мэтью Евангелиста был склонен к негативной оценке программы «Звездных войн», видя в ней препятствие на пути к разрядке⁶.

Значительный рост интереса к перестройке и ее инициатору, а также – спад скептицизма в оценке сути реформ М.С. Горбачева – демонстриро-

¹ Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of "Time" Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. – N.Y.: A Time Book, distributed by New American Library, 1988. – p.5.

² Ibid, p.8.

³ Ibid, p.10.

⁴ Ibid, p.10.

⁵ Ibid, p.9.

⁶ Evangelista, Matthew. Innovation and The Arms Race: How The United States and The Soviet Union Develop New Military Technologies. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1988. pp.261-262.

вало изданное в 1988 г. исследование «Реформы Горбачева: Американский и японский подходы»¹, созданное объединенными усилиями ведущих политологов и советологов двух стран. Все авторы, принявшие участие в проекте, признавали отнюдь не косметическую суть перемен в СССР, «превышедших ожидания советологов»². Размах изменений в сфере советской внутренней политики, как полагали исследователи, во многом превосходил достижения в области политики внешней³. Это служило источником сравнения перестройки с эпохой хрущевской «оттепели», НЭПа и сталинской «революцией сверху» 1928-1930 гг., когда внешнеполитический курс оставался неизменным. Подобные аналогии, как отмечали авторы, могли использоваться в качестве обоснования «предположения о неизменности национальных [советских – О.Д.] интересов и стратегических установок»⁴ в области внешней политики. Не смотря на это, советологи признавали радикальный характер советских реформ, призванных реализовать стремление М.С. Горбачева к сохранению Советским Союзом статуса мировой державы в XXI веке⁵.

Вопреки призывам исследователей, СМИ и настроениям в обществе, Рейган вплоть до конца своего второго президентского срока оставался ревностным хранителем консервативных взглядов Америки. Его заявления в декабре 1988 – январе 1989 гг. даже при общем благостном звучании, свойственном речам политика, осознанно идущего к завершению своей карьеры, содержали умеренно-антисоветские элементы.

К примеру, в условиях вывода советских войск из Афганистана, Рейган, по заведенной им самим и отточенной за предыдущие 7 лет традиции, отметил девятую годовщину «советского вторжения» в эту страну. Единственным радикальным отличием речи, посвященной этому событию, стало ошибочное утверждение о том, что «эту дату долго будут еще отмечать [и после ухода Рейгана из Белого Дома – О.Д.]»⁶.

В своем последнем новогоднем обращении к народам СССР Рональд Рейган упомянул, что 20 января его приемник Джордж Буш сменит его в Белом Доме. Американцы выбрали именно этого человека на следующий президентский срок, поскольку он представлял «преемственность в политике, внешней и внутренней, которой США придерживались в течение

¹ Gorbachev's Reforms: US and Japanese Assessments / Juviler P., Kimura H. Editors. – N.Y.: ALDINE DE GRUYTER, 1988. – 173p.

² Ibid. p.63.

³ Ibid. p.1.

⁴ Ibid. pp.97-98.

⁵ Ibid. p.xi.

⁶ Reagan R. Statement on the Ninth Anniversary of the Soviet Invasion of Afghanistan. December 27, 1988. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/122788a.htm>

последних 8 лет»¹. Тем самым Рейган как бы утверждал, что позиция, избранная американскими правящими кругами, в том числе и в советском вопросе, не изменится даже после его ухода из Белого Дома.

Однако приоритеты Джорджа Буша, как показало дальнейшее развитие событий, не были так однозначны. Заняв высший государственный пост США, новый Президент оказался куда как более умеренным. В отличие от своего предшественника, Буш, придя к власти, был уже хорошо знаком с М.С. Горбачевым, широко осведомлен в советском вопросе, лично посещал СССР.

41-й Президент США в 1967-1970 гг. был членом палаты представителей, в 1971-75 гг. – занимал дипломатические посты, в 1976-77 гг. возглавлял ЦРУ, а в период 1981 – начала 1989 гг. – был вице-президентом США в администрации Рейгана. Лично познакомился с Горбачевым раньше Рейгана, 13 марта 1985 г. на похоронах К.У. Черненко в Москве. Присутствовал на советско-американских переговорах по разоружению, встречался с Горбачевым в ходе Вашингтонского саммита 1987 г. и в декабре 1988 г. в Нью-Йорке.

Вместе с тем Дж. Буш, как и его советники, был представителем консервативного крыла Республиканской партии, где антикоммунизм и, в особенности, антисоветизм – признавались высшими добродетелями. К примеру, один из помощников и советников Буша по предвыборной кампании, а в дальнейшем – член президентской администрации – Джон Сануну был известен как «воинствующий, глубоко-антисоветский губернатор Нью-Гэмпшира», еще в 1987 году «регулярно обращавшийся с речами к населению своего штата по поводу Дня венгерских борцов за свободу и Дня свободы Литвы»². Поэтому, в ситуации беспрецедентного, стремительного роста популярности «Горби» на Западе новая президентская администрация попросту растерялась. Выбор стратегии действий в «советском вопросе» необходимо было произвести заранее, дабы избежать крайностей. С одной стороны, наблюдалась тенденция к приверженности традициям антисоветской пропаганды. С другой – такое поведение новой администрации могло нанести урон рейтингу Джорджа Буша дома и репутации США в мире, где ждали продолжения плодотворного сотрудничества в интересах мира, начатого Р. Рейганом и М.С. Горбачевым.

За неделю до инаугурации Буша, Г. Киссинджер отправился в Москву для выяснения обстановки. Первоначальным решением советников Дж. Буша и его самого было взять передышку в советско-американских

¹ Reagan R. New Year's Message to the Soviet People. January 1, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1989/010189a.htm>

² Beschloss M.R., Talbott S. Op. cit. p.8.

отношениях, не спешить, все хорошо продумать¹. Представляется, что именно эти мотивы заставили Белый Дом демонстрировать гораздо большую озабоченность ситуацией в Китае и на Ближнем Востоке, нежели процессами, проходившими в СССР.

В отношении Советов Буш с первого дня своего президентства действовал сдержанно, стремясь не форсировать события, но и не разрушать надежды обывателей на начавшуюся оттепель в советско-американских отношениях. Лавировать между интересами и пристрастиями разных групп американских избирателей на начальном этапе удавалось благодаря незамысловатым трюкам. К примеру, в воскресенье 22 января советник президента по вопросам национальной безопасности Brent Scowcroft в эфире «ABC» заявил, что внешняя политика М.С. Горбачева является, по сути, уловкой, необходимой, чтобы выиграть время для восстановления экономики и военной мощи СССР. «Думаю, «холодная война» еще не окончена. Возможно, на словах все выглядит как свет в конце туннеля. Но я полагаю, что все зависит от того, является ли этот свет светом солнца, или – локомотива, идущего на нас»². Спустя 5 дней, в ходе своей первой пресс-конференции Джордж Буш вынужден был отвечать на вопрос о том, как следует трактовать недавнее высказывание Скоукрофта. Президент сначала отшутился, а после заявил, что «хотел бы избежать употребления термина «холодная война», сохраняя предусмотрительную осторожность в «советском вопросе»³. Это высказывание хотя и не было свидетельством всемерной и радушной поддержки советских начинаний, но всё же, демонстрировало некоторое потепление позиции США в отношении СССР⁴. Правда, Буш оговорил возможность поиска вариантов адекватных предложений по разоружению из-за неприемлемости для США просто «реагировать на то или иное выступление Генерального секретаря»⁵, тем самым, свидетельствуя в пользу Горбачева-политика, вынудившего Запад пойти на конструктивный диалог выбора «предпочтительного из возможного».

Формированию нового внешнеполитического курса Буша мешал ажиотаж, созданный СМИ в отношении «Горби». Затянувшаяся пауза в советско-американских взаимоотношениях трактовалась, как просчет новой

¹Ibid. pp.13-14.

² Scowcroft B. "This Week With David Brinkly" // ABC, 01.22.1989.

³ Bush G. The President's News Conference. January 27, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89012700.html>

⁴ Здесь не лишним будет напомнить, что Рейган, в отличие от Тэтчер, никогда публично не объявлял «холодную войну» оконченной.

⁵ Bush G. The President's News Conference. January 27, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89012700.html>

администрации. Читателям «Нью-Йорк Таймс», к примеру, предлагалось представить, что Земли достиг космический корабль пришельцев, которые просят отвести их к земному лидеру. Отвечая на вопрос о том, кто будет этим «лидером планеты», автор статьи констатировал: «Несомненно – Михаил Сергеевич Горбачев»¹.

Итог напряженной работы новой президентской администрации был противоположен поставленным целям. Дж. Буш, проанализировав опыт администраций Кеннеди и Картера, боялся спешить в советском вопросе². Но уже через 9 месяцев его пребывания «в офисе», американские демократы стали критиковать Буша за то, что «способствуя реализации перестройки, он проявлял излишнюю нерешительность в отношении Восточной Европы и Горбачева»³. Однако новый хозяин Белого Дома не стремился опровергать благотворность своего влияния на перестройку. Личный успех Горбачева как политика и успех перестройки как процесса реформирования СССР были для Буша «вещами взаимосвязанными»⁴. Он, как и специально приглашенные аналитики, не мог утверждать, что перестройка без Горбачева возможна.

К осени 1989 года стратегия Буша в советском вопросе стала все чаще представляться стороннему наблюдателю *ставкой на Горбачева*. Важным нововведением этого периода были изменения в формулировках официальных заявлений Белого Дома: в каждой из встреч с представителями СССР президент, «пользуясь случаем», «в очередной раз заявлял о своей поддержке» «перестройки», «программы реформ президента Горбачева» и т.п.⁵ Кроме того, произошли качественные изменения и в составе тех, *кого* принимал Дж. Буш. Рейган предпочитал общаться с советскими диссидентами и лицами, эмигрировавшими из СССР – с теми, чей образ можно было ассоциировать с «крестовым походом» против коммунизма. Буш более тщательно обдумывал свои контакты, избегая провоцировать

¹ The New York Times. May, 21.

² Beschloss M.R., Talbott S. Op. cit. p.11.

³ Bush G. The President's News Conference. October 31, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89103100.html>

⁴ Ibid.

⁵ Statement by Press Secretary Fitzwater on the President's Meeting With Boris Yeltsin of the Soviet Union. September 12, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89091201.html> ; Statement by Principal Deputy Press Secretary Cooper on the President's Meeting With Marshal Sergei Akhromeyev of the Soviet Union. July 28, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89072803.html>

консервативную оппозицию Горбачеву в Кремле, которая могла использовать не вполне просоветские действия Белого Дома для оправдания смещения Михаила Сергеевича¹.

Серьезным испытанием для советско-американских отношений стал визит Б.Н. Ельцина в США в сентябре 1989 года. С одной стороны, в администрации Дж. Буша прекрасно понимали статус Ельцина в СССР как главного оппозиционера М.С. Горбачеву. В то же время, не принять этого представителя «демократических сил» было не дальновидно. Администрация Президента Дж. Форда в 1975 г. под нажимом Г. Киссинджера не приняла в Белом Доме А.И. Солженицына, что вызвало волну возмущения в среде американских консерваторов. Теперь советники Буша стремились не повторить подобной ошибки.

Вопреки пожеланиям Б.Н. Ельцина, его принял не президент США, а его помощник по национальной безопасности генерал Б. Скоукрофт. Кроме того, встреча проходила в угловом кабинете западного крыла Белого Дома, что придавало событию второстепенное значение. Как и было запланировано, Джордж Буш и вице-президент Джеймс Куэйл, «проходя мимо», «зашли поприветствовать господина Ельцина», что заняло *15 минут* из тех 60-ти, что отводились для встречи. Официальное заявление пресс секретаря Белого Дома М. Фицуотера о «встрече президента с представителем СССР Борисом Ельциным» содержало обтекаемые фразы об обсуждении «актуальной для американского и советского общества проблемы наркотиков», о прогрессе, достигнутом в отношениях двух стран, о надеждах американцев на успех реформирования СССР. Кроме того, «президент [Дж. Буш старший – О.Д.] упомянул свои чрезвычайно позитивные взаимоотношения с Генеральным секретарем Горбачевым и в очередной раз заявил о своей поддержке перестройки»². Для сравнения отметим, что даже маршалу С.Ф. Ахромееву за два месяца до этого Буш уделил *час общения «по широкому спектру проблем» в знаменитом Овальном кабинете*³.

Здесь уместным будет упомянуть о том влиянии на восприятие СССР американцами, которое оказал визит Б.Н. Ельцина в США. Н. Зенькович в работе «Борис Ельцин: Разные жизни» приводит обширные цитаты

¹ Именно об этом А.Н. Яковлев предупреждал Киссинджера в ходе неофициального визита последнего в Москву в январе 1989 г. (Beschloss M.R., Talbott S. Op. cit. p.14)

² Statement by Press Secretary Fitzwater on the President's Meeting With Boris Yeltsin of the Soviet Union. September 12, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89091201.html>

³ Statement by Principal Deputy Press Secretary Cooper on the President's Meeting With Marshal Sergei Akhromeyev of the Soviet Union. July 28, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89072803.html>

из американских СМИ периода этой поездки. Анализ этих материалов позволяет сделать вывод о том, что Б.Н. Ельцин, сделавший «сенсационные заявления» о бесперспективности социализма, почти неминуемой для СССР в ближайшие пол года гражданской войне и грядущей гибели перестройки из-за полумер Горбачева¹, не мог не оказать значительное влияние на американскую общественность. Для США, где патриотизм всегда признавался одной из высших добродетелей, поведение Ельцина и его нелюбимые высказывания об СССР стали основанием для ярких и не всегда положительных впечатлений. По мнению корреспондента «Пиплз дейли уорлд» Г. Холла, Ельцин «нанес определенный ущерб... американо-советским отношениям» посредством «циничных, хлестких высказываний», носивших «в основном антисоветский характер»². Подтверждением этой оценки визита Ельцина в США стали участвовавшие вопросы американских журналистов об отношении президента Буша к реформам в СССР и о той «беде, в которой оказался Горбачев».³

В преддверии «исторической»⁴ советско-американской встречи на Мальте в конце ноября 1989 года Дж. Буш признавал, что «за последние несколько лет взаимоотношения с Советским Союзом значительно изменились к лучшему»⁵. Идея времени, места и тематики саммита (который предусматривал обсуждение «широкого спектра проблем», включая экономический аспект перестройки и американо-советских отношений) принадлежала американскому президенту⁶.

Саммиту на Мальте предшествовал визит М.С. Горбачева в Италию, где советского лидера встречали беспрецедентно восторженно. Как вспоминал А.С. Черняев, в Милане «была просто массовая истерия», сплошная человеческая масса на площади Ла Скала, оглушительные крики «Горби!»,

¹ Зенькович Н.А. Борис Ельцин: Разные жизни: В 2 кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Кн.2: Кремлевский отступник. СС.3-89.

² Цитата по: Зенькович Н.А. Указ соч., С.28.

³ Bush G. The President's News Conference. October 31, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89103100.html>

⁴ Именно так охарактеризовал ее Буш. (Bush G. Remarks and an Exchange With Reporters on the Upcoming Meeting With Soviet President Mikhail Gorbachev at Malta. November 30, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89113000.html>)

⁵ Ibid.

⁶ Bush G. The President's News Conference. October 31, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89103100.html>

смятенные ряды полиции и охраны. Лишь «самодисциплина людей позволила предотвратить давку»¹.

В запланированную на 2 декабря 1989 г. встречу советской и американской делегаций в мальтийской бухте Марсаклок вмешалась стихия. Поднявшийся шторм заставил представителей двух стран отменить торжественную церемонию и перенести переговоры на борт советского лайнера «Горький», в то время как первоначально предназначавшиеся для этой цели американский и советский корабли «Бэлкнэп» и «Слава» подняли якоря и вышли в открытое море. Этот жест демонстрировал символический шаг навстречу прежнему идеологическому противнику, сделанный американским Президентом. Переговоры в этот день продлились 5 часов и, по мнению Белого Дома, «были очень продуктивны»².

Представители западных СМИ воодушевленно обсуждали возможность переименования «саммита на Мальте» в «саммит на «Горьком». В своем общении с журналистами Дж. Буш игнорировал столь интригующие изменения в сценарии встречи. Он отмечал, что американская сторона «не настаивает на четком соблюдении каких-либо протоколов». Важен не протокол, а возможность достижения положительных результатов³. Одним из значимых итогов саммита стало упрочение американо-советских отношений. Об этом свидетельствовали изменения в риторике американского президента.

К примеру, еще совсем недавно стараниями консервативных сил США была создана «проблема Никарагуа», возрожденная подозрительно быстро после крушения надежд на возможность использования «афганской проблемы». Уже в начале апреля 1989 г. из уст пресс секретаря Белого Дома прозвучало обвинение в адрес СССР в незаконных поставках оружия тоталитарному режиму Никарагуа на сумму в пол миллиарда долларов⁴. Осенью того же года, в ходе пресс конференции, устроенной для латиноамериканских журналистов, президент Дж. Буш обещал «разъяснить Сове-

¹ Черняев А.С. Дневниковые записи. 2 января 1990 г. / Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. – М.: ТЕППА; Республика, 1997. СС.25-26.

² Statements by Press Secretary Fitzwater on the President's Meetings With Soviet Chairman Mikhail Gorbachev in Malta. December 2, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89120200.html>

³ Bush G. Exchange With Reporters on the Meetings With Soviet Chairman Mikhail Gorbachev in Malta. December 3, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89120301.html>

⁴ Statement by Press Secretary Fitzwater on Soviet Policy in Central America. April 5, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89040505.html>

там» при каждой возможности, что продолжающиеся поставки оружия никарагуанцам «противоречат интересам СССР», рассматриваются как «покушение на интересы безопасности США» и должны быть прекращены¹.

Первая в истории совместная пресс конференция глав США и СССР, устроенная по окончании саммита на Мальте, поставила Буша в невыгодное положение. Он должен был пояснить, что именно имел в виду он, и его администрация, обвиняя Советы в поставках оружия Никарагуа. Ответ Буша был прост и заведомо неверен: «Я не думаю, что мы обвиняли Советский Союз в этом [в поставках оружия Никарагуа – О.Д.]»². Это заявление президента США не было признанием своей неправоты. Представляется, что это был один из признаков изменения курса американской внешней политики: антикоммунизм или, точнее, антисоветизм постепенно и неминуемо выходил в США из моды. Тема ситуации в Никарагуа оставалась актуальной для Белого Дома и после, *но никогда больше* она не упоминалась в связи с СССР³.

Анализ Public Statements Дж. Буша свидетельствует о том, что судьба мира решалась «на высших уровнях» - в личных контактах первых лиц крупнейших мировых держав. Это было очевидно для глав США и СССР, их помощников и ведущих дипломатов⁴. Для простых обывателей и небольшого числа скептиков в ряду исследователей и журналистов необходимость таких контактов не была очевидна. В СССР М.С. Горбачева все громче ругали за непомерные расходы на официальные заграничные визиты. В США избыток саммитов стал подчеркиваться в прессе еще до конца первого года президентства Буша⁵. В 1992 году, в ходе предвыборной

¹ Bush G. Interview With Latin American Journalists. October 25, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89102505.html>

² Remarks of the President [Bush] and Soviet Chairman Gorbachev and a Question-and-Answer Session With Reporters in Malta. December 3, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89120303.html>

³ Например, см.: Bush G. The President's News Conference. May 16, 1990. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90051600.html>

⁴ Американские дипломаты Бесчлос и Тэлбот посвятили этому вопросу целое исследование, получившее название «На высших уровнях: История окончания «холодной войны» изнутри» (Beschloss M.R., Talbott S. At The Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. – Boston, Toronto, London: Little Brown & Company, 1992.)

⁵ Bush G. The President's News Conference. October 31, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential

гонки приемник Рейгана проиграет кандидату от демократической партии Б. Клинтону, в том числе и из-за слишком большого внимания к внешней политике.

Помимо советско-американского саммита на Мальте, впервые посвященного «широкому спектру вопросов» вместо традиционных «проблем разоружения», 1989 год в целом привнес в мировую историю сразу несколько знаменательных событий. Советские войска вышли из Афганистана, в Польше и Венгрии полным ходом шли экономические преобразования, с падением Берлинской стены началось объединение Германии и, в определенном смысле, всей Европы. М.С. Горбачев, лидер атеистического СССР - первым после Николая I посетил Ватикан с официальным визитом и встретился с Папой Римским. Сбывались самые невероятные мечты и надежды человечества на окончание ядерного противостояния «холодной войны».

Несмотря на критику «не достаточно решительных действий» американского Президента, Дж. Буш оказался достаточно решительным, чтобы, вопреки мнению своих политических оппонентов, не втягивать США в явной форме в процессы, происходящие в Европе. Он объяснял свою позицию нежеланием увеличивать расходы американского бюджета на помощь, о которой его официально не просили¹. Даже новогоднее обращение Буша к американской нации содержало лишь обтекаемые фразы об упрочении мира².

Маргарет Тэтчер, чьи интересы, напротив, концентрировались на европейском политическом поле, была более конкретна в своих выводах: «Не много найдется в истории лет, подобных уходящему году»³. Еще 12 месяцев назад, посещая Польшу, «железная леди» встречалась с генералом В.В. Ярузельским как главой государства и Лехом Валенсой как главой *не-легитимного движения* «Солидарность». Теперь же, после польских выборов, «Солидарность» Валенсы фактически была *правительством*.

Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89103100.html>

¹ Bush G. The President's News Conference. November 7, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89110700.html>

² Bush G. Message on the Observance of New Year's Day. December 27, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89122704.html>

³ Thatcher M. Speech to Finchley Conservatives (events in Eastern Europe). November 11, 1989. [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=107820&doctype=1>

В грядущих выборах в Венгрии участвовали *две партии*, что также было, в интерпретации Тэтчер, «замечательно»¹.

В отличие от Буша, Тэтчер производила впечатление человека, знающего ответ на вопрос о том, кому мир должен быть благодарен за стремительные позитивные перемены. Этим человеком признавался советский лидер. «Совершенно очевидно, что события, произошедшие недавно в мире, были бы совершенно невозможны без его [М.С. Горбачева – О.Д.] видения и смелости, направленных на перемены в Советском Союзе и поддержку реформ в странах-сателлитах»².

Перемены, происходящие в СССР, были названы бельгийским экономистом Эрнстом Манделом в 1989 г. «самыми важными в международной жизни с мая 1968 г., если не с самой победы китайской революции в 1949 г.»³. Их влияние, по его мнению, должно было сказываться на всемирном развитии в течение десятилетий. Заглядывая в будущее, «по ту сторону перестройки», Мандел трактовал феномен советского лидера как «роль личности Горбачева» в происходящих переменах и его «несомненный успех на поле связей с общественностью»⁴.

В 1989 году к «феномену Горбачева» обратился и советолог Рассел Бова из Пенсильвании, открывший одноименный спецкурс в Дикинсон Колледже⁵. 29 студентов-политологов и советологов подали заявки на 15 вакантных мест. По словам профессора, они были «очарованы феноменом Горбачева» одновременно как особым явлением и персоналией советского лидера лично, учитывая его особую харизму, какой давно уже не было в СССР⁶. Р. Бова был готов поспорить, что нигде в мире не происходило в 1989 году более фундаментальных политических изменений, чем в Советском Союзе. По мнению американского советолога, значимость этих перемен была велика не только для СССР, но и для всего мира.

Пик беспрецедентной популярности Горбачева на Западе парадоксально совпал с ростом протестного движения внутри СССР. Пустые полки магазинов и желание увидеть немедленные результаты начавшихся реформ неминуемо вели огромную страну к историческому финалу.

¹ Ibid.

² Ibid. Это заявление Тэтчер вызвало взрыв аплодисментов.

³ Mandel. E. Beyond Perestroika: The Future of Gorbachev's USSR.- L., N.Y.: Verso, 1989, p. IX.

⁴ Ibid.

⁵ Seminar at Dickinson devoted entirely to Gorbachev phenomena. (Dickinson College, Mikhail Gorbachev) // PR Newswire. March 13, 1989.

⁶ Ibid.

1.4. Исход перестроечного процесса в СССР в освещении западных СМИ: финал феномена «звездного лидера XX столетия»

*Распадалась супердержава.
Бум в Европе.
И надежда его лежала
в белом гробе.*

Андрей Вознесенский

Свой итог 1989 году подвел русский историк-эмигрант М.Я. Геллер, оценивавший происходившие в СССР перемены скептически. Для него декабрь 1989 года стал своеобразным водоразделом, месяцем, который «не переставал удивлять контрастом между восприятием Горбачева на Западе... и отношением к нему дома»¹. В СССР – пустые полки магазинов и растущее недовольство народа. На Западе – непрекращающиеся попытки журналистов перещегоолять друг друга в красочности восторженных характеристик советского «президента».

Недовольство советского народа действительно росло. Эйфория первых лет перестройки быстро прошла, и когда обнаружилось, что *один* правитель не может *сам, в одночасье* все переменить, что нужно работать, «перестраиваться» и «обновляться» *всем вместе* – начался откат. Уже весной 1989 года было очевидно, что «страна больна»². Самым опасным, усугубляющим ситуацию явлением оказалась гласность – «горячечный бред больного, не подающего пока признаков выздоровления»³. На Съезде народных депутатов в конце мая 1989 г. внутреннюю политику М.С. Горбачева открыто отвергали все: «и серая масса, агрессивно-послушное большинство, ... и интеллектуалы». Первые – «за пустые полки магазинов», вторые – «за некомпетентность». «А где их собственная компетентность, в том числе академиков?»⁴ - с укором вопрошал в своих дневниковых записях помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев.

Причина неудачи перестройки и, следовательно, недовольства населения могла лежать и в собственном народном бездействии. Советская действительность не поощряла не только «свободомыслия», но и мыслительный процесс вообще. Граждане СССР традиционно «одобряли» инициативы Кремля даже не разбираясь в них. Единицы в 1980-е гг. читали В.И. Ленина всерьез, вдумчиво. Чаще – его собрания сочинений становились элитной частью интерьера.

¹ Геллер М.Я. 12 декабря 1989 г. / Геллер М.Я. Российские заметки 1980-1990. М., 2001. С. 643.

² Черняев А.С. Дневниковые записи. 23 апреля 1989 г. / Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. С.15.

³ Там же.

⁴ Там же. С.19.

Та же участь постигла и работы М.С. Горбачева. Речи его поначалу воспринимались на «ура», но «Перестройку и новое мышление для нашей страны и всего мира» - знали лишь по названию. Миллионные тиражи издания шли «в нагрузку»... к «действительно интересным» книгам, распределяемым в наборах. Таким образом, «революции в умах» не получилось из-за инертности сознания советских граждан. Замечательное свидетельство такого рода привел в своей работе «Возвращение на Красную планету: 22 дня на заднем дворе у Горбачева» Михаил Моргулис, эмигрировавший в США в 1978 г. и приехавший сюда вновь спустя 10 лет. Советская таможня пыталась воспрепятствовать ввозу в СССР ста экземпляров Библии на русском языке. Моргулис предусмотрительно положил вместе с этими религиозными книгами англоязычное издание «Перестройки и нового мышления» с фотографией М.С. Горбачева на обложке и теперь, «раскрыв ее наугад ...заявил сбежавшимся таможенникам, что, в соответствии с написанным Горбачевым, сегодня, в эру гласности, религиозная литература может свободно ввозиться в страну [СССР – О.Д.]»¹. Тут же, указывая на знаменитое на Западе произведение М.С. Горбачева, М. Моргулис добавил: «но, похоже, никто из вас не читал его книги?!». Это заявление возымело немедленное действие: сотрудники таможни «поспешили заверить, что они действительно читали [курсив мой – О.Д.] подобное высказывание Горбачева». Однако, отмечал Моргулис, судя по выражениям лиц, они лгали. К тому же, сам он не был уверен, что Горбачев, в действительности, писал что-либо подобное²... По сути, бывший советский эмигрант, хорошо изучивший психологию страны, «попал пальцем в небо».

Запад же в это время лишь входил в состояние массовой эйфории. Восторженные заявления СМИ и сравнительно объемистые публицистические издания, описывающие масштабные перемены в СССР³, сделали, наконец, свое дело. Как отмечал редактор «Хроники советского государственного переворота 1990-1992 гг.», «в течение осени 1989 г. с падением железного занавеса для большинства из нас на Западе стало очевидно, что происходят громадные перемены... Обмениваясь обломками Берлинской стены... как рождественскими подарками в этом году, многие из нас были полны

¹ Morgulis M. Return to The Red Planet: 22 Days In Gorbachev's Backyard. - Wheaton: Victor Books, 1989. p.28.

² Ibid.

³ Например: Walker M. The Waking Giant: The Soviet Union Under Gorbachev. – London: Michael Joseph, 1986. – 282p.; Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of “Time” Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. – N.Y.: A Time Book, distributed by New American Library, 1988. – 265p.; Morgulis Mikhail. Return to The Red Planet: 22 Days In Gorbachev's Backyard/ - Wheaton: Victor Books, 1989. – 157p.

надежды (если не эйфории) на то, что политические свободы, права частной собственности, мир и независимость по западному образцу победили»¹.

1990 год начался менее обнадеживающими событиями. Прибалтика, столь долго подстрекавшаяся западными лидерами и различными «радио голосами», решилась заявить о выходе из состава СССР, что повлекло за собой жесткие ответные меры со стороны союзных властей. Сравнивая прибалтийскую «мирную, демократическую акцию» с «кровавым... средневековым ближневосточным конфликтом» Нагорного Карабаха, западные СМИ все же признавали, что для М.С. Горбачева заявление Литвы о независимости представляет «гораздо большую угрозу»².

Применение Кремлем силы для предотвращения выхода Прибалтики из состава СССР трактовалось бы Западом как «конец пятилетней программы экономических и политических реформ Горбачева»³.

Обострение прибалтийской проблемы не было «случайным». Основа грядущего бунта была заложена жесткой логикой событий 1940-х гг., когда Литва, Латвия и Эстония были включены в состав СССР и всплеском активности прибалтийских «борцов за свободу» при активной пропаганде Запада.

Администрация Рейгана в запале «крестового похода» против Советов не только постоянно обращалась к теме «незаконного» и «насильственного» включения Прибалтики в состав СССР, но и способствовала созданию «дороги жизни» - нового прибалтийского отдела «Радио Свободы», начавшего своё вещание 18 ноября 1983 г. Среди целей его работы признавалась «поддержка» прибалтийских государств в их «отделении от остальных республик СССР»⁴.

К 1990 г. советская «проблема Прибалтики» стала, отчасти, и американской - Белому Дому приходилось выбирать между поддержкой перестройки и жесткими санкциями против СССР за Прибалтику. Кроме того, прибалтийское националистическое движение оказало значительное, роковое влияние на другие республики Союза и, в конечном счете, на распад СССР. И если для Рейгана перспектива крушения «империи зла» представ-

¹ Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992: A Reader in Soviet Politics/ The Christian Science Monitor. – Madison, Dubuque, Indianapolis, Melbourne, Oxford: Brown & Benchmark Publishers, 1993, p.XV.

² Feldmann L. Gorbachev's Baltic Visit Fails to Curb Threat to National Cohesion // The Christian Science Monitor, January 16, 1990 / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... pp.1-2.

³ Feldmann L. Soviets Soften Stance on Use of Force in Baltic Republics // The Christian Science Monitor, March 22, 1990 / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p.17.

⁴ Reagan R. Statement on the Establishment of the Baltic States Service of Radio Liberty. November 18, 1983. [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/111883a.htm>

лялась, судя по всему, весьма радужной, то для Буша она же виделась уже не столь сказочным «подарком судьбы». Весьма вероятно, что администрация Буша рассматривала перспективу распада СССР достаточно здраво, понимая, что крушение сверхдержавы, обладающей одним из крупнейших арсеналов ядерного, химического и бактериологического оружия при ближайшем рассмотрении был катастрофичен для всего окружающего мира, включая США. По крайней мере, американский президент не ставил вопрос ребром: «или Ландсбергис [лидер Литвы – О.Д.] или Горбачев». Он, в частности, смягчал торговые санкции против СССР, если того требовала ситуация, и если от тех или иных американских поставок зависел какой-либо аспект перестройки¹.

Судьба перестройки и М.С. Горбачева в свете внутривнутриполитической ситуации в СССР все чаще беспокоила Запад. На фоне роста сепаратистских и националистических настроений в республиках Союза, вопрос продолжения политических и экономических реформ привлекал значительное внимание и неподдельный интерес. Фактически, последние два года существования СССР были для западных аналитиков и журналистов временем пристального внимания именно к этим трем сферам: рост национализма, экономические реформы, изменение политического строя СССР. Вопросы разоружения как-то незаметно отодвинулись на задний план. Ситуация, как представляется, объяснялась тем знаком равенства, который неосознанно поставила администрация Джорджа Буша старшего между М.С. Горбачевым и позитивными изменениями в международном сотрудничестве в интересах мира. Теперь от положения «Горби» дома зависел мир во всем мире. Стремительность происходящих в СССР кардинальных перемен в купе с трагическим опытом 1964 года, прервавшего хрущевскую «оттепель», заставляли западных аналитиков напряженно ждать развязки.

Заявление М.С. Горбачева о необходимости далеко идущих реформ в структуре, философии и роли КПСС, сделанное в начале февраля 1990 года, стало для западных аналитиков и комментаторов «самым важным за все пять лет пребывания Горбачева у власти»². Всего за какой-нибудь час советский лидер «перевернул многие фундаментальные заповеди авторитарного правления, установленные еще самим Лениным», к которому, по словам Горбачева, он и «возвращался»³.

¹ В мае 1990 года, после действия двухнедельных торговых санкций против СССР, Буш сделал послабления для продукции высоких технологий, включая компьютерную технику. См.: Bush G. The President's News Conference. May 3, 1990. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90050300.html>

² Feldmann L. Gorbachev Proposes Radical Shift for Party // The Christian Science Monitor, February 7, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p.6.

³ Ibid.

При всей безусловной значимости произошедшего, стороннему наблюдателю было очевидно, что как консерваторы, так и либералы в СССР остались не только недовольны, но и безоружны, ибо противоречивостью своих заявлений М.С. Горбачев искусно лавировал между сторонниками крайних политических взглядов.

Введение в марте 1990 г. поста Президента СССР, способ утверждения на этом посту М.С. Горбачева и широта возможностей президентской власти вызвали на Западе ожесточенные споры. Представители СМИ наивно полагали, что «выдвигая себя на пост Президента СССР, Горбачев играет по-крупному, рискуя привязать свои дарования и устремления к будущему своей страны»¹.

Запад не понимал, что первый президент СССР с марта 1985 года уже был в этой «альпинистской связке» с судьбой советского государства. И при любом (а особенно - негативном) исходе инициированных им реформ он, априори, оказывался единственным человеком, которого можно было «винить» в неудачах и успехах. И причиной тому были отнюдь не личностные особенности М.С. Горбачева или широта его полномочий, но вся логика российского (и советского) исторического процесса, логика общества, привыкшего столетиями ставить знак равенства между своей судьбой и судьбой правителя.

Советско-американские переговоры по вопросам разоружения, проходившие в Вашингтоне в конце мая 1990 г., впервые отчетливо свидетельствовали об озабоченности правящих кругов Запада ситуацией внутри СССР. Наряду с ухудшающимися экономическими показателями и ростом недовольства консерваторов «старой гвардии», которые могли инициировать переворот, усиливалась персонифицированная оппозиция М.С. Горбачеву – «назойливый популист» Б.Н. Ельцин² напористо шел к власти. Снежным комом нарастала и проблема межнациональных конфликтов, подстёгиваемая отнюдь не безобидными акциями прибалтийских республик, настаивающих на выходе из состава СССР.

«Горбачев в осаде» - сообщал один из заголовков «The Christian Science Monitor»³. Усугубление ситуации грозило не только Горбачеву, но и миру в целом. Понимая это, администрация Белого Дома значительно изменила тон в общении с советской стороной. Джордж Буш за неделю до вашингтонского саммита заявил, что основным врагом США в Европе по окончании «холодной войны» стали «неопределенность и нестабильность»⁴.

¹ Feldmann L. Strong Soviet Presidency Sparks Debate // The Christian Science Monitor, March 15, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 14.

² Feldmann L. Gorbachev Beleaguered at Home // The Christian Science Monitor, May 30, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 26.

³ Ibid.

⁴ Bush G. The President's News Conference. May 24, 1990. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90052400.html>

Неопределенность будущего и нестабильность настоящего СССР не могли не пугать США и, вопреки сложившимся традициям, американский президент не стал делать ультимативных заявлений по прибалтийской проблеме¹. Несомненно, он понимал, что жесткость Белого Дома в этом вопросе итак уже подвела СССР к последней, опасной черте. Конгресс США, тем не менее, в очередной раз отложил подписание американо-советского торгового соглашения, столь необходимого СССР в условиях подготовки к переходу к рыночной модели экономики². Хотя даже коммунистический Китай с его трагическим опытом Тяньаньмэня, имел для США статус наиболее благоприятствуемой державы³, получения которого и добивался СССР!

XXVIII съезд КПСС вызвал на Западе в основном одну реакцию: «Горбачев на вулкане»⁴. На фоне усугубляющихся межнациональных конфликтов и экономических проблем ярче просматривались проблемы политической жизни страны. Основным оппонент Горбачева – Б.Н. Ельцин – стал законно избранным президентом РСФСР и его популярность дома росла одновременно с ростом претензий в адрес М.С. Горбачева.

Причину столь стремительных перемен в позиции Ельцина западные аналитики относили на счет его умения обтекаемо выражать противоположные суждения. С одной стороны, как отмечал американский журналист Д. Снейдер, он возглавлял либеральный Демократический Блок, «критикующий правительство Горбачева за нерешительность в проведении радикальных реформ». Но, в то же время, «он использовал поддержку простых людей, опасаящихся, что рыночная экономика [т.е., более решительное проведение в жизнь тех самых «радикальных реформ» - О.Д.] приведет к инфляции, повышению цен..., неуверенности, безработице и банкротству»⁵.

Понимая всю меру опасности, исходившей от «популиста-Ельцина»⁶, Ельцина»⁶, все тот же Снейдер восторженно рассказывал об украинском

¹ News Conference of President Bush and President Mikhail Gorbachev of the Soviet Union. June 3, 1990. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90060300.html>

² Ingwerson M. US, Soviets Turn Summit Snags to Progress // The Christian Science Monitor, June 6, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 29.

³ Bush G. Presidential Determination No. 90 - 21 -- Memorandum on the Renewal of Most-Favored-Nation Trade Status for China. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90052401.html>

⁴ Sneider D. Gorbachev Reins In 28th Party Congress // The Christian Science Monitor, July 5, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 39.

⁵ Sneider D. Gorbachev and Yeltsin Square Off // The Christian Science Monitor, June 6, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 30.

⁶ Именно с такой приставкой имя первого президента РСФСР стало с осени 1989 г. появляться в англоязычных СМИ.

национализме и «уродливом выражении русского гнёта» - памятнике воссоединения Украины и России¹ в Киеве. Его «коллега по цеху» Линда Фельдман с не меньшим воодушевлением сообщала о стремлении молодого поколения Грузии вернуть свою страну грузинам². Западные СМИ, ослепленные неожиданным рывком союзных республик к независимости, плохо осознавали возможные последствия сработавшего центробежного механизма. Складывалось впечатление циничного ожидания кровавой развязки, из которой можно будет сделать удачный репортаж с ярким заголовком.

Имя М.С. Горбачева на фоне описываемых событий почти не упоминалось – вопрос о возможности применения силы союзным правительством против республиканских сепаратистов уже потерял былую новизну.

В описании националистического движения в разных концах СССР западными СМИ наблюдалась в это время интересная закономерность. Признавая право Прибалтики, Украины, Кавказа и Средней Азии на выход из состава СССР и провозглашение независимости, американские журналисты крайне негативно оценивали русские националистические организации, связывая их деятельность исключительно с антисемитизмом³.

Получение М.С. Горбачевым Нобелевской премии мира породило не только позитивные оценки на Западе, но и откровенное неприятие, обусловленное экономической ситуацией в СССР. «Пустые полки магазинов» привлекали внимание американских СМИ также, как и советской общест-венности⁴. «Императором без империи»⁵, вынужденным доказывать обратное, Горбачев был назван уже в ноябре 1990 г.

В то же время, росло и число сторонников М.С. Горбачева в исследовательской среде Запада. Многие советологи и публицисты расценивали происходящие в СССР процессы как истинные, исторические по своему значению революционные перемены⁶, причины которых сокрыты в личности Горбачева. Некоторые исследователи склонны были видеть в новом советском лидере человека, нацелившегося на реформы задолго до пика своей политической карьеры. Ёмкое название – «Горбачев: Еретик в Кремле» – отразило концептуальные основания подобного подхода в работе

¹ Sneider D. Ukrainian Politics Go Nationalist // The Christian Science Monitor, August 31, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 56.

² Feldman L. Along Soviet Georgia's Boulevard of Protest // The Christian Science Monitor, September 6, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 60.

³ Sneider D. Soviet Trial Bares Anti-Semitism // The Christian Science Monitor, October 16, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... pp. 71-72.

⁴ Sneider D. Gorbachev Wins Nobel Peace Prize, As Economy Sputters // The Christian Science Monitor, October 16, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 72.

⁵ Sneider D. Soviet Aims for Paris Talks Deflated by Domestic Woes // The Christian Science Monitor, November 19, 1990. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 80.

⁶ Glasnost, Perestroika, and the Socialist Community / Edited by Charles Bukowski and J. Richard Walsh. - N. Y., L., 1990. p.ix.

двух авторов – Дуско Додера и Луиса Брэнсона¹. Исследование отличалось стремлением отыскать движущие силы реформационного процесса в СССР, механизм модернизационно-идейного обновления страны. Примечательно, что её авторы первоначально придерживались кардинально противоположных точек зрения в оценке М.С. Горбачева, его потенциала и развития событий после марта 1985 г.

Додер возлагал на нового советского правителя гораздо больше надежд, чем Брэнсон, скептически относившийся к самой возможности каких-либо перемен в СССР². В результате пятилетних горячих споров на свет появилось исследование, представляющее собой объемную биографию. В её основу были положены, помимо прочего, «живые оценки» советских политиков, историков, социологов, журналистов. Некоторые из них, как отмечали авторы, охотно шли на контакт (А. Яковлев, В. Фалин, А. Добрынин, А. Аганбегян, Л. Абалкин, Ф. Бурлацкий, Ю. Афанасьев, Г. Арбатов, А. Бовин, и др.). Но были и те, кто, не свыкнувшись ещё с духом гласности, принимал участие в проекте анонимно.

Биографии генерального секретаря ЦК КПСС «до Кремля» была посвящена лишь девятая часть исследования. Но в ней авторы попытались представить «Горби» как человека, долгие годы готовившего реформы, заранее просчитывавшего каждый свой шаг и целенаправленно шедшего в Кремль. Его жизнь становилась воплощением классической «американской мечты» с легендарно-величественным подтекстом: простой деревенский мальчик стал главой государства ради реформирования тоталитарного режима.

К концу 1980-х гг. западные исследователи от признания масштабных перемен внутри СССР и в мировой политике, перешли к поиску ответов на вопрос о причинах несовпадения аналитических прогнозов о судьбе Советов при М.С. Горбачеве с исторической действительностью. Типична и вполне адекватна исторической истине позиция американского исследователя Харли Балзера, директора Русского сектора исследовательских программ Джорджтаунского университета, категорично заявившего в 1990 г. в работе «Пять лет, которые потрясли мир: Неоконченная революция Горбачева», что «никто не смог бы предугадать масштабы перемен в СССР второй половины 1980-х гг.», предсказать «приход к власти молодого лидера, который не только преуспеет в консолидации политической власти, но и выдержит основную атаку неизбежного сопротивления реформам»³.

Утверждение же автора о том, что, тем не менее, «стремительные перемены» периода перестройки в СССР «не захватили западных исследо-

¹ Dusko Doder & Louise Branson. Gorbachev: Heretic in the Kremlin. – N.Y., Penguin Book, 1990. – 468 p.

² Ibid. p.vii.

³ Five Years That Shook The World: Gorbachev's Unfinished Revolution / Edited by Harley D. Balzer. - Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, Georgetown University, 1991, p.1.

вателей врасплох»¹, вызывает серьезные сомнения и может быть классифицировано как типичная «ошибка хиндсайта»². Доказательством тому служит высказывание Маргарет Тэтчер октября 1985 г.: «Я прекрасно осознаю, что и господин Горбачев, и Советский Союз и, несомненно, страны Варшавского договора, придерживаются коммунистических идеалов и останутся таковыми до конца моих дней [курсив мой – О.Д.]»³.

Роберт Дж. Кайзер задался вопросом «Почему Горбачев состоялся?» и попытался дать ответ, перечисляя «Его триумфы и поражения»⁴. По его мнению, первый советский Президент всего за 5 лет (к январю 1991г., когда завершилась работа над исследованием) преобразил мир, изменив его до неузнаваемости. События, произошедшие за тот же период в Советском Союзе, получили у Кайзера недвусмысленное определение «революция»⁵. Для него, в 1971-74 гг. работавшего в СССР в качестве корреспондента «Вашингтон Пост», изменения, произошедшие на 1/6 части суши были очевидны и неоспоримы. «Как могло произойти так много событий за столь короткий период?» – вопрошал автор. И сам же отвечал: «События происходили так стремительно потому, что, демонтируя сталинскую систему, Горбачев действовал совместно с силами истории, а не против них»⁶.

Новый, 1991 год для советских граждан и для мира, наблюдающего за СССР, вырисовывался «темной бездной». При отсутствии хоть какой-то определенности в вопросах ближайшего будущего огромной страны, спасала лишь уверенность в том, что «это будет время значительных перемен»⁷.

Фактически предрекая Советскому Союзу распад, американские СМИ буквально демонизировали стремление «периферии» к «национализму» и «независимости», полагая, что для населения и правительств республик СССР Москва выглядела «иностранным столицей»⁸. Референдум 17 марта 1991 г., решавший вопрос о сохранении СССР, наглядно продемонстрировал ошибочность (если не преднамеренную дезинформацию)

¹ Ibid.

² Современная социальная психология имеет множество примеров подобной тенденции к преувеличению чьей-либо способности предвидеть развитие событий, после того как результат стал известен. Ошибка хиндсайта («заднего ума») известна также как феномен «я знал это!».

³ Thatcher M. Press Conference after addressing UN General Assembly / Thatcher Archive: COI transcript, 1985, Oct 24 Th., fo.17. [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=106156&doctype=1>

⁴ Kaiser, Robert G. Why Gorbachev Happened: His Triumphs and His Failure. – N.Y., Simon & Schuster, 1991. – 476p.

⁵ Ibid. p.11.

⁶ Ibid. p.401.

⁷ Sneider D. Soviets Confront Stark Choices for Future // The Christian Science Monitor, January 2, 1991. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992...p. 96.

⁸ Ibid.

подобного суждения¹. Американцы в очередной раз наглядно проявляли свою пугающую неграмотность в вопросах, с которыми пытались разбираться на правах «профессиональных советологов» и «специалистов по СССР» от журналистики.

Трагические события 13 января 1991 г. в Вильнюсе потрясли весь мир. «Умерла ли советская демократия в ранние воскресные часы на улицах литовской столицы?»² – таким вопросом задавались общественные деятели, политики и журналисты Запада. Ответ на этот вопрос во многом зависел от того «отдавал ли советский Президент Михаил Горбачев приказ на использование танков». Если «нет», то Президент утратил контроль над собственными военными. Если «да», то, вероятно, он утратил веру в демократизацию – процесс, который он сам инициировал³.

За Литвой последовала Латвия: 20 января рижский ОМОН штурмовал МВД этой республики. Произошедшее уже не связывали с именем Президента СССР, напряженно ожидая развязки прибалтийского конфликта.

К концу февраля 1991 года внутривластная ситуация в СССР накалилась до крайности и виной тому, как отмечали западные аналитики, было обострение противостояния Ельцина и Горбачева. Для своего главного оппонента Борис Николаевич «приберег самые резкие слова, ... демонстрируя скорее слабость, чем силу»⁴. Главное требование Ельцина, на, заявленное 19 февраля – «отставка Горбачева» – стало одним из лозунгов шахтерского забастовочного движения.

События начала 1991 года внутри СССР были символичны и опасны. Однако для Запада в этот момент более важной оказалась «Буря в пустыне», отвлекавшая США и их союзников от проблем перестройки, потерявших былую новизну. К тому же, 1991 год привнес в геополитику и «югославскую проблему». Балканский аналог Советского Союза стремительно распадался на части, и происходящее сложно было назвать как-то иначе, нежели гражданской войной. Запад успокаивали успешный для Москвы мартовский референдум о сохранении СССР и подготовка в Ново-Огарево нового союзного договора.

Лишь в конце июля 1991 г. президент США нашел в своем напряженном графике время для визита в Москву. В своем первом выступлении на советской земле Дж. Буш старший наглядно продемонстрировал знание новых американских стереотипов в отношении СССР и традиционную

¹ Именно в окраинных национальных республиках СССР за сохранение Союза (и, следовательно, за принятие Москвы «своей столицей») проголосовало более 90 % населения. В РСФСР сохранить единство Союза пожелали чуть более 70 %.

² Sneider D. Soviet Military Takes Charge In Lithuania // The Christian Science Monitor, January 14, 1991. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 100.

³ Ibid.

⁴ Sneider D. With Tough Talk, Yeltsin Fights to Bolster Support // The Christian Science Monitor, February 22, 1991. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 110.

полную отстраненность от советских проблем. Он, в частности, заявил, что «в США каждый теперь знает по меньшей мере два русских слова: гласность и перестройка». В то же время, обескураживающе нелепо звучали слова Буша о том, что Вторая мировая война, в которой «50 лет назад США и СССР сражались как союзники», «стоила Советскому Союзу *сотни тысяч* жизней [курсив мой – О.Д.]»¹...

Августовский путч 1991 года, даже после длительного ожидания «отката», оказался для Запада неожиданным. И США и Великобритания в определенной степени растерялись: неизвестно было жив ли М.С. Горбачев, и какие действия способны предпринять члены ГКЧП. Кроме того, Запад не сразу определился со своей позицией. Первое заявление пресс секретаря Белого Дома свидетельствовало о «нехватке детальной информации»². О Горбачеве, что символично, Дж. Буш говорил *в прошедшем времени*, выявляя его историческую (!) роль и избегая оценивать Г.И. Янаева или Б.Н. Ельцина³.

Когда ситуация стала проясняться, Буш поддержал призыв Ельцина к восстановлению законно избранных органов власти и возвращению Горбачева на пост Президента СССР. США отказывались впредь «совершать действия, способные придать легитимность происходящему в СССР государственному перевороту» и «поддерживать программы экономической помощи» СССР при продолжении принятия неконституционных решений путчистами⁴.

Для Запада события переворота представлялись обратимыми. Со стороны казалось, что необходимо лишь вернуть М.С. Горбачева в Кремль. Для советских граждан, оказавшихся свидетелями шествия танковых колонн по улицам Москвы, возможность возврата к прежнему СССР не была столь очевидна. Именно в эти дни на улицах советской столицы для многих рухнул «нерушимый» СССР.

¹ Bush G. Remarks at the Arrival Ceremony in Moscow. July 30, 1991. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91073000.html>

² Statement by Deputy Press Secretary Popadiuk on the Attempted Coup in the Soviet Union. August 19, 1991. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91081900.html>

³ Bush G. Remarks and an Exchange With Reporters in Kennebunkport, Maine, on the Attempted Coup in the Soviet Union. August 19, 1991. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91081901.html>

⁴ Statement on the Attempted Coup in the Soviet Union. August 19, 1991. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91081903.html>

Представляется очевидным, что основную роль в разгроме путча сыграл ни Запад, ни Б.Н. Ельцин и ни А.А. Собчак, а советский народ, вышедший на улицы крупных городов, и, в первую очередь – Москвы. Хотя именно президент РСФСР и мэр Санкт-Петербурга были названы М. Тэтчер теми людьми, под чьим «чутким руководством» удалось превратить события августа 1991 года в неудавшуюся попытку государственного переворота¹. Признавая это, М. Тэтчер пыталась, все же, подчеркнуть и значение «вмешательства внешнего мира»: Запад недвусмысленно заявил о том, что «лидерам путча будет оказано невероятное сопротивление со стороны всего демократического мира, будет приостановлена внешняя помощь, прекращены визиты»². Представляется, однако, что люди, решившиеся организовать путч, ничуть не боялись подобной перспективы. Напротив, некоторые из них осознанно шли к разрыву всех международных связей, настойчиво разыскивая доказательства влияния западных спецслужб на первых лиц СССР³.

Западные СМИ, в ряде случаев, оценивали случившееся в СССР односторонне: «полуночный переворот», совершенный «отчаявшимися людьми в отчаянные времена», на пути у которых оказалось «единственное ключевое [курсив мой – О.Д.] препятствие – демократически избранный Президент Российской Федерации Борис Ельцин»⁴. В этой мысли, при всем ее видимом стремлении к упрощению ситуации, было и свое рациональное зерно: советский народ, с его неистребимой тягой к поклонению вождям и многовековыми монархическими традициями, вряд ли пошел бы против ГКЧП без явного, «баррикадного» лидера. Фигура Б.Н. Ельцина на танке оказалась продолжением революционно-воспетого образа В.И. Ленина на броневике.

Так рождалась новейшая история независимой России. В ней не было места для СССР или М.С. Горбачева, что еще не мог осознать Запад. Со стороны ситуация казалась поправимой, во многом благодаря той уверенности в своих силах, которую излучал, ни смотря ни на что, образ М.С. Горбачева за границей.

Дома, на фоне всеобщего хаоса, протестов, забастовочного движения и бесконечных требований отставки Президента СССР, он терял остатки решимости и уверенности в своей правоте. Родные и до боли знакомые

¹ См.: Тэтчер: "Вместе люди обретают власть" // «Би-Би-Си. Русская служба новостей». 21 августа 1991 год // http://news.bbc.co.uk/low/russian/news/newsid_1496000/1496468.stm

² Там же.

³ Подобные взгляды наиболее активно пропагандировал в последние 2 года перестройки председатель КГБ СССР Крючков. В дальнейшем его представления о причинах «развала СССР» базировались в основном на этой версии. См.: Крючков В.А. Личное дело. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 480 с.

⁴ Sneider D. Soviet Coup Long Time In Making // The Christian Science Monitor, August 21, 1991. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 158.

социалистические термины разбивались о враждебно-чуждое словосочетание «частная собственность». Дома Горбачев, по сути, был так же растерян, как и значительная часть населения, не желавшая уже жить по-старому и не решавшаяся начать жить по-новому – особенно в экономических вопросах.

В заграничных визитах, под напором беснующихся, восторженных толп, открытых, ободряющих улыбок, слов всемерной поддержки общественных деятелей – Горбачев как будто становился другим человеком – смелым, уверенным в себе и способным на многие свершения¹. Возможно, именно этой поддержки, понимания сложности поставленных задач и готовности населения СССР к терпению, не хватило для реализации замысла перестройки. Суэта и спешка соотечественников, желавших воочию убедиться в результатах начавшихся перемен не иначе, как «сегодня к вечеру»², погубила и светлую идею реформ и ее автора М.С. Горбачева.

Декабрьские события 1991 года завершили почти 70-летнюю историю СССР. Как сообщалось в западных СМИ, в воскресенье, 10 декабря «в декларации, очевидно лишенной эмоций исторического момента, три славянских республики ... стерли с лица земли Советский Союз»³. Первой официальной реакцией США стали обещания всемерной поддержки «Советскому Союзу и его республикам»⁴. Что будет с Горбачевым, да и с пресловутыми «республиками» предсказать не мог никто.

Однако, попрощаться с Горбачевым-Президентом Западу пришлось, и произошло это 25 декабря 1991 года, в самый разгар рождественских каникул. Радостная обстановка главного на Западе праздника никак не вязалась с печальным окончанием карьеры одного из популярнейших мировых политиков. Даже скептики из числа представителей западных СМИ, еще совсем недавно перечислявшие ошибки и просчеты политики Горбачева, с почтением и запоздалым сожалением писали: «Прощайте, реформатор

¹ Именно это «несоответствие» образов Горбачева в СССР и за границей подметил А.С. Черняев в своих дневниковых записях. См.: Черняев А.С. Дневниковые записи. 24 ноября 1990 г. / Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. С.58.

² Этим словосочетанием Г. Хазанов охарактеризовал собственное мироощущение 1985-1991 гг. в еженедельной воскресной авторской программе В. Познера «Времена», посвященной 20-летию начала перестройки в СССР. (Времена // «Первый» канал российского телевидения, эфир от 13 марта 2005 года).

³ Sneider D., Grier P. Soviet Break Up Sharpens Doubts Over Arms Control // The Christian Science Monitor, December 10, 1991. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 234.

⁴ Statement by Press Secretary Fitzwater on Assistance to the Soviet Union and the Republics. December 12, 1991. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91121202.html>

Михаил Сергеевич»¹... Признавалось, что Запад «видит в Горбачеве исключительную фигуру», хотя, будучи «неоцененным русским реформатором, он шел испытанным путем». Его сравнивали с царем Александром II, С.Ю. Витте и Н.С. Хрущевым, «сломавшими копья в попытках подтолкнуть огромную страну в ее движении вперед». Все они столкнулись с закономерной исторической тщетностью попыток сохранить умирающую систему посредством реформ².

Произошедшее, при всей заведомой предсказуемости, все же было неожиданным. Нарушая традиции рождественского затишья, Президент США отреагировал на события в СССР обращением к нации вечером самого аполитичного для Америки дня 25 декабря. После более чем 40 лет борьбы Запада с коммунизмом, противостояние признавалось оконченным, Восточная Европа – свободной, а Советский Союз – прекратил свое существование. Джордж Буш, от лица американского народа, выражал Михаилу Сергеевичу Горбачеву благодарность за годы стойкой приверженности борьбе за мир, а также «за его ум, проницательность и смелость», за «революционную политику, трансформировавшую Советский Союз» и «позволившую народам России и других республик [СССР – О.Д.] оставить позади десятилетия угнетения и заложить основы свободы». Президент США полагал, что наследие, оставленное Горбачевым, «гарантирует ему почетное место в истории».

За вдохновенными словами о победе демократии стояли эмоции, лишенные столь необходимого здравого рассуждения. Все случившееся, как полагал Дж. Буш, «явно служило нашим [американским – О.Д.] интересам», даже вопреки «потенциальной нестабильности и хаосу» на территории бывшего СССР³.

В Белом Доме еще не осознавали главного: с распадом СССР и созданием 15 независимых, декларативно-демократических государств, у США не было больше основного, «стратегического» противника. При всей эйфории, это создавало и новые трудности – необходимость поиска нового «врага» для использования имеющихся арсеналов и последующего развития военной промышленности. Кроме того, это католическое Рождество было, вопреки уверенности Буша, не только временем светлых надежд, но и моментом зарождения нового, еще неясного миропорядка. Отставка Горбачева, подводившая последнюю черту под советской историей, ставила точку и в «холодной войне». Вопрос о победителях и проигравших был,

¹ Sneider D. Fare Well Reformer, Mikhail Sergeyevich... // The Christian Science Monitor, December 26, 1991. / Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992... p. 250.

² Ibid.

³ Address to the Nation on the Commonwealth of Independent States. December 25, 1991. [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. - Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91122501.html>

как и всё в истории, риторичен – ведь бывшие советские республики отныне обращались к решению своих внутренних, застарелых проблем, а Запад оставался на поле боя один на один с воинственными устремлениями собственных генералов.

В отличие от Запада, для СССР фактическое президентство Горбачева закончилось раньше. В конце августа 1991 года стало окончательно ясно, что этому неординарному политику, реформатору и человеку не хватает главной, в масштабах российской истории¹, черты – умения достигать цели любыми средствами, делая свои устремления устремлениями всех, в том числе и посредством силы. Место «вождя» с почти неограниченным кредитом доверия занял в сознании большинства россиян Б.Н. Ельцин. Поэтому 25 декабря 1991 года было странным, противоречивым днем трагического прощания с мечтой нескольких поколений советских людей в светлое будущее; днем прощания с человеком, который, как казалось бы с лишним лет назад, мог привести свою страну в это неведомое, «прекрасное далёко».

Итог эпохи М.С. Горбачева в СССР в известной мере был предопределен западным восприятием советских реформ. К 1985 году в США и в среде их союзников сложилась стройная система представлений об СССР, его прошлом, настоящем и перспективах будущего. По сути, это был воинствующий антисоветизм. Ситуация в США и Великобритании свидетельствовала о чрезвычайном общественно-политическом весе сформировавшихся на Западе стереотипов. В этой ситуации приход к власти в СССР яркого, харизматического лидера и реформатора, каковым без преувеличения являлся Горбачев, был не просто неожиданным, но и неординарным, разрушающим привычную схему событием.

Для осознания феноменальности М.С. Горбачева, искренности его намерений открыть советское общество миру и коренным образом перестроить его политическую, экономическую, идеологическую сферы, изменить приоритеты внешней политики – необходимо было сначала сломать устойчивые, складывавшиеся в течение 40 лет, мифы об «Империи зла». Анализ англоязычных источников первой половины 1980-х гг., показал, что *разрушение западных стереотипов в советском вопросе требовало значительного времени, если вообще было возможно.*

Именно поэтому *первые инициативы Горбачева в 1985-1987 гг. нередко встречались политиками и исследователями враждебно и настроенно, трактовались двояко, сопровождалась поиском скрытого подтекста.* Переворот в сознании значительной части населения США и Великобритании, как и их союзников, не мог быть одномоментным.

¹ Хотя, вполне возможно такая черта необходима любому правителю, ведь, как полагал Макиавелли, побеждают лишь вооруженные пророки.

И все же, представляется, что *признание нового советского лидера и его инициатив происходило значительно быстрее, чем можно было ожидать, что служило одним из свидетельств феноменальности М.С. Горбачева*. Легче всего ломка стереотипов проходила у представителей более молодого поколения, в среде журналистов-международников, посещавших СССР до и после 1985 года, имевших возможность сравнивать два облика советской действительности и общественных настроений. Положительные, а нередко и восторженные отзывы СМИ попадали на благодатную почву американского общества, уставшего жить в постоянном страхе ядерного апокалипсиса. Простым американцам, как и западным европейцам, очень хотелось верить, что «*novoe mishlenie*», «*perestroika*» и «*glasnost*» – русские слова, молниеносно получившие всемирную известность – отражают отнюдь не косметический характер советских реформ и станут действительным основанием потепления взаимоотношений Востока и Запада. О феномене М.С. Горбачева на Западе заговорили уже в 1988 году, что служило свидетельством исторической значимости изменений, инициированных советским лидером внутри СССР и в сознании западного общества.

Для представителей американской и британской политической элиты «*советофобия*» длительный период времени выступала в качестве основной, организующей и направляющей идеи внутренней и внешней политики. В этой среде признание советских реформ, их одобрение и поддержка пришли позже, в 1988-1991 гг. Первоначально изменения в официальной позиции Запада диктовались не столько масштабностью происходивших в СССР перемен, но – политической конъюнктурой США и Великобритании.

И если Маргарет Тэтчер, явно полагаясь на собственную женскую интуицию и осознание политического потенциала М.С. Горбачева, поспешила признать неординарность нового хозяина Кремля еще в декабре 1984 года, то Рональд Рейган сохранял более умеренную, нередко – ультимативную позицию вплоть до конца своего президентства на рубеже 1988-1989 гг. 40-й президент США, наиболее одиозно отстаивавший идеи воинствующего антикоммунизма, упустил в «Горби» то, что увидело население его собственной страны – искренность убеждений, неприятие насилия, как средства достижения цели и заинтересованность в других. Не случайно Горбачеву американцы направляли свои благодарственные письма за бескровное окончание «холодной» войны и зарождение надежд на новую, мирную жизнь всего человечества.

Пусть и запоздалое, но все же - признание инициатив Горбачева Белым Домом объяснялось сменой президентских администраций, стремлением Рейгана отойти от дел в лучах славы «победителя» в «холодной войне» и потребностью Буша в сохранении позитивной динамики развития американо-советских отношений. Но, не смотря на поведенческие особенности, и британский премьер, и американский Президент по-своему *использовали* М.С. Горбачева в личных политических предвыборных целях,

так и не осознав суть провозглашавшихся советским политиком идей «нового политического мышления».

С приходом в Белый Дом администрации Дж. Буша старшего, советско-американские отношения получили лично-ориентированное развитие. Уже к концу первого года Буша «в офисе» его отношения с Москвой носили выраженный характер *ставки на Горбачева*. После саммита на Мальте в декабре 1989 года контакты двух лидеров получили значительное позитивное развитие, изменившее и традиционно антисоветскую риторику американских официальных заявлений. К этому моменту советские войска были выведены из Афганистана, рухнула Берлинская стена, вышла из-под советского контроля Восточная Европа, был сокращен советский военный контингент и вооружения в регионе.

Однако *официальное западное признание радикальных советских реформ и их инициатора* пришло слишком поздно и потребовало слишком большого напряжения сил и затрат времени. Пока Горбачев убеждал Запад в искренности своих намерений и необходимости смены приоритетов внешней политики, рухнула советская экономика и распался Советский Союз.

ГЛАВА 2. М. С. ГОРБАЧЕВ И ЕГО ЭПОХА В АМЕРИКАНО-БРИТАНСКОМ ВОСПРИЯТИИ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО ПЕРИОДА

2.1. М. С. Горбачев и его время в мемуарах политиков Запада

Постперестроечный этап западного восприятия феномена Горбачева и его эпохи оказался чрезвычайно важен для подведения первых итогов и осмысления масштабных перемен, ставших на глазах у современников частью Истории. Только теперь, когда «советский вопрос» отошел в прошлое и потерял былую политическую значимость, исследователи и участники событий получали возможность судить об эпохе последнего лидера СССР как о свершившемся факте, целостном и ограниченном во времени явлении. В зависимости от степени «ангажированности» тема феномена Горбачева могла кануть в небытие, либо – получить вторую жизнь. В любом случае, восприятие инициатора перестройки и самих реформ должно было претерпеть некоторые изменения. Не последняя роль в этом, естественно, отведена непосредственным участникам исторических событий, первым лицам геополитики и их помощникам, издавшим свои мемуары в течение постперестроечного десятилетия.

Как известно, мемуары и воспоминания – уникальные исторические источники, особенно когда речь идет о биографии одной личности в преломлении мировоззрения другой, так же знаковой для истории фигуры. Этот материал столь же богат, сколь и сложен для анализа, но без него история рискует стать сухой схемой.

Хронологически одним из первых мемуаристов, внесших свой вклад в переосмысление эпохи М.С. Горбачева, стал 40-й президент США Рональд Рейган, чья «Жизнь по-американски» увидела свет уже в 1990 году¹. Она послужила основанием сомнительной риторики о «победе Запада» в «холодной войне» сторонников «жесткой линии» в среде американских республиканцев и британских консерваторов.

В мемуарах Рейгана отражена продуманно-четкая, шлифованная годами антисоветская и антикоммунистическая *концепция*, в которой американскому президенту под давлением внешних обстоятельств *пришлось* найти место и для новых идей, противоречивших его же собственным прежним представлениям, поскольку «холодная война» завершилась без широко провозглашавшегося «вероломства» «Советов» в переговорном процессе с Западом. Итог противостояния Востока и Запада Рейган трактовал как отступление «Советов», а значит, победу США. Вступая в известный конфликт

¹ Reagan R. An American Life. – N.Y., L., Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: Simon & Schuster, 1990. Переведено на русский язык и опубликовано издательством «Новости» в 1992 г. в Москве.

со здравым смыслом, он отстаивал *необходимость* ведения переговоров о прекращении ядерного противостояния с СССР с позиции силы¹.

Причины первоначальных неудач подобной «стратегической инициативы» Рейган сводил к досадной нелепости постоянных смертей советских лидеров. С приходом к власти М.С. Горбачева 40-й Президент США понял, что у его Администрации «появился шанс на успех»². В таком логическом ряду значение рейгановской стратегии резко возрастало, а роль лидера СССР в окончании «холодной войны» и переговорах по разоружению сводилась к нулю.

В мемуарах Рейгана Горбачев предстал «разумным человеком, уверенным в себе, с хорошим чувством юмора». Но в то же время советский лидер находился «под влиянием антиамериканской, антикапиталистической пропаганды». Как удивленно отмечал Рейган, «помимо прочих фальшивок» о США Горбачев «верил, что американцы ненавидят Советы», а американские «производители оружия контролируют экономику и возбуждают людей антисоветской пропагандой в целях сохранения гонки вооружений»³. Подобная риторика Горбачева чрезвычайно *раздражала* Рейгана, поскольку он был абсолютно убежден, что это, по сути, *клевета* (?!). В ходе женевского саммита Рейган собирался даже «уединиться» с Горбачевым чтобы «поговорить начистоту»⁴.

Анализ официальных заявлений Рейгана в период его президентства, представленный в предыдущей главе нашей работы, явственно свидетельствует о *правоте* Горбачева. Более того, в письмах последнего советского Генерального секретаря к Рейгану, широко цитируемых в мемуарах 40-го Президента США, действиям Вашингтона в мире даётся вполне адекватная, прагматичная оценка. М.С. Горбачев, в частности, был уверен, что США оказывают давление на «правительства, политика которых их не устраивает» и «на стороне группировок, выступающих против законных правительств»⁵. Мысли же, высказанные Рейганом, сложно трактовать иначе, нежели традиционные и стереотипные. Если учесть, что они содержатся в *мемуарах* американского президента и являются фактически переоценкой пройденного пути, то становится очевидным, что Рейган, даже после окончания своей политической карьеры, остался в плену «старого мышления» эпохи «холодной войны».

Не менее информативны мемуары первой леди США – Нэнси Рейган, которая встречалась с М.С. Горбачевым не так часто, но характеризовала его тем не менее как человека, вызывавшего больше симпатий, нежели его жена – доцент и кандидат философских наук, которая «никогда не

¹ Там же, С.12.

² Там же.

³ Там же. С.632.

⁴ Там же.

⁵ См.: Рейган Р. Указ. соч. С.615.

переставала... читать лекции»¹. Нэнси приходилось общаться с Раисой Горбачевой и общение это было для неё не только вынужденным, но и крайне неприятным, поскольку в ходе этих встреч выяснялось, что американская первая леди о своей собственной стране, её культуре и философии «отцов-основателей» американской демократии знала меньше, чем первая леди СССР, готовившаяся к каждому заграничному визиту своего мужа как к написанию диссертации. Н. Рейган была не готова к такому повороту событий, надеясь, что их с Р.М. Горбачевой общение сведется к разговорам «о личной жизни: о мужьях, детях, о трудностях существования на виду у всех» или, наконец, о «надеждах на будущее»². Ей, озабоченной сменной службой для официальных приемов в Белом Доме, или обсуждением прессой ее инаугурационного наряда, проблемы соревнования идеологий социализма и демократии, как и далекого СССР – были чужды. Она не просто не знала о них, но *не хотела* знать!

Высокую оценку в среде американских советологов заслуженно получила работа сенатора Дж. Харта «Россия сотрясает мир: Вторая русская революция и ее влияние на Запад»³. Более 36 поездок автора в СССР за период 1985-1991 гг., беседы с советскими учеными, писателями, издателями, членами Верховного Совета, ЦК, представителями Съезда народных депутатов и лично с М.С. Горбачевым способствовали более глубокому пониманию перестройки.

Дж. Харт полагал, что даже «не взирая на возможные грядущие перемены, годы Горбачева представляют собой наиболее драматические мирные политические реформы в современной истории»⁴. Попытки поиска аналогий реформатору-Горбачеву в российской истории, по его мнению, были некорректны. Петр I, Екатерина II и даже Сталин - «не подходили» для подобного сравнения, т.к. реализовывали свои реформы силовыми методами. Перестройка Горбачева, напротив, предполагала «требование перемен, исходящее от народа»⁵.

Харт подметил важнейшее изменение в геополитике, привнесенное перестройкой. Окончание «холодной войны» оставило две сверхдержавы без «темы», основной идеи, «центрального организующего принципа», заставлявшего обе стороны участвовать в «политическом соревновании», «гонке во имя обеспечения безопасности, вылившейся в милитаризм»⁶.

¹ Рейган Нэнси, Новак Уильям. Мой черед: Воспоминания. Пер. с англ. // Иностранная литература, 1991, № 9. С.203.

² Там же.

³ Hart G. Russia Shakes The World: The Second Russian Revolution and Its Impact on The West. – N.Y.: Cornelia & Michael Bessie Books, An Imprint of Harper Collins Publishers, 1991. – 257p.

⁴ Ibid. p.1.

⁵ Ibid. p.231.

⁶ Hart G. Op. cit. p.231.

Природа человека такова, что объединяться проще не *для* чего-либо, но *против*. По Харту выходило, что русским, ранее боровшимся со всеми проявлениями капитализма и объединенными этой борьбой *против* него, теперь придется нелегко, ведь должны будут смениться несколько поколений, чтобы старая система ценностей, привычек и инстинктов ушла с исторической сцены¹.

Американский сенатор забывал о собственной стране, которая уже более полувека также была объединена *против – против* «Советов», «Империи зла», «коммунистической угрозы». И в отличие от рушившегося СССР, у США еще не было осознания свершившихся перемен геополитического масштаба: растерянность появилась тогда, когда исчез главный враг, во имя борьбы с которым рос военный бюджет, произносились полные угроз речи, формировалась концепция национальной безопасности США. Через болезненный кризис и распад бывшему Советскому Союзу суждено было подойти к осознанию важности поиска новой идеологической и философской парадигмы, национальных приоритетов и ценностей. Из хаоса должна была родиться новая страна. Для США же начался небезопасный для человечества поиск новых иллюзорных врагов² ради применения нерастраченной военной мощи и нереализованных геополитических амбиций.

Событием для мировой и британской общественности стал выход в свет в 1993 г. первой книги мемуаров Маргарет Тэтчер³. В ней нашли отражение представления «железной леди» по «советскому вопросу» в рамках терминологии «холодной войны». Не осталась в стороне и личность последнего советского лидера. Постфактум Тэтчер была убеждена, что ее совместная с Р. Рейганом политика «борьбы с Советами на идеологическом поле» при «соответствии Советам в военной мощи» – должна была принести совершенно конкретные результаты. Запад в лице лидеров США и Великобритании намеревался «выиграть «холодную войну», не подвергаясь серьезному риску»⁴. Тэтчер давала новую и отнюдь не безупречную интерпретацию западным воззрениям на СССР до прихода к власти Горбачева, пытаясь доказать, что итоги противостояния Запада и Востока были predetermined.

К примеру, 1983 г., по мнению Тэтчер, должен был стать отправной точкой в осознании «Советами» скорого окончания их «игры»⁵. Однако

¹ Ibid. p.232.

² Об этом красноречиво свидетельствуют события с участием американцев в Югославии, Афганистане, Ираке, угрозы США Северной Корее и Ирану и целому ряду других стран.

³ Thatcher M. The Downing Street Years. – L., 1993. (Это была первая книга из трёх, изданных Тэтчер к 2005 г.)

⁴ Ibid. p.450.

⁵ Ibid.

такая оценка противоречила реальным настроениям времени правления Ю.В. Андропова, являвшимся одним из самых напряженных периодов в отношениях Востока и Запада. Интересно, что уже 8 сентября 1983 года, спустя всего неделю после инцидента с корейским Боингом «железная леди» провела семинар экспертов по СССР. Мотивируя свою инициативу, Тэтчер ссылалась на необходимость «лучше узнать врага», чтобы получить возможность в будущем «сделать его своим другом»¹. Тем не менее всё произошедшее в небе над Дальним Востоком мало ассоциировалось с перспективами трансформации «Империи зла» в «дружественную» сторону.

Эксперты МИД Великобритании, а также британские советологи, по Тэтчер, были далеки от качественного результативного анализа советской системы, что и засвидетельствовал проведенный семинар. Для «железной леди» было очевидно, что советская система, основанная на подавлении личности, рано или поздно столкнется с «человеком, способным бросить ей вызов». Поэтому Запад, амбициозно настаивала она *постфактум*, с 1983 г. искал представителя молодого поколения советских лидеров, дабы «культивировать и поддерживать его»². Такого человека Тэтчер, якобы, увидела в Горбачеве.

Подобное объяснение могло служить ответом тем критикам, которые, по признанию самой «железной леди», считали ее «ослепленной великолепием Горбачева»³. Но нам представляется совершенно очевидным, что даже для этой цели аргументация Тэтчер была явно неубедительна. В кругах оптимистично настроенных западных аналитиков М.С. Горбачева, вплоть до 1987 г., называли, тем не менее, человеком с милой улыбкой при «стальных зубах». Вряд ли кто-то на Западе в первой половине 1980-х гг. мог всерьез помышлять о «культивировании и поддержке» возможного хозяина Кремля.

Материалы, собранные британскими аналитиками по двум представителям молодого поколения советских политиков – Г.В. Романову и М.С. Горбачеву, не могли не быть ограниченными и неточными. Однако слухов о «бесценных хрустальных бокалах из Эрмитажа»⁴, разбитых, якобы, на свадьбе дочери первого из них, оказалось для Тэтчер достаточно, чтобы с большим интересом отнестись к Горбачеву.

¹ Ibid. p.451.

² Ibid. p.452.

³ Ibid.

⁴ Здесь необходимо отметить, историю с «романовским сервизом» западные исследователи считали инспирированной КГБ для устранения Г.В. Романова как потенциального соперника Ю.В. Андропова (См.: Шульман С. Власть и судьба... - М., 1998. С.355). Однако Эрмитаж до сего дня не признал, что «бесценный сервиз» или «набор столового хрусталя» времён Екатерины Великой когда-либо разбивался представителями Ленинградского обкома. Очевидно, что за этими событиями не стояло ничего, кроме слухов.

Визит Михаила Сергеевича в Великобританию в декабре 1984 г. был, по глубокому *зablуждению* Тэтчер, «его первым визитом в европейскую капиталистическую страну»¹. В действительности, он объехал в начале 1960-х гг. значительную часть континентальной Западной Европы и уже тогда не мог не видеть различий и внутренних противоречий двух политических систем.

Одним из главных выводов Тэтчер, сделанных по итогам этой, ставшей после знаменитой поездки, были выявленные ею отличия М.С. Горбачева от прежних советских аппаратчиков. Он «улыбался, жестикулировал, умело управлял голосом, следил за мыслью собеседника», был «острым спорщиком», «уверенным в себе» оратором, «говорящим без обращения к заранее подготовленным записям». К концу дня, признавала Тэтчер, она осознала, что ей нравится этот человек².

Кроме того, британского премьер-министра удивили обширные познания Горбачева о Западе и, в частности, о Британии, а также недоверие советской стороны по отношению к планам рейгановской администрации и, в особенности, к программе «Звездных войн», которое в своём лице выражал советский лидер³. Между тем, как нам представляется, у СССР не было и не могло быть причин «доверять» Р. Рейгану, именовавшему Советский Союз «империей зла».

Определенный вклад в переосмысление недавнего прошлого вносили и представители противоположной Западу российской стороны. В 1994 году рекордным для постперестроечной России тиражом в один миллион экземпляров вышла в свет вторая книга мемуаров Б.Н. Ельцина «Записки президента»⁴, отразившая взгляды одного из основных участников событий на ушедшую эпоху. Первый российский президент был известен Западу как популист, и его воззрения укладывались в рамки именно таких представлений. Однако его версия событий была важна для советологов, стремившихся разобраться в причинах краха перестройки и распада СССР.

Б.Н. Ельцин с плохо скрываемой неприязнью создавал свой портрет Президента СССР. Без малейшей доли сожаления российский Президент отмечал: «Я разобрался в наших отношениях с Горбачевым до конца... Никогда не ставил себе цели бороться именно с ним, больше того – во многом шел по его следам, демонтируя коммунизм. Но что таить – многие мои поступки замешаны на нашем противостоянии»⁵. В «Записках президента», по нашим подсчётам, Ельцин ставил личный рекорд по числу упоминаний М.С. Горбачева в мемуарах, посвященных самому себе⁶.

¹ Thatcher M. Op. cit. p.459.

² Ibid. p. 460-461.

³ Ibid. p.462-463.

⁴ Ельцин Б.Н. Записки президента. – М.: Издательство «Огонек», 1994. – 416с.

⁵ Там же. СС.31-32.

⁶ На 397 страницах работы имя М.С. Горбачева в разных вариациях встречается 257 раз!

Значительным событием 1995 г. для советологии стал выход в свет мемуаров двух участников событий эпохи М.С. Горбачева: двухтомной «Жизни и реформ»¹ первого советского Президента и описания американским послом Джеком Мэтлоком крушения СССР под интригующим названием «Аутопсия империи»².

Работа М.С. Горбачева оказалась важным источником для советологических исследований, вносящим ясность в ряд вопросов биографии последнего советского лидера, его личностного становления, переоценки пройденного пути, философско-реформационных исканий. Даже название мемуаров было символическим, уравнивающим значимость «жизни» последнего советского лидера и инициированных им «реформ». Подобная тематика вызывала большой интерес у западного читателя, чем и объяснялся перевод работы на ряд европейских языков. Кроме того, по свидетельству сотрудников «Горбачев-Фонда», значительная часть 30-тысячного *русскоязычного* тиража также была скуплена *иностранцами* на «книжных развалах» Москвы³.

Воспоминания посла США в СССР Дж. Мэтлока содержали не столько автобиографию автора, сколько ее связь с Россией и попытку найти ответы на множество вопросов, возникших в связи с крушением последней из мировых империй современности. Для него Россия началась по-американски тривиально – с «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, прочитанного в университете и потрясшего Мэтлока, «как никакая другая книга»⁴. Он посещал СССР в начале 1960-х, встречался с сотрудниками советских посольств в Африке в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Один из его пятерых детей родился в Москве. По сути, вся жизнь Дж. Мэтлока была связана с Россией, ее культурой и народом. Как никто другой из числа американских политиков конца XX века, он, пусть и с известными ограничениями, осознавал трагизм распада СССР, что и подвигло американского посла взяться за нелегкий труд написания воспоминаний.

М.С. Горбачев, в описании Дж. Мэтлока, был противоречивой личностью. Характеризуя события марта 1985 г., бывший посол отмечал, что «никакой другой советский лидер не начинал своё правление при столь высоком уровне одобрения дома и за границей», хотя в то же время он «озадачивал мир»⁵. «Типичный Горбачев», по Мэтлоку, был «гордым,

¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. – В двух книгах. – М.: АО «Издательство «Новости», 1995.

² Matlock, J.F., Jr. Autopsy on An Empire: The American Ambassador's Account of The Collapse of The Soviet Union. – N.Y.: Random House, 1995. – 838p.

³ Примечательно, что в библиотеке московского отделения «Горбачев-Фонда» хранится только один русскоязычный экземпляр «Жизни и реформ». Кроме того, далеко не во всех российских библиотеках такое издание вообще есть.

⁴ Matlock J.F. Op. cit. p.8.

⁵ Ibid. p.50.

отстаивающим свою точку зрения, умело ведущим споры, не упускающим фактов» политиком. При таком лидере в Кремле советско-американские отношения из «бесконечного повторения старых аргументов» должны были превратиться в «более вдохновенные дебаты»¹. Новый советский лидер отличался от предшественников не только темпераментом, но и целеустремленностью в деле реформирования страны. Его первоначальная программа реформ, по Мэтлоку, «была ограничена и не решала реальные проблемы, стоявшие перед страной», что объяснялось не только неготовностью признать истинный масштаб надвигавшегося кризиса, но и наличием потенциальных противников в лице «брежневской клики». Если бы М.С. Горбачев двигался в направлении реформ слишком быстро, как признавал американский посол, его пребывание на посту Генерального секретаря оказалось бы кратким². В то же время можно было не предпринимать никаких шагов для изменения советской системы, и тогда Горбачев «смог бы оставаться у власти дольше, чем Брежнев»³.

Однако при всей ограниченности реформ на старте уже в 1986 г. на Западе и особенно в США, как признавал Дж. Мэтлок, велики были надежды на то, что М.С. Горбачев проявит себя нетипичным советским лидером, воспринимающим интересы своей страны серьезнее, чем идеологические абстракции, стремящимся привнести больший прагматизм в переговорный процесс с Западом. Саммиты в Женеве и Рейкьявике заставили американцев «подпасть под обаяние» Горбачева⁴.

В том же, что касалось внутривнутриполитического курса, политика Горбачева до января 1987 года выглядела в глазах Запада «мало отличающейся от спорадических «реформационных» периодов» советского прошлого⁵. В США было широко распространено мнение о невозможности исправить основополагающие недостатки советской системы, поэтому реформы М.С. Горбачева 1985-1986 гг. воспринимались как «попытка приручить акулу, удалив ей пару зубов»⁶. В дальнейшем мысли М.С. Горбачева, о воспоминаниях Дж. Мэтлока, были «радикальными и амбициозными», а предложения – «по меньшей мере, не полными»⁷. При этом они были направлены на значительные изменения в самой системе, что вело к росту сопротивления партийного аппарата. Одновременно первые два года правления Горбачева предполагали и перемены во внешней политике СССР. Чрезвычайно интересной была и взаимосвязь, выявленная Дж. Мэтлоком, между различными аспектами государственного реформирования, начато-

¹ Ibid. p.52.

² Ibid.

³ Ibid. p.53.

⁴ Ibid. p.65.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. p.66.

го Горбачевым. Проводить *результативную внутреннюю политику* можно было, по мнению опытного дипломата, лишь *опираясь на внешнеполитические успехи*: снижение международного напряжения и завершение порожденной им гонки вооружений¹.

Для Мэтлока, «сторонника жесткой линии», как его нередко называли американские журналисты, СССР сталинских и брежневских времен несомненно *был «империей зла»*. Но государство, переставшее существовать 25 декабря 1991 г., *уже не являлось таковым*². В ходе перестройки американский посол, по его собственному признанию, «умом и сердцем поддерживал демократические изменения», происходившие в стране³. Задавшись целью найти ответ на вопрос о причинах распада СССР, Мэтлок по сути так его и не отыскал, прекрасно понимая, что грядущие историки «вряд ли смогут договориться» в вопросах значения произошедших на исходе XX века перемен и причин крушения «советской империи». Для посла США в СССР это было столь же очевидно, как и разница мнений «в случае с причинами падения Рима и начала Первой мировой войны»⁴.

В 1996 г. вышла в свет книга воспоминаний директора ЦРУ Роберта Гейтса с витиеватым названием «Подлинная история победы пяти президентов в «холодной войне», написанная посвященным»⁵. В ней автор значительное место отвел описанию и оценке событий 1985-1991 гг. с позиций Белого Дома и аналитических выкладок ЦРУ. Из четырёх глав его работы полторы были посвящены проблемам взаимоотношений Москвы и Вашингтона в последний период «холодной войны», когда *совместными усилиями* М.С. Горбачева, Р. Рейгана и Дж. Буша старшего удалось предотвратить ядерную катастрофу и заложить основы нового мирового порядка.

Описывая приход к власти последнего советского лидера, Р. Гейтс отмечал, что «в ЦРУ с именем Горбачева связывали определённые надежды с того момента, как он возник на политической сцене в качестве протеже Андропова в начале 1983 года». Известно о нем было немного. Но даже при этом несколько лет ушло у аналитиков ЦРУ на то, чтобы понять Горбачева, осознать, с одной стороны, «всю его смелость и решительность», а с другой – «мощь противодействия этому человеку, пределы его смелости и решительности, границы его мировоззрения». В ЦРУ, как постфактум признавал Гейтс, М.С. Горбачева «одновременно переоценивали и недооценивали»⁶.

¹ Ibid. p.67.

² Ibid. p.15.

³ Ibid. p.16.

⁴ Ibid. p.7.

⁵ Gates R.M. "From the Shadows": The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. – NY. – Simon & Schuster, 1996.

⁶ Ibid. p.327.

Зная о настроениях в российском обществе после 1991 г., Р. Гейтс с недоумением отмечал, что «самые непримиримые оппоненты» Горбачева обвиняли Президента СССР и А.Н. Яковлева в пособничестве ЦРУ и называли даже агентами этой организации. По весьма самокритичному признанию Гейтса, под руководством ЦРУ Горбачев «не смог бы столь успешно и безболезненно разрушить советскую империю зла»¹.

Плохо соотносились заявления Р. Гейтса о «любопытном феномене» «энтузиазма ЦРУ по поводу Горбачева»² и одновременном отсутствии у сотрудников этой организации иллюзий в отношении нового советского Генерального секретаря³, известного в качестве стандартного коммунистического функционера, проявившего себя в таком качестве сначала в Ставрополе, а затем в Москве. Прогнозируя возможность серьезных изменений в экономике и внешнеполитическом курсе СССР после прихода М.С. Горбачева к власти, аналитики ЦРУ, в числе которых был и Гейтс, опасались, что «упускают какую-то важную деталь в портрете Горбачева – жесткость, «острые зубы» спрятанные за «милой улыбкой»... Ведь, в конце концов, протеже Андропова и Суслова не мог быть безупречно белым и пушистым»⁴.

Новый советский лидер не производил впечатления человека, готового и способного разрушить систему, приведшую его к власти. Тем не менее, противоречивость и непредсказуемость его личности в течение всего 1985 года приводила, как отмечал Р. Гейтс, к тому, что «все в ЦРУ были подвержены лёгкому подобию шизофрении, а я – даже больше остальных»⁵.

Столкнувшись с проблемами огромной страны, находящейся в самом разгаре политического, экономического и социального кризиса, М.С. Горбачев, по мнению директора ЦРУ, не имел четкой стратегии или плана действий. Не в одной из его официальных речей или частных разговоров аналитики из Лэнгли не нашли и намёка на готовность к смене тоталитарной системы. М.С. Горбачев, в интерпретации Гейтса, не осознавал «основополагающего противоречия, приведшего его к поражению»: без авторитарного контроля центра над экономикой и обществом, осуществляемого посредством мифотворчества и запугивания, советская система не смогла бы существовать. В то же время в постиндустриальном мире, зависящем от свободного доступа к информации и стремительно развивающихся технологий, общество и экономика, строго контролируемые сверху, тоже были нежизнеспособны⁶.

¹ Ibid. p.327.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. p.329.

⁵ Ibid. p.332.

⁶ Ibid. p.388.

По Р. Гейтсу, М.С. Горбачев в 1986-1987 гг. инициировал ряд «политических, экономических, социальных и этнических пожаров», которые должны были «освободить СССР от прошлого и освежить землю для новых всходов». Однако, как признавал директор ЦРУ, никто в то время не знал что «этот огонь выйдет из-под контроля, превращаясь в пожарище», способное поглотить самого Горбачева и ту систему, которую он пытался спасти. В интерпретации автора выходило, что «Горбачев мог вывести народы Советского Союза из их прошлого, но его взору не доступно было будущее», в чем заключалось «величие Горбачева, и его трагедия»¹.

Представляется очевидным, что подобные умозаключения Гейтса необоснованны. Видел ли первый Президент СССР будущее своей страны? Вероятно, да. Но его видение, к сожалению, не совпало с действительностью, менявшей ориентиры даже более стремительно, чем можно было ожидать. И это уже была трагедия народа, потерявшего единство государственности и реальной исторической перспективы.

В то же самое время Гейтс, вторя З. Бжезинскому², высказал мысль, с которой трудно не согласиться: «Шаг за тактическим шагом, Горбачев претворил в жизнь одну из самых далеко идущих и бескровных политических революций в истории»³.

1995-1996 гг. для России ознаменовались подготовкой к президентским выборам, в которых принял участие и М.С. Горбачев, не смирившийся с окончанием своей политической карьеры. Совершенно *не случайно* именно в этот период в стране были опубликованы воспоминания нескольких участников событий периода перестройки, чьи рассуждения сводились к доказательству единоличной вины последнего советского лидера во всех бедах Отечества рубежа 1980-1990-х гг. Их авторами стали В.И. Болдин⁴, А.А. Коробейников⁵ и В.А. Казначеев⁶, чьи нелицеприятные суждения легли в основу многих существующих сегодня в России оценок перестройки и лично М.С. Горбачева. Публикацией двух из трёх этих работ занялся Российский *государственный* информационно-издательский Центр «Республика» *Комитета Российской Федерации по печати*. Суммарный тираж всех трёх изданий составил 60 тысяч экземпляров, что по меркам середины 1990-х гг. было весьма значительно. Не трудно догадаться, что по меньшей

¹ Ibid. p.389.

² З.Бжезинский говорил о том, что заслугой Горбачева является то, что он «сумел разрушить старый мир, не пролив ни единой капли крови, мирными средствами... Но он [Горбачев – О.Д.] заплатил за это дорогой ценой – своим финалом» (См.: Комсомольская правда. 04.01.1992.).

³ Gates R. Op. cit. p.447.

⁴ Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. – М.: Республика, 1995. – 447с.

⁵ Коробейников А.А. Горбачев: Другое лицо. – М.: Республика, 1996. – 207с.

⁶ Казначеев В.А. Последний генсек. – М.: «Гудок», 1996. – 240с.

мере В.И.Болдин и А.А. Коробейников выполняли определённый политический заказ по дискредитации бывшего советского Президента.

Характеристику собственному труду А.А. Коробейников свёл к признанию, что написал «книжку про Мишку»¹. Работа участника августовского путча и бывшего помощника Горбачева В.И.Болдина (часть которой была написана, как и в случае с бывшим председателем КГБ В.А. Крючковым, в стенах Матросской тишины) должна была «восстановить истину»² в болдинской её редакции.

В.А. Казначеев, чьи воспоминания вышли более скромным тиражом в малоизвестном издательстве, сам изложил цель и причины написания своей работы, причем сделал это прямолинейно и беззастенчиво. «Я взялся за этот неблагодарный труд – написание книги о Горбачеве, потому что слишком хорошо представляю, что произойдет, если подобный Горбачеву вновь придёт к власти... Люди, будьте бдительны. Предатель Горбачев нацелился на власть!»³. Сам Казначеев «дважды по милости Горбачева оказывался не у дел». Первый раз «по подсказке Горбачева, чтобы досадить» *Казначееву* (!?) *было ликвидировано целое ведомство* – Госкомитет по профессионально-техническому образованию РСФСР. Во второй раз - «благодаря интригам Горбачева председателем Верховного Совета России стал Б. Ельцин», который, естественно, полностью обновил Совмин и В.А. Казначеев, по его собственным словам, «оказался на улице»⁴.

Процитированного достаточно, чтобы задаться вопросом об уровне объективности, достоверности и доказательности приведённых автором воспоминаний «аргументов». Однако непонятно другое: часть отечественных историков трактуют это издание как «*исследование* [курсив мой – О.Д.] *доктора исторических наук*»⁵!

В целом необходимо признать, что практически ни один из российских исследователей, использовавших мысли этих авторов в своих трудах, не занимался «рутинной» работой анализа этих источников, в то время как западные исследователи отнеслись к ним неоднозначно. К примеру, А. Браун характеризовал англоязычную версию мемуаров В.И. Болдина⁶

¹ Коробейников А.А. Указ. соч. С.3

² Болдин В.И. Указ. соч. С.5.

³ Казначеев В.А. Указ. соч. С.238.

⁴ Там же. СС.111-112.

⁵ См.: Казначеев О.В. Идеино-организационная дифференциация КПСС в процессе перестройки (1985-2000 гг.). - Дисс. ... к. и. н. Пятигорск, 2000. (Необходимо признать, что В.А.Казначеев, действительно, является доктором исторических наук, но какое отношение его ученая степень имеет к «Последнему генсеку» - не вполне понятно, поскольку сам автор позиционирует издание как воспоминания)

⁶ Boldin V. Ten Years That Shook the World: The Gorbachev Era as Witnessed by His Chief of Staff. – N.Y.: Basic Books, 1994.

как «полную неточностей» книгу, в которой предпринята попытка «представить каждое действие Горбачева в наихудшем свете»¹.

В 1997 г. англоязычные источники, характеризующие эпоху М.С. Горбачева и ее восприятие Западом, пополнились мемуарами Президента Финляндии в 1982-1994 гг. М. Коивисто и воспоминаниями переводчика Горбачева Игоря Корчилова. Оба автора, судя по названиям работ, осознавали значимость событий, о которых повествовали. Коивисто был «свидетелем исторических событий»², а Корчилов жил, «переводя историю»³.

Президент Финляндии был современником значительнейших событий второй половины XX века, которому пришлось взаимодействовать с четырьмя последними советскими лидерами, одним российским и двумя американскими Президентами. Вероятно, именно это обстоятельство послужило причиной издания его мемуаров на английском языке и на «нейтральной» территории Великобритании. Более половины работы составили разделы, посвященные СССР, что позволяет рассматривать ее как ценный исторический источник в контексте западного восприятия эпохи Горбачева, его предшественников и последователей.

В простом, немногословном описании Коивисто разница между Л.И. Брежневым, Ю.В. Андроповым, К.У. Черненко и М.С. Горбачевым становилась более заметной. В его редакции, Леонид Ильич оказывался человеком, неспособным снять собственную шляпу, испытывающим трудности при прочтении заранее подготовленных текстов и, после более чем получаса общения с финским Президентом, *неуверенным* в том, с кем именно он беседует⁴.

Ю.В. Андропов в личных встречах с М. Коивисто, как впоследствии и М.С. Горбачев, никогда не обращался к подготовленным для него записям, свободно и даже с «приятным, суховатым юмором» комментировал советско-финские отношения⁵ - по крайней мере, в начале своего пребывания на высшем советском государственном посту.

Избрание Генеральным секретарем «фатально больного» К.У. Черненко было, по наблюдению Президента Финляндии, широко критикуемым в СССР событием. Но в период его правления М.С. Горбачев «уже был вовлечен в процесс управления страной». Поэтому, по мнению М. Коивисто, переход верховной власти в руки Михаила Сергеевича сразу после смерти Ю.В. Андропова «не изменил бы общего хода событий», поскольку, вне зависимости от исторических альтернатив, «советская система в любом случае приближалась к концу своего пути»⁶.

¹ Brown A. The Gorbachev Factor. – Oxford: Oxford University Press, 1996. p.33.

² Koivisto M. Witness to History. – L.: Hurst & Co., 1997. – 291p.

³ Korchilov I. Translating History. - N.Y.: A Lisa Drew Book, 1997. – 400p.

⁴ Koivisto M. Op. cit. p.5-6.

⁵ Ibid. p.16.

⁶ Ibid. p.58-59.

Мемуарист высоко оценивал вклад М.С. Горбачева в воссоединение Европы и двух Германий, понимая сложность внутривосточной ситуации в самом СССР. В связи с этим интересны замечания финского Президента по советско-американским отношениям 1990 г. В частности, в ноябре он призывал Дж. Буша старшего оказать СССР помощь, даже если о ней не просят, поскольку страна и ее Президент находились в «трудном положении». В ответ Буш лишь согласился с тезисом о «сложностях», с которыми столкнулся М.С. Горбачев, но по его тону М. Коивисто сделал вывод, что американский президент не «осознавал, сколь серьезной была ситуация»¹.

После провала августовского путча 1991 г., который, по Коивисто, был причиной распада страны, Финляндии предстояло взаимодействовать с новыми соседями и их лидерами. Сравнивая Горбачева и Ельцина, Коивисто делал своеобразный, на наш взгляд, вывод о том, что у Бориса Николаевича было гораздо больше шансов на успех, поскольку он «принимал решения спонтанно» и, «по-видимому, не обременял себя раздумьями», свойственными первому Президенту СССР². Такая тактика, вероятно, могла быть на руку соседям новой независимой России, но не ей самой.

Нестандартный образ последнего советского лидера был создан в воспоминаниях его переводчика Игоря Корчилова. По собственному признанию последнего, еще до начала работы с М.С. Горбачевым он осознал, что ему предстоит присутствовать при принятии исторических решений и взаимодействовать с «экстраординарным человеком». Поэтому переводчик стал вести дневниковые записи, внося заметки «по горячим следам» в своеобразные «журналы»³.

Примечательно, что в 1987 г., встретившись с М.С. Горбачевым уже второй раз, И. Корчилов считал нового советского лидера очередным кремлевским правителем, использующим реформационную риторику для поднятия собственной популярности. У Горбачева на тот момент не было, по мнению Корчилова, четкой концепции или программы перестройки – он, по сути, импровизировал, а население огромной страны относилось к реформам скептически и даже «цинично»: бесчисленные невыполнимые обещания предшественников Горбачева давали о себе знать⁴.

Для Корчилова, в общей сложности 30 лет работавшего в качестве переводчика советских первых лиц, удивительным в Горбачеве было его умение красиво говорить по-русски, не сверяясь с заранее заготовленными текстами, не используя клише и умело расставляя интонации⁵. Проблема М.С. Горбачева заключалась в его не всегда верных ударениях, и удивли-

¹ Ibid. p.170.

² Ibid. p.215.

³ Korchilov I.Op. cit. p.15.

⁴ Ibid. p.29.

⁵ Ibid. p.38.

тельным открытием для переводчиков Генерального секретаря стало то, что теперь они могли безнаказанно шутить по этому поводу. Как и Н.С. Хрущев до него, новый советский реформатор создавал множество проблем с переводом, произнося слова и фразы, синхронная трансформация которых на английский язык была довольно проблематична¹.

В течение пяти лет работы с М.С. Горбачевым Игорю Корчилову удалось наблюдать процесс эволюционного развития этого политика не только на уровне идей и концепций реформ, но и в навыках ораторского искусства, когда язык «истинного сына своего народа, ставропольца» был «отполирован» пребыванием в Кремле. При этом многое в М.С. Горбачеве осталось неизменным: его спонтанность, яркая и очень естественная жестикуляция, способность поддаваться на провокации (особенно «когда Рейган или Шульц говорили о правах человека в СССР») и одновременно, умение контролировать себя².

В описании Корчилова М.С. Горбачев получался живым, интересным человеком и нестандартным – не только в советских, но и в мировых масштабах – политиком, несомненно принадлежащим к «пантеону выдающихся исторических личностей»³. Он благодарил судьбу за то, что свела его с М.С. Горбачевым – человеком, «появившимся на политической арене в критический момент мировой истории и изменившим ее курс»⁴.

Подводя итоги эпохи М.С. Горбачева, Корчилов осознал «истинное величие и множественность» достижений в области внешней политики. Горбачев «почти единолично» «вытащил свою страну» из разраставшегося конфликта с Западом и катастрофической гонки вооружений, создав, тем самым, «золотую возможность перераспределения ресурсов на мирные цели». Благодаря «здравому смыслу и политической смелости» последнего советского лидера Россия лишилась «дорогостоящих друзей», таких, как Куба, Ангола или Афганистан. Но самым важным, по мнению Корчилова, стало то, что у огромной страны, «возможно впервые в ее истории», *не было больше врагов*⁵.

1998 год ознаменовался выходом в свет совместной работы воспоминаний и размышлений экс-президента США Джорджа Буша старшего и его советника по национальной безопасности Brenta Скоукрофта⁶ - сторонников «жесткой линии» радикального крыла Республиканской партии США, что, безусловно, накладывало значительный отпечаток на стилистику их совместного труда.

¹ Ibid. p.39.

² Ibid. p.40.

³ Ibid. p.383.

⁴ Korchilov I. Op. cit. p.15.

⁵ Ibid. p.382.

⁶ Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1998.

В размышлениях Дж. Буша можно было с лёгкостью отыскать его автопортрет. Феномен М.С. Горбачева при этом угадывался как бы «между строк». Это был своеобразный «комплекс неполноценности» американского Президента, пытавшегося подчеркнуть собственную значимость в ряду мировых лидеров конца XX века. Последний советский руководитель государства в описании Буша был «русским, исполненным гордости за свою страну», «стремившимся изменить Советский Союз и отношения сверхдержав»¹. В то же самое время 41-й американский Президент упорно доказывал *свою причастность* к грандиозным событиям конца XX века, связанным с именем М.С. Горбачева. Именно «динамичность» *его, Буша*, отношений с Горбачевым спасла СССР от возможности «еще большей болезненности» происходивших в стране изменений. Все предыдущие американские Президенты, *вместе взятые*, «не взаимодействовали столь активно с советскими лидерами», как это делал *Буш*, не говоря уже о том, что *никто из них не мог* с лёгкостью заявить о своих симпатиях к *советскому лидеру*. Конечно, «тёплые чувства» к Горбачеву испытывал и Р. Рейган, но у него «не было той возможности работать близко с советским лидером», которой *располагал* Дж. Буш².

Для его соавтора Б. Скоукрофта, скептика и милитариста, Горбачев с самого начала был несомненным «новым феноменом» - советским лидером, собиравшимся «убить добротой» капиталистический Запад³. В нём говорил другой, еще более опасный комплекс, названный С. Коэном «советофобией».

На рубеже столетий к переосмыслению «советского вопроса» вновь обратилась М. Тэтчер⁴. Определение жанру работы, хотя и довольно спорное, было дано в аннотации. По мнению издателей, это был «глубокий научный труд, написанный общественным деятелем мирового значения»⁵.

Первую главу своей работы «железная леди» начинала с утверждения о значимости познаний о том, «каким мир был вчера». Без этого, полагала она, невозможно постичь мир, существующий на рубеже XX-XXI вв.⁶, вв.⁶, причем познания в этом вопросе самой Тэтчер априори признавались единственно верными.

Для нее, считавшей природу коммунизма «аморальной»⁷, многое в событиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. воспринималось традиционали-

¹ Ibid. p.9.

² Ibid. p.9-10.

³ Ibid. p.13.

⁴ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблицер, 2003. – 504с. (англоязычная версия вышла в свет в издательстве Harper Collins Publishers, 2002)

⁵ Аннотация // Там же. С.4.

⁶ Там же. С.25.

⁷ Там же. С.29.

стски, на уровне аргументации «поражения Советов» и «победы Запада». Даже встреча в ноябре 1999 г. в Праге, посвященная десятилетию чехословацкой «бархатной революции», должна была, по Тэтчер, носить название «Десять лет спустя... после победы Запада в «холодной войне»¹.

Оценивая вклад М.С. Горбачева в мировой исторический процесс, Маргарет Тэтчер называла его наибольшей заслугой «решение не только не вводить танки, но и вообще не предпринимать никаких действий, когда страны восточного блока стали выходить из-под советского контроля»². Реформы, проведенные в СССР эпохи Горбачева или периода перестройки были заслугой... двух американских Президентов. В частности, Тэтчер отмечала, что Джордж Буш «взялся за продолжение дела Рональда Рейгана и успешно завершил его: умело применяя кнут и пряник, заставил Советы пойти по пути реформ»³. В такой трактовке преобразования в СССР должны были начаться лишь в январе 1989г. Либо, если учесть первый президентский срок Рейгана, в январе 1981 г.?!

Британского премьера не смущал тот факт, что она противоречила собственным заявлениям 1984-1991 гг., не говоря уже о «странной» версии хронологии советских реформ. Тэтчер, как и уважаемые ею историки-тоталитаристы Ричард Пайпс и Роберт Конквест⁴, игнорировала историческую объективность или хотя бы необходимость придать правдоподобность собственным умозаключениям. Её больше беспокоило то, *что именно будут думать грядущие поколения ее нации*, как и Запада в целом, о *своем* прошлом, частью которого становилась и сама М. Тэтчер.

Здесь нельзя не сказать о той позиции самобичевания, которую заняла значительная часть исследователей, общественных и политических деятелей в бывшем СССР. Складывается впечатление, что нас сегодняшних ничуть не заботит восприятие *нашими* *потомками* эпохи Горбачева, ставшей, без преувеличения, одной из значительнейших в отечественной и мировой истории XX столетия. Лишившись скрепляющего стержня идеологии, какой бы плохой она ни была, мы не замечаем, что *Запад слагает очередную и довольно опасный для нас исторический миф*. Ответ и своеобразный отпор ему дают лишь... *западные* исследователи и журналисты⁵.

¹ Там же. С.30.

² Там же. СС.30-31.

³ Там же. С.31.

⁴ Одна из статей Ричарда Пайпса носила достопримечательное название «Неверная трактовка «холодной войны»: сторонники жесткой линии всё поняли правильно». (См.: Pipes R. Misinterpreting the Cold War: The Hard-liners Had It Right // Foreign Affairs, January-February 1995)

⁵ Примечательно, что значительная часть статей, отстаивающих невозможность назвать одного «победителя» в «холодной войне», вышла в США через несколько дней после смерти Рейгана. Например: Goldman M. "The Gorbachev Factor" // <http://www.inosmi.ru> 10.06.2004.; Кайзер Р. «Горбачев: «Мы все проиграли в «холодной войне» //

Проведенный нами анализ американско-британских мемуарных источников, дающих оценку исторической роли М.С. Горбачева и его времени постфактум, а также их сопоставление с рядом воспоминаний отечественных и западных авторов подводит нас к следующим выводам.

Р. Рейган, Дж. Буш старший, М. Тэтчер, Б. Скоукрофт, Р. Гейтс и Дж. Мэтлок отстаивали собственную значимость для событий второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. Однако высказанные ими мысли (в отличие от логики значительной части отечественных мемуаристов) четко вписывались в рамки национальных интересов США и Великобритании, благодаря чему происходило оформление нового исторического мифа, в соответствии с которым «жесткая линия» республиканцев и консерваторов и их «давление» на СССР эпохи Горбачева оказались определяющими для так называемой «победы Запада» в «холодной войне». М.С. Горбачев в такой интерпретации представал лишь в качестве «освободителя» Восточной Европы и Восточной Германии от советского военного присутствия, а перестройка, вопреки всякой логике, становилась «закономерным» следствием давления Запада.

Таким образом отошедшие от дел представители американско-британской политической элиты посредством своих мемуаров пытались постфактум компенсировать чрезвычайную популярность М.С. Горбачева на Западе в конце 1980-х гг. Концептуальные основания, представленные в работах сторонников «жесткой линии», при должном влиянии на западную исследовательскую и публицистическую среду должны были служить основой для последующего роста значимости западных демократий в вопросе о причинах и движущих силах эпохальных геополитических изменений конца XX века, в действительности инициированных последним советским лидером.

2.2. Феномен М. С. Горбачева и его эпоха в американско-британских исследованиях 1991–1994 гг.

1991 год оказался особым в процессе западного осмысления перестройки. Для большинства авторов, писавших об СССР и Горбачеве, исторический финал советской империи не был еще известен, что накладывало определенный отпечаток на тон исследовательских и публицистических работ. Однако без обращения к этим изданиям картина эволюции западного восприятия феномена Горбачева и его эпохи оказалась бы неполной. Ведь именно последний год перестройки давал экспертам и аналитикам возможность подвести первые итоги ставших радикальными перемен и обратиться к прогнозу ближайшего будущего страны и её реформирования.

К примеру, американский журналист Х. Смит, работавший в 1971–1974 гг. в московском бюро «Нью-Йорк Таймс» и вернувшийся в СССР спустя 16 лет, был настолько потрясен произошедшими в стране переменами, что решился поделиться собственным восприятием «новых русских»¹. Прежние «русские» середины 1970-х были «слишком отличными от людей Запада»². Они жили в крайне консервативном обществе, привыкшем во всем полагаться на государство и его указания. В такой России «фундаментальные изменения были невозможны»³. «Я и вообразить не мог, - писал Смит, - что за каких-нибудь два года после прихода к власти Горбачева СССР подвергнется своего рода *сейсмической* трансформации [курсив мой – О.Д.]»⁴.

Анализируя место «перестройки Горбачева», «перебросившей всех нас в новую эру»⁵, американский журналист сравнивал ее с Реформацией Мартина Лютера, призванной лишь очистить и обновить коррумпированную и ослабленную «Церковь Социализма», но вместо этого - навеки изменившую ее природу и судьбу. Смит искал аналогии перестройке в открытии Японии Западу, создании единой Германии Бисмарком, модернизации Оттоманской Порты Кемалем Ататюрком, борьбе Махатмы Ганди за независимость Индии от Британской империи через непотворение злу насилем. Все эти процессы, как и перестройка, были «узловыми моментами истории»⁶. Самым мым поразительным для Смита было то, что М.С. Горбачев «посмел довериться народу» и «демонтировать советскую пирамиду власти»⁷.

¹ Именно такое название – «Новые русские» - носила его работа, не предполагавшая еще никакого особого подтекста, свойственного данному термину в 1990-х гг. См.: Smith H. The New Russians. – N.Y.: Random House, 1991. – 735p.

² Ibid. p.xvii.

³ Ibid. p.xviii.

⁴ Ibid.

⁵ Smith H. Op. cit. p.xx.

⁶ Ibid. p.xix.

⁷ Ibid. p. xx.

Тревога за судьбу эпохи Горбачева в свете августовских событий 1991 года отразилась в работе американского экономиста М. Голдмана, задавшегося вопросом «Что случилось с перестройкой?»¹. Данное исследование оказалось одной из лучших работ в рамках интересующей нас проблематики, написанных до распада СССР. В нем автор обратился к изучению движущих сил, основных современных факторов и «багажа» советской истории, оказавших влияние на реформы Горбачева, нередко разрушая стереотипные западные представления о причинах и сути грандиозных перемен в СССР.

М. Голдман констатировал, что М.С. Горбачев был «героем за границей» и «неудачником дома»², человеком, чья мировая популярность была почти беспрецедентна. Лишь У. Черчилль (и то без учета общественного мнения Германии, Японии и Италии) достигал в свое время подобного уровня иностранного признания в странах-союзницах Британии по Второй мировой войне. Сравнивая, таким образом, двух знаменитых политиков XX века, Голдман заявлял именно о «феномене Горбачева»³ как уникальном явлении чрезвычайной популярности советского лидера среди *антагонистов СССР*.

М.С. Горбачев представлялся исследователю единственно возможным реформатором в среде советской высшей партноменклатуры середины 1980-х гг. Вопреки мнению ряда западных скептиков, полагавших, что процесс реформ, начатый при Горбачеве, должен был *в любом случае* состояться – с Горбачевым или без него – Голдман был уверен, что именно *личностное влияние и мировоззрение нового советского лидера* определяли ход событий в советско-американских отношениях и завершении «холодной войны». Ни предшественники Горбачева на высшем государственном посту – Ю.В. Андропов и К.У. Черненко, ни возможные претенденты-соперники, в числе которых М. Голдман называл Г.А. Алиева, Г.В. Романова, В.В. Щербицкого, В.И. Воротникова и В.В. Гришина, не могли представить, по его мнению, серьезной программы реформ, сравнимой с перестройкой «Горби»⁴.

Голдман видел причины неудач экономической политики Горбачева в инертности советского населения (после 70-ти лет жизни по указкеверху) и активном неприятии реформ бюрократией. М.С. Горбачев, как утверждал американский экономист, не мог один, без содействия на местах, произвести реформы в огромной стране, не желавшей изменяться самостоятельно. Этот парадокс советского реформирования имел далеко идущие последствия: реформы, по крайней мере в экономической сфере, были

¹ Goldman, M.I. What Went Wrong With Perestroika. – N.Y., L.: W.W. Norton & Company, 1991. – 258p.

² Ibid. p.15.

³ Ibid.

⁴ Ibid. p.66-68.

обречены на медлительность. Ускорить реформирование могли, как полагал Голдман, лишь «сталинские методы». Но насильственное внедрение перемен противоречило горбачевскому пониманию сути перестройки, поскольку для ее устойчивого успеха и самодостаточности необходима была инициатива на местах¹.

Экономические реформы оказались наименее удачным аспектом перестройки, в том числе в глазах Запада. Пустые полки магазинов и длинные очереди шокировали американских советологов, поскольку никто из них, по мнению Голдмана, не осознавал истинного положения дел в советской экономике в середине 1980-х гг.², «на старте» перестройки. Экономический кризис был неизбежен, и основания к нему были заложены еще И.В. Сталиным. Наиболее успешным опытом выхода из сложившейся ситуации обладал Китай, на который, по Голдману, и следовало равняться Советскому Союзу³. Уже в середине 1988 года ситуация зашла столь далеко, что спасти больную экономику могло лишь «радикальное хирургическое вмешательство»⁴.

О «второй русской революции»⁵ писал в своей работе британский исследователь А. Роксбург, подчеркивавший беспрецедентно мирный характер происходивших в СССР радикальных перемен: отсутствие «взятия Бастилии» или Зимнего дворца, беснующихся, крушащих все на своем пути толп. При этом инициированная Горбачевым трансформация политической и экономической систем, идеологии, социальной структуры общества, отношений с внешним миром *были сравнимы с итогами Октября 1917 г. и превышали значение и последствия Великой французской революции 1789 г.*

В 1991 году была предпринята очередная попытка осмысления причин и движущих сил реформ Горбачева через призму разоружения⁶. В отличие от своих предшественников в этом вопросе, Дэниэл Калингерт признавал безусловный прогресс, достигнутый СССР в деле разоружения при М.С. Горбачеве. Источник радикальных перемен молодой британский советолог видел *в личном участии Горбачева, его инициативах и руководстве*⁷.

25 декабря 1991 г. фактически завершилась эпоха М.С. Горбачева, что открывало новую страницу в научном осмыслении и оценке феномена первого советского Президента и его эры. *Только теперь* у советологов

¹ Ibid. p.21-22.

² Ibid. p.52.

³ Ibid. p.59.

⁴ Ibid. p.128.

⁵ Roxburgh, A. The Second Russian Revolution: The Struggle for Power in The Kremlin. – L.: BBC Books, 1991. – 218p.

⁶ Calingaert D. Soviet nuclear policy under Gorbachev: a policy of disarmament. – N.Y., L.: Praeger Publishers, 1991. p.ix.

⁷ Ibid. p.159.

появилась возможность подвести первые итоги и сделать выводы. В то же время западные исследователи растерялись, не справившись с прогностической функцией советологии. Данное научное направление терпело фиаско одновременно с государством, служившим объектом его изучения. Поэтому первая половина 1990-х гг. неминуемо должна была стать временем кризиса советологии. От возможного последующего полного «умирания» ее спасала лишь та активность, которую, отчасти по инерции, предпринимали исследователи из США и Великобритании, где за 70 лет были созданы специализированные научные центры и прошли становление несколько поколений ученых.

Немалый вклад в осмысление и анализ феномена Горбачева и его эры вносили современники эпохи - политики и общественные деятели, издавшие свои воспоминания за первые полтора десятилетия с начала перестройки. Эти мемуарные источники наряду с почти неограниченными возможностями доступа к бывшим советским архивам создавали значительное поле для деятельности советологов. Кроме того, их опыт и навыки были насущно необходимы в анализе ситуации на постсоветском пространстве. Поэтому после некоторого относительного затишья 1992–1993 гг. советология переживала своё качественное перерождение, в том числе, в трактовке феномена и эпохи Горбачева.

1992 год стал временем перехода советской проблематики в область *исторических* исследований. Американско-британские работы этого периода были результатом нескольких лет труда по сбору и анализу данных советской и мировой экономики, тенденций геополитики, военных доктрин, данных социологических опросов и т.п. Их выводы и логические построения нередко «запаздывали» по отношению к мировому историческому процессу.

К началу 1990-х годов попытки сравнения М.С. Горбачева с Н.С. Хрущевым не казались большинству англоязычных исследователей удачными. Стало очевидно, что первый пошел гораздо дальше второго, хотя их политическая судьба во многом оказалась схожей. Новым показателем, объединяющим двух советских лидеров, стали отчества обоих. «Сыновья Сергея: Хрущев и Горбачев как реформаторы» - такое название получил сборник статей, изданный в 1992 г.¹ Сходства, найденные авторами, не во всем были адекватны исторической истине. Трудно не согласиться с тем, что и Н.С. Хрущев, и М.С. Горбачев прошли период становления в политике в рамках ленинско-сталинской системы, установившейся в СССР с 1930-х гг.² Однако даже эта система *развивалась* и *видоизменялась*. Поэтому Горбачев и Хрущев – представители *разных* поколений – были и *разными людьми*, прошедшими личностное становление в качест-

¹ The Sons of Sergei: Khrushchev and Gorbachev as Reformers / Edited by Donald R. Kelley and Shannon G. Davis. – N. Y., L., 1992. – 240p.

² Ibid. p.1.

венно *различных* политических системах. Хрущев и Горбачев, действительно, «искали пути изменения природы политической системы своего времени, в меру собственного понимания и вопреки реалиям современной им действительности»¹. Оба они, как небезосновательно полагал один из авторов издания, были людьми огромных противоречий, «намеривавшимися спасти систему посредством ее изменения» и формирования «новой политической реальности». Но мысль о том, что эта новая реальность должна была «помочь им удержаться во власти»², по крайней мере, в случае с М.С. Горбачевым вызывает определенные сомнения.

Реформы Н.С. Хрущева в известной степени берут свое начало со знаменитого секретного доклада о «культе личности» на XX съезде КПСС. Грядущие историки, вероятно, назовут этот доклад одной из крупнейших PR-акций советского периода, ибо для народов СССР и обществ Запада Н.С. Хрущев «до» и «после» февраля 1956 г. был несопоставимо разным. На фоне грандиозных памятников Сталину – «отцу народов», который в сознании большинства (в начале 1956 г.) «привел СССР к победе над фашизмом», образ Хрущева казался безликим и серым. Но так было *до* секретного доклада. После – мир увидел другого Хрущева – смелого, харизматического политика и реформатора. Ему удалось создать «новую политическую реальность», и она, действительно, помогала ему «удерживаться во власти» до 1964 г.

Горбачев не боролся с конкурентами. В 54 года получив высший, из всех мыслимых в СССР, государственных постов, он вкусил плоды всевозможных привилегий советской партноменклатуры, имел представление об истинном положении дел в экономике страны, доступ ко многим государственным тайнам. В сравнении с дряхлевшими предшественниками, чьи похороны стали поводом к множеству анекдотов, его встречали с неизменным воодушевлением. Он мог, ничего не меняя радикально, править еще несколько десятилетий. Существовавшая система уже создала все условия, чтобы «удерживать» Горбачева «во власти». «Новая политическая реальность» была для него, скорее, *опасна*.

Вопреки логике «самосохранения во власти», которую, сравнивая Хрущева и Горбачева, выявили американские исследователи, новый советский лидер создал «новую реальность», причем в мировых масштабах. При всей видимой близости обликов двух реформаторов, они все же были разными. И причиной тому служила не только несопоставимость СССР начала правления Хрущева и Горбачева, о чем заявляет один из авторов издания³. В «критической точке» реформ два политика разошлись в выборе направления последующего движения: один, испугавшись, повернул назад; другой пошел дальше.

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid. p.235.

Вне зависимости от сходств и различий, оба советских реформатора оказались взаимосвязанными историческими личностями. Воистину, «без Хрущева не могло быть и Горбачева»¹. Обращение западных исследователей к историческому опыту «оттепели» было знаковым явлением – начинался процесс осознанного, насущно необходимого осмысления ушедшей в прошлое эпохи Горбачева.

В другой коллективной работе, изданной в Оксфорде и посвященной проблемам безопасности в Европе «эры» последнего советского лидера, авторы постулировали, что без понимания переходного периода, который «неразрывно связан с именем Михаила Горбачева, невозможно постичь... проблемы современности»².

И, словно в ответ на призыв британцев, в США была предпринята очередная попытка осмысления личного вклада Горбачева в развитие всемирного исторического процесса. С этой целью Джон Селфридж написал биографию Михаила Сергеевича³, которая являлась своеобразным американским аналогом советской серии «ЖЗЛ», написанной специально для детей. Сам факт издания такой научно-популярной биографии советского Президента уже на следующий год после его отставки был беспрецедентен. Никогда прежде американских подростков не информировали о биографиях советских лидеров.

Автор приводил примеры первых впечатлений американцев от личной встречи с Горбачевым в 1987 г. в США: это был «невысокий, коренастый, лысеющий человек с седыми волосами, не скрывающими необычное родимое пятно». «Глядя на него», писал Селфридж, «никто бы и не подумал, что он изменит направление мировой политики и станет личностью, обожаемой международным сообществом. Но его глаза, улыбка, и, более всего, его миссия меняли все»⁴. Такой образ ушедшего уже в отставку Президента СССР становился своеобразным образцом для подражания, идеалом для *американских* детей. Еще пару лет назад сама мысль о возможности такого издания в США звучала анекдотично!

Свой вклад в создание исторического образа М.С. Горбачева внес Кембридж, где был издан сборник статей социально-политической направленности⁵. Во введении Эдвард Элгар подчеркнул, что до начала «реформационного лидерства» Михаила Горбачева СССР и восточно-

¹ Именно так, «не обращаясь ни к кому конкретно», сказал случайный прохожий у надгробного памятника Хрущеву на Новодевичьем кладбище. (Ibid. p.1.)

² Europe and Naval Arms Control in The Gorbachev Era / Edited by Andreas Furst, Volker Heise and Steven Miller. – Oxford: Oxford University Press, 1992. p.x.

³ Selfridge, J.W. Mikhail Gorbachev. – Chelsea: Chelsea House Publishers, 1992. – 80p. – (Junior World Biographies).

⁴ Ibid. p.9.

⁵ Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform. / Edited by David Lane. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 256p.

европейский блок находились в состоянии стабильности. Перестройка, гласность, демократизация и экономические реформы «подорвали основы старого порядка»¹. Для исследователя важна была не ушедшая эпоха политика-реформатора, а новый исторический период «символично начавшийся» в день католического Рождества².

Стивен Калл, американский психолог и политический аналитик, издал работу, посвященную революционным изменениям в СССР³. В ней автор признавал уникальность свершившейся мирной, но радикальной революции в идеологии и мышлении, напоминавшей «революцию в науке»⁴.

В предисловии к изданию калифорнийская исследовательница Глория Даффи отмечала, что в истории исчезнувшей с политической карты мира страны в XX-м веке было два знаковых, поворотных пункта: революция большевиков в 1917 г., превратившая коммунистическую идеологию марксизма-ленинизма в тоталитарную систему. И падение режима на рубеже 1980-х–90-х гг., сопровождавшееся «почти бескровным демонтажем» СССР⁵. М.С. Горбачеву отводилась здесь роль человека с «инстинктом к переменам». Но «концептуализация изменений» и наполнение их «конкретным содержанием в разных сферах политической жизни» признавалась заслугой «советников, экспертов и политических фигур» *вокруг* советского Президента⁶.

Причины «почти бескровного демонтажа» СССР американская исследовательница относила на счет экономических трудностей и военной конфронтации с Западом, подтолкнувшей Москву к переменам. «Наиболее важной предпосылкой относительно мирного характера перемен» признавалась их суть «революции в мышлении»⁷.

Анализ Стивеном Каллом и Глорией Даффи течений в политическом мышлении СССР привел их к выводу о приоритете абстрагированного от идеологии, прагматично-великодержавного мышления⁸ в политике СНГ последующего периода⁹. Данная точка зрения свидетельствовала об осознании Западом *опасности*, исходившей от распавшегося СССР. Такая геополитическая «переоценка» итогов перестройки могла стать фактически первым шагом опасного отката назад, на позиции противостояния эпохи «холодной войны». Биполярный мир превращался в мир многополярный, где США уже не выглядели победителями, ибо один хорошо изученный за

¹ Ibid. p.xiii.

² Ibid. p.xiv.

³ Kull S. Burying Lenin: The Revolution in Soviet Ideology and Foreign Policy. – Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1992. – 219p.

⁴ Ibid. p.17.

⁵ Duffy G. Foreword. / Kull S. Op. cit. p.vii.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. p.viii.

⁹ Ibid. p.ix.

70 лет враг трансформировался в 15 *декларативно-демократических* государств, *формально дружественных* по отношению к Вашингтону.

Столь небезопасные выводы авторы издания сделали из бесед с советскими политиками, явно проигнорировав мысли классика о сложности понимания России умом и невозможности подведения отечественной действительности под общие мерки. С. Калл оказался одновременно слишком американцем и недостаточно психологом, чтобы понять, что высказывания советских общественных и политических деятелей, обращенные к иностранцам, требуют тщательного анализа и что многое в советской действительности необходимо читать «между строк». Отдавая должное американскому исследователю, необходимо признать, что его ошибку значительно растиражировали российские историки, взявшие за правило некритически относиться к мемуарам современников эпохи Горбачева¹.

Свой вклад в трактовку исторической роли и политики первого Президента СССР внесли в 1992 г. авторы исследования советской военной доктрины «от Ленина до Горбачева»². По мнению издателей, первый был «альфой», а последний – «омегой» исторически складывавшейся советской внешнеполитической линии. Вопреки В.И. Ленину, М.С. Горбачев «выбил идеологические подпорки из-под советской военной доктрины»³. На их место пришло «новое мышление», которое, по мнению Раймонда Гартхофа, не было новым в полном смысле этого слова ни на Западе, ни в самом СССР⁴. Главной новостью в нем было то, что советский лидер вставал на позицию переосмысления внешнеполитических императивов в условиях ядерной эры. Именно об этом, указывал исследователь, говорили в свое время Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел. В определенном смысле, отмечал Гартхоф, «новостью было и то, что отныне *хотя бы один* из лидеров двух сверхдержав действительно применял новое мышление ядерного века»⁵.

¹ В 1990-е годы появилась тенденция трактовать мемуары первых лиц СССР, министров, советников и помощников президента в качестве «исследований», что методологически недопустимо (Напр., Маслов Д.В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы (1985-1991 гг.). Дисс. ... к. и. н. М., 2000, С.199). Даже в случае «разведения» понятий «мемуарная публикация» и «исследование» в ряде академических работ исторического толка отсутствует необходимая критика источника, не учитывается личность автора, его биография и предпосылки формирования тех или иных мыслей (См.: Доброхотов Л.Н. Власть и общество в России в условиях системной трансформации (1985-1998 гг.). Дисс. ... д. и. н. М., 1999; Казначеев О.В. Идеино-организационная дифференциация КПСС в процессе перестройки (1985-2000 гг.). Дисс. ... к. и. н. Пятигорск, 2000).

² Soviet military doctrine from Lenin to Gorbachev, 1915-1991 / edited by Willard C. Frank, Jr., and Philip S. Gillette. – L.: Greenwood Press, 1992. – 432p.

³ Ibid. p.1.

⁴ Ibid. p.195.

⁵ Ibid.

1993 год привнес в американско-британское восприятие исторической роли М.С. Горбачева и его времени некоторый оттенок негативизма. Советские реформы, казавшиеся ряду советологов предшествовавшего периода своеобразным путем выхода из кризиса советской формы социализма, завершились трагически. Огромная, казавшаяся долгие годы непобедимой для внешних врагов страна, распалась под тяжестью внутренних противоречий. Именно поэтому работа одного из ведущих американских советологов - Роберта Дэниэлса - была посвящена «злополучным реформам Горбачева» и «систематической интерпретации советского опыта»¹. Для исследователя представлялось очевидным, что до прихода на высший государственный пост М.С. Горбачев мало чем отличался от других аппаратчиков, выросших в сталинский период². Его восхождение по партийной карьерной лестнице по меркам Кремля соперничало в стремительности с метеором, что объяснялось наличием высокопоставленных сторонников – М.А. Суслова и Ю.В. Андропова³.

Первые пять лет правления Горбачева, по Дэниэлсу, были временем противостояния консервативным силам, и чем радикальнее были реформы, тем большее противодействие они встречали⁴. За поддержкой в проведении реформ Горбачев совершил беспрецедентный поступок - обратился к интеллигенции, нарушая многовековую русскую традицию, по которой, как верно подметил Дэниэлс, власть и думающая часть общества стояли на антагонистических позициях⁵. Противостояние Ельцин-Горбачев в трактовке Дэниэлса получало стройное логическое обоснование. М.С. Горбачев «изменил политический облик своей страны», а Б.Н. Ельцин «присвоил наследство реформ»⁶.

Наиболее адекватной заявленному революционному характеру перестройки, по мнению американского советолога, была гласность. Однако она являлась одновременно и *самой грозной силой*, поскольку посредством гласности Горбачев разрушал основания системы власти, которая возвела его на высший государственный пост⁷. «Не столь быстры и эффективны» были экономические реформы перестройки⁸. Назначение же консерваторов на высшие государственные посты в конце 1990 г., приведшее к августовскому путчу 1991 г., было, по Дэниэлсу, необходимой попыткой предотвращения атаки наиболее одиозных представителей оппозиции⁹.

¹ Daniels, R.V. The End of The Communist Revolution. – L., N.Y.: Routledge, 1993. – 222p.

² Ibid. p.6.

³ Ibid. p.9.

⁴ Ibid. p.14.

⁵ Ibid. p.15.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.17.

⁸ Ibid. p.46.

⁹ Ibid. p.49.

В лице М.С. Горбачева Р. Дэниэлс не был склонен искать «виновного» в распаде СССР, поскольку при всей значимости этого события оно не затрагивало американского исследователя лично, что позволяло судить о произошедшем без излишних эмоций. Причины падения коммунистической системы виделись ему в «крахе августовского путча» и шагах, «предпринятых правительством Ельцина и другими республиками для обретения независимости»¹. Сначала КПСС, а затем и правительственные структуры СССР и президентская администрация Горбачева были лишены возможности действовать, или, в терминологии Дэниэлса, были «разоружены и отброшены за ненадобностью». Их функции и властные полномочия отныне присваивала себе Российская Федерация².

Для американского исследователя Уильяма Москоффа эпоха Горбачева была примером «тяжелых времен», и интересовала его прежде всего с точки зрения экономического реформирования³. Но даже через такую специфическую призму восприятия СССР шесть с лишним лет правления Горбачева виделись автору «замечательным временем», когда «дух интеллектуального политического рассуждения возвысился как никогда»⁴.

К заслугам последнего советского лидера исследователь относил признание «отчаянного состояния» экономики в СССР. Необходимы были срочные меры. Однако, выражаясь языком Москоффа, «внезапно нажать на тормоза» и «изменить курс» было нелегко. За 50 с лишним лет своего генезиса советская система центрального планирования сформировала прочные и влиятельные институты, которые не стремились к реформированию⁵. Ликвидировав эту систему, перестройка не дала ничего взамен, что стало одной из главных причин экономического краха⁶. Уже в 1990 году, как полагал Москофф, «в каком-то смысле... советской экономики уже не существовало»⁷. Таким образом, по мнению американского исследователя, М.С. Горбачев и начатые им реформы послужили, «по крайней мере, частично», причиной «эффективного коллапса советской экономики»⁸.

Под эгидой Совета внешних сношений⁹ - неправительственной и некоммерческой организации, объединяющей исследователей международной проблематики - в 1993 г. было издано исследование, посвященное

¹ Ibid. p.51.

² Ibid.

³ Moskoff W. Hard Times: Impoverishment and Protest In The Perestroika Years. The Soviet Union 1985-1991. – N.Y., L.: M. E. Sharpe, Inc., 1993. – 260p.

⁴ Ibid. p.3.

⁵ Ibid. p.3-4.

⁶ Ibid. p.223.

⁷ Ibid. p.224.

⁸ Ibid. p.223.

⁹ Council on Foreign Relations

вопросам ядерного разоружения¹. Его авторами были научный сотрудник нью-йоркского отделения Корпорации Карнеги Макджордж Банди, профессор геополитики университета Оклахомы и советник вашингтонского Центра стратегических международных исследований, адмирал Уильям Кроув, а также Сидней Дрелл – физик, профессор Стэнфордского университета, длительное время выступавший в качестве советника правительства США по вопросам национальной безопасности и контроля над вооружениями.

В разделе, посвященном последнему периоду советской истории, авторы отмечали, что «годы Горбачева... были экстраординарными с многих точек зрения»². Подводя итоги произошедших изменений, исследователи давали ёмкое определение достижений эпохи Горбачева, расставляя их по степени значимости. Первыми и самыми важными для мирового сообщества, по мнению авторов, были «базовые политические изменения внутри СССР». Во-вторых, Москва согласилась с «освобождением Восточной Европы от коммунистического доминирования и советского военного присутствия». В третьих, закончилось противостояние «холодной войны» между СССР и Западом, и «в частности – с США». В четвертых, политика ограничения в использовании ядерного оружия привела к договоренностям между СССР и США по сокращению вооружений³.

Переоценке итогов советской политики в Восточной Европе периода перестройки была посвящена работа американского политолога Глена Чефица⁴. Для автора было очевидно, что «благодаря темпераменту и опыту» первый советский Президент пришел к власти в 1985 году, уже будучи «подлинным реформатором, уверенным в своей способности улучшить состояние дел в своей стране»⁵. Но, «как и большинство реформаторов», Горбачев верил, что «другие *хотят* следовать за ним»⁶, что для Чефица не являлось объективной истиной. Исследователь, судя по логике его работы, не разграничивал понятия «коммунизм» и «социализм». Выходило, что Горбачев пытался построить «модель реформированного коммунизма»⁷, как в СССР, так и в странах Варшавского Договора. Между тем, вопреки такой трактовке, в ходе перестройки речь шла скорее о социализме.

Политика невмешательства в дела восточноевропейских соседей, по мнению Чефица, проявила себя гораздо позже, *после* того, как стало ясно,

¹ Bundy M., Crowe W.J., Drell S.D. Reducing Nuclear Danger: The Road Away From The Brink. – N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 1993. – 107p.

² Ibid. p.24.

³ Ibid.

⁴ Chafetz G.R. Gorbachev, Reform and The Brezhnev Doctrine: Soviet policy toward Eastern Europe, 1985-1990. - Westport, Connecticut, L.: Praeger, 1993. – 166p.

⁵ Ibid. p.48.

⁶ Ibid. p.121.

⁷ Ibid.

что и Венгрия, и Польша «предприняли шаги для введения многопартийной политической системы»¹. Первый советский Президент в такой интерпретации превращался в излишне самоуверенного, ограниченного и недальновидного политика, буквально помешанного на реформировании и настойчиво навязывавшего другим свою точку зрения.

Новой тенденцией 1993 г. в изданиях, посвященных советскому вопросу, стало появление ретроспективных сборников статей об СССР, написанных до распада страны. Значительным событием для советологов стало издание сборника политологических и исторических эссе нового поколения исследователей². В определенном смысле работа над изданием началась еще в середине 1980-х гг., когда Объединенный комитет советских исследований, а также ряд других научных сообществ США³ высказали озабоченность в связи с сокращением числа студентов-советологов. Даже из тех немногих, кто выбирал советологическую специализацию во время обучения, лишь единицы далее работали по специальности. В это время в самом СССР начиналась эпоха Горбачева – время поразительных политических перемен и для их интерпретации необходимы были специалисты. В этой связи под эгидой Объединенного комитета советских исследований, начиная с 1987 г., была проведена серия ежегодных двухнедельных семинаров, собиравших аспирантов и студентов советологов. Сделав выборку наиболее интересных работ за 1987–1990 гг., Сюзан Соломон издала их в 1993 г. под названием «По ту сторону советологии».

Рассуждая о советологии «после перестройки», Соломон отмечала определенную растерянность ведущих западных специалистов, вынужденных систематически пересматривать эволюцию своего исследовательского поля. В течение двух лет после распада СССР советологи перестали обращаться к ретроспективному анализу своих достижений. Ими двигало «разочарование в собственных неудачных попытках предсказать распад СССР» и невозможность предугадать последующее направление развития советологии⁴.

Задачей нового издания было заявить о начинающемся кризисе советологии и сделать первые шаги на пути его преодоления. Содержание большинства эссе, собранных в этом сборнике, не было устаревшим в полном смысле слова, поскольку демонстрировало читателю точки зрения нового поколения исследователей, нередко расходившиеся с традиционными построениями «корифеев» от советологии. В издании рассматривалась идеология, взаимоотношения бюрократии и рыночных реформ, советское переосмысление религии, антиядерные протесты интеллигенции

¹ Ibid.

² Beyond Sovietology: Essays in politics and history / edited by Susan Gross Solomon. – N.Y., L.: M. E. Sharpe, Inc., 1993. – 256p.

³ The Joint Committee on Soviet Studies (JCSS) of The Social Science Research Council, The American Council of Learned Societies.

⁴ Beyond Sovietology: Essays in politics and history. p.1.

и проблемы рабочих в СССР, а также ряд других вопросов, ставших актуальными в 1985-1991 гг. Феномен М.С.Горбачева не получил в издании должного внимания, поскольку воззрения молодых советологов по этому поводу 1987-1990 гг. требовали значительного пересмотра. Это была большая и серьезная задача для будущих исследований.

Другими ретроспективными изданиями 1993 г. стали «Хроника советского государственного переворота 1990-1992 гг.»¹, представлявшая на суд читателей все статьи об СССР указанного периода, издававшиеся в «Кристиан Сайенс Монитор», а также – «Последние годы советской империи»² - сборник статей В. Шляпентоха 1985-1991 гг., издававшихся в североамериканских периодических изданиях.

Оба сборника трактовали события в СССР эпохи М.С. Горбачева скептически-сдержано, и их издание подготавливало условия для деятельности грядущих советологов, политологов и историков. И если «Хроника» была собрана из статей американских журналистов, пристально наблюдавших за СССР с позиции сторонних наблюдателей, не всегда понимавших суть происходивших процессов, то Владимир Шляпентох считал себя не просто «чисто западным» или «чисто советским» обозревателем, но и человеком с «натренированным взглядом» - эмигрантом, жившим как внутри СССР, так и вне его³. Однако, у этой «натренированности», как и в случае с М.Я. Геллером, была и своя опасность. Оба бывших советских эмигранта знали *прежний* СССР, и в отличие от западных наблюдателей, мыслили *стереотипными категориями* неизменности советской действительности. Поэтому их прогнозы получали легкий оттенок негативизма в случае советских достижений эпохи Горбачева и даже злорадства в случае неудач.

Интереснейшим повествованием на грани мемуаров и исследования стала работа М. Бесчлосса и С. Талбота «На высших уровнях: История окончания «холодной войны» изнутри»⁴. В основе издания лежали воспоминания авторов, близких к Белому Дому, интервью, взятые ими у основных участников событий (включая М.С. Горбачева), дипломатические документы и ряд западных исследований по американо-советским отношениям конца 1980-х гг.

¹ Chronicle of the Soviet Coup 1990-1992: A Reader in Soviet Politics/ The Christian Science Monitor. – Madison, Dubuque, Indianapolis, Melbourne, Oxford: Brown & Benchmark Publishers, 1993. – 268p. (Статьи этого издания подробно рассмотрены в 1 Главе данной диссертации.)

² The last years of the Soviet empire: snapshots from 1985-1991 / Vladimir Shlapentokh, in collaboration with Neil F. O'Donnell. - Westport, Connecticut, L.: Praeger Publishers, 1993. – 223p.

³ Ibid. p.xv-xvi.

⁴ Beschloss M.R., Talbott S. At The Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. – Boston, Toronto, L.: Little Brown & Company, 1993. – 498p.

Идея написания книги пришла к Бесчлосу и Талботу в начале 1989 г. Первоначально она задумывалась как работа о взаимоотношениях США и СССР в течение последующих трех лет. Как позднее искренне признавали авторы, «никто не мог предсказать, что повествование охватит освобождение Восточной Европы, роспуск Варшавского договора, отстранение от власти КПСС, смерть Советского Союза и конец «холодной войны»¹.

Название книги отражало ее основную тему. Определяя американо-советские отношения в их кульминационной фазе, Джордж Буш и Михаил Горбачев, по мнению авторов, полагались на взаимопонимание, достигнутое «на высших уровнях», часто тет-а-тет, с привлечением лишь самых близких советников. В итоге «они развили то, что стали называть «партнерством»². Однако взаимоотношения двух государств в столь персонифицированной манере имели и свою цену. Буш и Горбачев, в терминологии исследователей, «спелись» настолько, что в конце концов оба потеряли связь со своими избирателями.

Бесчлос и Талбот подметили, действительно, одну из серьезнейших ошибок М.С. Горбачева, который «уверовал в то, что для него важнее развивать взаимоотношения с Бушем и его партнерами – лидерами западных стран, чем искать пути сосуществования с Борисом Ельциным»³.

Как известно, сторонники исторического мифа о «победе Запада» в «холодной войне» нередко называли в числе «победителей» не только Рональда Рейгана, но и Дж. Буша старшего. Ценную информацию к размышлению давало описание Бесчлосом и Талботом генезиса внешнеполитической линии Белого Дома в советском вопросе при Буше. Этот процесс, как выяснялось, не был «гладким», лишенным сомнений. Потребовав от аналитиков прогноз на период 1989-2000 гг., Дж. Буш явно опасался скоропалительных решений. Группа специалистов, которой было поручено прогнозирование, получила несколько напутствий, включая примечательное указание будущего директора ЦРУ Роберта Гейтса «не быть ослепленными Суперзвездой-Горбачевым», чтобы не забыть, что их задача заключается в «формировании политики по отношению к стране, а не к личности»⁴. Гейтс, как отмечали авторы, полагал, что ставка на Горбачева может оказаться историческим заблуждением, «ошибкой, которая подтверждает правило»⁵.

Обзор №3 по вопросам национальной безопасности⁶, изданный в марте 1989 г. рекомендовал американскому Президенту не «помогать» Горбачеву, но «вызывать» «Советы» на ответные действия в выгодном

¹ Ibid. p.xi.

² Ibid.

³ Ibid. p.xii.

⁴ Ibid. p.25.

⁵ Ibid.

⁶ National Security Report №3 (NSR-3).

для США направлении¹. Определиться в собственном отношении к подобным рекомендациям Дж. Буш старший долго не мог, что сказывалось на его не вполне адекватных реакциях на советские инициативы. Единства мнений не было и в ЦРУ.

Однако уже в октябре 1989 года, перед саммитом на Мальте, в правительственных и разведывательных кругах США сформировалось понимание необходимости поддержки Горбачева. Если бы Буш сделал что-либо, что представители советских консерваторов могли интерпретировать как «попытку использовать советские внешнеполитические или внутренние проблемы» в интересах США, то Горбачева ждал переворот, а СССР – откат назад, к тоталитаризму и репрессиям².

Следующие 20 месяцев после Мальты, как отмечали исследователи, политика Белого Дома по отношению к СССР выстраивалась в рамках ряда принципов. Дж. Буш способствовал сохранению М.С. Горбачева у власти и продолжению начатых реформ. Соглашения, благоприятные для США, достичь которых при более жестком режиме в Кремле было бы гораздо труднее, временно «запирались», откладывались в долгий ящик. При этом действия Кремля, которые могли нанести вред США в случае внезапного смещения Горбачева консервативными силами, не одобрялись³.

В период кризиса в Персидском заливе США, по мнению авторов, оказались буквально привязаны к Кремлю, признавшему обоснованность принимавшихся Западом мер против Садама Хусейна. Однако когда кризис был разрешен, перед Белым Домом встала проблема выработки последующей стратегии в отношениях с Москвой. Многие, включая Кондолизу Райз и других сотрудников Государственного департамента, «давили на Президента», пытаясь в начале 1991 г. перевести внимание Вашингтона с М.С. Горбачева на Б.Н. Ельцина и лидеров других советских республик. Однако Буш не желал «поворачиваться к Горбачеву спиной» или делать что-либо, что могло быть воспринято в мире таким образом⁴.

Даже трагические события августа 1991 года не изменили настроений Буша. Он, как и его помощники, прекрасно понимал, что теперь значительная часть власти перейдет к Ельцину, которого Скоукрофт в частных беседах называл не иначе как «эгоистом, демагогом, оппортунистом», человеком, вечно стремящимся к «высокой трибуне» и «никогда не упускающего шанс - в ходе своих встреч и телефонных переговоров с Бушем – затмить Горбачева»⁵. Итог для Буша и Горбачева оказался одинаков – оба лишились кредита доверия населения своих стран и вынуждены были закончить политическую карьеру. И всё же в таком описании Буш оказы-

¹ Beschloss M.R., Talbott S. Op. cit. p.44.

² Ibid. p.143.

³ Ibid. p.168.

⁴ Ibid. p.345.

⁵ Ibid. p.441.

вался не «победившим Советы», но «помогавшим» последнему советскому лидеру в его небезуспешных попытках завершения противостояния «холодной войны».

Для 1994 года характерной особенностью стало своеобразное переосмысление советской истории и ее влияния на Запад. Исследователи устремились к поиску новых подходов, новых идей, новых методов. Происходило некоторое сокращение числа работ советологической тематики.

Под эгидой Брукингской неправительственной, некоммерческой исследовательской организации вышла в свет объемная работа Раймонда Гартхофа «Великий переход: Американско-советские отношения и окончание «холодной войны»¹. В ней рассматривались вопросы генезиса взаимоотношений двух сверхдержав в период 1981-1991 гг. Как отмечал автор, «история – целостный, непрерывный процесс, но в нем есть важные поворотные моменты». Период, описанный в исследовании, в этом смысле должен был «фактически говорить сам за себя»².

В качестве отправной точки исследования Гартхофа не случайно был выбран именно первый год президентства Рональда Рейгана – человека, при котором хрупкое равновесие «разрядки» оказалось нарушено воинствующим антикоммунизмом и ростом американского милитаризма, с одной стороны, при нежелании правительства Л.И. Брежнева адекватно отвечать на вызовы к контактам по дипломатическим каналам при той позиции силы, которую заняли США, с другой³.

Попытки возобновить диалог Москвы и Вашингтона в период правления Ю.В. Андропова, как констатировал Гартхоф, не увенчались успехом. И лишь в конце 1985 г. появилась надежда на стабилизацию американо-советских отношений⁴. 1986 год начался с важной инициативы М.С. Горбачева, направленной на возрождение переговоров по разоружению. В целом, в геополитике год ознаменовался «впечатляющей неудачей» в ходе саммита в Рейкьявике, который после был назван «прорывом в сферу новых возможностей по сокращению гонки вооружений»⁵.

К 1988 году, как полагал исследователь, инициатива в американо-советских отношениях постепенно перешла от Рейгана к Горбачеву, причем многие действия советского лидера трактовались как переход на американские позиции и вели к внутривластным проблемам в СССР⁶.

С крушением Берлинской стены и выводом советских войск из Восточной Европы, не говоря уже о распаде СССР, «холодная война»

¹ Garthoff R.L. The great transition: American-Soviet relations and the end of the Cold War. - Washington, D.C.: THE BROOKINGS INSTITUTION Press, 1994. – 834p.

² Ibid. p.1.

³ Ibid. p.54-84.

⁴ Ibid. p.197.

⁵ Ibid. p.252.

⁶ Ibid. p.338-339.

завершилась. В поисках ее причин и движущих сил Гартхоф приходил к выводу о виновности обеих сторон, веривших в неизбежность и историческую предопределенность противостояния¹. Эпоха Горбачева, привнесшая идеи «нового мышления» в действия, по крайней мере, одной из двух противоборствующих сторон, сделала это противостояние бессмысленным.

Значительным событием 1994 года для советологии стала попытка философского осмысления итогов советской эпохи, предпринятая британским историком Волтером Лакуэром. Для него история СССР была прежде всего примером крушения великой мечты, о чем свидетельствовало и название его работы². Для истинного понимания Горбачева, как постулировал исследователь, необходимо обращаться к эпохе «застоя», а затем, в свою очередь, к сталинизму и даже революции 1917 г. и предшествующему ей времени Николая II³.

Столь детализированный и обстоятельный подход представлял собой одно из первых свидетельств *грядущих значительных перемен в советологии*. Кризис этого научного направления, вызванный распадом СССР и уходом в прошлое коммунистической идеологии, должен был породить *новые идеи, новую методологию и многогранность оценок*. Описание М.С. Горбачева в категориях «добра» и «зла», «истинности» и «ложности» реформационных намерений - постепенно теряло былую значимость. Запад подходил к пониманию *сложности и неоднозначности* советской истории в целом и ее последнего лидера, в частности. Кроме того «эра Горбачева» отошла в прошлое, и чрезвычайно актуальная до недавнего времени тематика советологических работ переходила в область исторических исследований.

Таким образом, необходимо признать, что одним из главных для советологии и всего западного мира после 1991 г. стал вопрос о причинах краха реформ столь популярного на Западе «Горби», о факторах, повлиявших на распад СССР и крушение казавшегося незыблемым коммунизма. Вопрос этот был тем актуальнее, что советология так и не смогла спрогнозировать столь значительного и масштабного финала «революционной эпохи» Горбачева.

Прямым следствием этой прогностической неудачи стало сокращение в 1991–1994 гг. числа советологических работ, посвященных феномену и эпохе М.С. Горбачева, что наряду с переизданием публицистических статей и проводившихся ранее исследований служило свидетельством кризиса советологии. Издательская деятельность и беспрецедентная открытость российских архивов в этот период создавали основания для дальнейших качественных изменений в советологии в сторону разработки новых методологических и историсофских подходов.

¹ Ibid. p.751.

² Laqueur W. The dream that failed: reflections on the Soviet Union. – Oxford, N. Y., Toronto: Oxford University Press, 1994. – 231p.

³ Ibid. p.v.

2.3. Советология США и Великобритании второй половины 1990-х гг. о Горбачеве и его «эре»

1995-й стал первым «юбилейным» годом в генезисе западного восприятия феномена Горбачева и его эпохи. Мир отмечал десятилетие начала перестройки, что проявилось в тенденции написания обобщающих работ по русской и советской истории. Свидетельством тому стали «Русский корпорационный капитализм от Петра Великого до перестройки» Томаса Оуэна¹ и «Последняя из империй (История Советского Союза 1945-1991 гг.)» Джона Кипа². Оба исследования были изданы под эгидой Оксфордского университета и отражали лучшие академические достижения советологии.

Оуэн оправдывал обширный хронологический ряд своего исследования необходимостью обращения к отдаленным векам российской истории для лучшего понимания современности и недавнего прошлого страны³. Лишь 1/6 часть его работы была посвящена непосредственно «эре перестройки».

Т. Оуэн видел причины неудач политики М.С. Горбачева в оставшейся неразрешенной проблеме «экономической продуктивности»⁴. По сути, на рубеже 1980-1990-х гг., по мнению исследователя, СССР переживал те же кризисные явления, что и Россия при царском режиме в 1916 г., когда замерло железнодорожное движение и народ испытывал нехватку хлеба. Однако «автократическое однопартийное государство», каковым, по Оуэну, являлся СССР к началу «эры перестройки», было еще более враждебным по отношению к капитализму, нежели царская бюрократия накануне Первой мировой войны.

Автор, опираясь на экономику, как определяющий показатель исторического процесса, не вполне адекватно трактовал идеологическую составляющую. Капитализм, в определении Оуэна, был для советских идеологов «классовым врагом», что и предопределило исход перестройки, слишком медленно воплощавшей в жизнь капиталистические идеи⁵. Историк недооценил роль стереотипов советского мышления, привычки жить с гарантированными и известными заранее «перспективами будущего», страхом перед *свободными ценами, конкуренцией, безработицей, и «наказуемостью» инициативы*. Вероятно именно по этой причине, а не

¹ Owen T.C. Russian corporate capitalism from Peter the Great to perestroika. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1995. – 180p.

² Keep J.L.H. Last of the Empires: A History of the Soviet Union 1945-1991. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1995. – 482p.

³ Owen, T.C. Op. cit. p.vii.

⁴ Ibid. p.84.

⁵ Ibid. p.85.

из-за постулатов марксизма, на которые ссылался Т. Оуэн, М.С. Горбачев не мог спешить, когда дело касалось экономических аспектов перестройки.

Работа Джона Кипа была нацелена на «широкий круг читателей» и не претендовала на «исчерпывающий характер» своего повествования¹. Рассматривая политическое, экономическое, социальное и культурное развитие СССР послевоенного периода, историк уделял особое внимание межнациональным отношениям, оставляя без внимания аспекты внешней политики и гонки вооружений. Распад «последней из империй» представлялся исследователю закономерным процессом, начавшимся «революцией сверху»², а завершившимся «революцией снизу»³.

Осмысление недавних событий перестройки было для Дж. Кипа осознанной необходимостью. Ощущая переживаемый западной советологией кризис и обладая достаточными сведениями о состоянии дел в науке СНГ, он давал своеобразное напутствие современному поколению исследователей. Историки и публицисты бывшего СССР, отмечал Кип, начиная с 1988 года, были заняты тяжелой работой по сбору вдруг ставших доступными материалов. «Пройдут десятилетия прежде, чем эти труды принесут «плоды» монографий, но *это не оправдание* [курсив мой – О.Д.] для откладывания на потом попыток суммировать уже известные нам факты, даже если мы слишком близки к событиям, чтобы судить о них объективно»⁴.

Рассмотрению вопросов объединения Германии и советско-германских отношений в эпоху М.С. Горбачева было посвящено и вышедшее в 1995 г. исследование научного сотрудника Центра русских и восточно-европейских исследований университета Виргинии Дэвида Шумакера⁵.

Анализ работы показывает, что исследователь стремился приблизиться к объективной и непредвзятой трактовке внешнеполитической линии СССР в Восточной Европе эпохи М.С. Горбачева. Советский лидер, по мнению Шумакера, не одобрял, не планировал и не контролировал крушение близких к Москве восточноевропейских режимов, ставшее следствием начавшихся в СССР реформ⁶. Вопреки мнению, широко распространенному в научной среде Запада, автор полагал, что реальным изменениям в политике Кремля по отношению к Германии предшествовали именно *концептуальные* перемены⁷. Другими словами, М.С. Горбачев не просто *реагировал* на события в Восточной и Центральной Европе, не успевая их предугадывать и опасаясь применять силу, но воплощал идеи

¹ Keep J.L.H. Op. cit. p.1.

² Ibid. p.331.

³ Ibid. p.363.

⁴ Ibid. p.1.

⁵ Shumaker, D.H. Gorbachev and the German question: Soviet-West German relations, 1985-1985-1990. Westport, Connecticut, L.: PRAEGER, 1995. – 206p.

⁶ Ibid. p.101.

⁷ Ibid. p.143.

«нового мышления» в жизнь, *предварительно* изменив традиционные советские внешнеполитические императивы.

Этот процесс, по мнению Д. Шумакера, не был безболезненным и предполагал постепенное преодоление Москвой и самим М.С. Горбачевым традиционного недоверия к Бонну¹. В СССР помнили уроки Великой Отечественной войны, что сказывалось на повышенной чувствительности общественного мнения к изменениям в советско-германских отношениях. Тем значительнее были происходившие перемены.

Очередной попыткой ответа на ставший уже риторическим вопрос о причинах окончания «холодной войны» явился сборник статей, изданный в 1995 г. Ральфом Самми². В нём предпринималась попытка отойти от сложившейся традиции описания противостояния Востока и Запада второй половины XX века в «черно-белой терминологии»³, как охарактеризовал ее ее во введении к работе Дэвид Лендж.

Традиционным для сторонников республиканской партии США и консерваторов в Британии стала трактовка недавних событий в качестве «победы Рейгана» или «победы республиканцев»⁴. Но сама по себе формула «победы в «холодной войне» признавалась далеко не всеми исследователями и неминуемо порождала целый ряд сложностей. В частности, этот логический ряд оправдывал любые без исключения действия Рональда Рейгана и никак не учитывал перемены эпохи М.С. Горбачева и его личный вклад в завершение противостояния двух сверхдержав.

При постановке вопроса о личном вкладе в «победу в «холодной войне» определенная часть западных исследователей скорее приписала бы эту заслугу советскому лидеру⁵, трактуя действия Рейгана начиная с 1960-х гг. как попытки эскалации противостояния.

В среде исследователей были и те, кто вне зависимости от внешних обстоятельств и постановки вопросов, видел причины окончания «холодной войны» во «взаимодействии целого комплекса сил», включающих «влияние интеллектуалов, международное движение за мир, советские СМИ и М.С. Горбачева»⁶. Представляется, что одним из важнейших достоинств издания было движение к истории и советологии, свободной от политических интересов вовлеченных в события сторон.

В 1996 году мир отметил 5-ю годовщину распада СССР и 10-ю годовщину саммита в Рейкьявике. Второе из этих событий было отмечено

¹ Ibid. p.124.

² Why the cold war ended: a range of interpretations / edited by Ralph Summy and Michael E. Salla; foreword by David Lange. - Westport, Connecticut, L.: Greenwood Press, 1995. – 282p.

³ Lange D. Foreword / Ibid. p.ix.

⁴ Carter A.F. Did Reagan “Win” The Cold War? / Ibid. p.19.

⁵ Elias R. Ronald Reaganism Ended The Cold War – in 1960s / Ibid. p.33.

⁶ Turpin J. Gorbachev, the Peace Movement, and the Death of Lenin / Ibid. p.69.

проведением симпозиума, собравшего в столице Исландии официальных лиц страны, политических деятелей и советологов США¹. Вопреки общим настроениям 1986 года, впечатлениям участников саммита и журналистов того времени, теперь отстаивалось мнение о несомненной значимости события десятилетней давности, которое стало «поворотным пунктом» в истории взаимоотношений Востока и Запада², «свело две сверхдержавы вместе»³.

По мнению Дональда Ригана, главы администрации Белого Дома при Рейгане, саммит в Рейкьявике прошел со счетом «ноль-ноль», что было не поражением, но «победой для всего человечества»⁴. Д. Риган как бы «забывал» о причине отсутствия значительных итогов переговоров, каковой являлась настойчивость Р. Рейгана в продолжении исследований и испытаний системы «Звёздных войн» - стратегической оборонной инициативы, которая не устраивала не только М.С. Горбачева, но и весь мир, включая членов НАТО.

Профессор Гарвардского университета Стивен Миллер интерпретировал значение саммита как возможность получения *положительного* ответа на риторический вопрос времени – «серьёзны ли намерения Горбачева?»⁵. По сути, отмечал исследователь, Рейкьявик продемонстрировал американскому народу первый пример «революции Горбачева в международной политике»⁶.

В целом 1996 год для советологии оказался *наименее продуктивным количественно* и, по нашему мнению, *наиболее продуктивным качественно*. В Оксфорде в этом году был издан итог многолетней работы британского профессора политологии Арчи Брауна – фундаментальное исследование «Фактор Горбачева»⁷, которое по сей день признается *лучшим* как на Западе, так и в России⁸.

Работа, проведенная британским исследователем по сбору и интерпретации данных, не говоря уже о необходимости *выучить русский язык*, признанный одним из сложнейших в мире, не может не вызывать уважение. Опыт Арчи Брауна должен в определенной степени служить своеобраз-

¹ The 1986 Reykjavik Summit: Ten Years Later. A Symposium 2 and 3 October 1996. Prime Minister's Office and The City of Reykjavik / Edited by Mr. Albert Jonsson, Prof. Thorolfur Thorlindsson, Mr. Daniel Teague and Kynning Og Markadur – KOM ehf. – Reykjavik, 1996.

² Ibid. p.5.

³ Ibid. p.40.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. p.49.

⁶ Ibid. p.51.

⁷ Brown A. The Gorbachev Factor. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 406p.

⁸ Это мнение разделяют обозреватели «American Political Science Review», «Political Studies», «Times Literary Supplement», «West European Politics», «Jornal of European Studies», «Slavic Review», «Foreign Affairs», Джек Мэтлок и ряд других исследователей и общественных деятелей Запада. Аналитики журналов «Полис» и «Свободная мысль», а также бывший помощник президента СССР А.С. Черняев – в России.

разным назиданием отечественным исследователям, не находящим возможности, ссылаясь на целый ряд причин, посвятить свои исследования эпохе Горбачева. В основу исследования Брауна были положены документы государственных архивов РФ и Горбачев-Фонда; материалы бесед с самим М.С. Горбачевым и людьми близко его знающими (с А.Н. Яковлевым, В.А. Медведевым, А. Грачевым, П. Палашенко, А. Ликоталом, Ф. Бурлацким, Г. Дилигенским, А. Адамишиным, Ю. Афанасьевым, А. Аганбегяном, В. Бакатиным, О. Лацисом, Л. Разгоном, А. Сахаровым, А. Ципко, Д. Волконоговым и многими другими); материалы ВЦИОМ, начиная с 1988 года и публикаций западной и российской прессы постгорбачевского времени; мемуары советских и западных политиков и общественных деятелей.

Опираясь на столь значительный спектр источников, Браун осознавал, что тема, рассматриваемая им, многогранна и чрезвычайно обширна, в ней невозможно поставить точку одной работой так же, как нельзя в одно исследование вместить исчерпывающую историю «эры Горбачева» и его биографию. Главную задачу своего исследования, отраженную в его названии, автор видел в определении степени значимости М.С. Горбачева в трансформации советского ортодоксального коммунизма в принципиально иную политическую систему¹.

А. Браун обоснованно предостерегал, что изменения, произошедшие на территории страны, которую принято было называть Советским Союзом, оказались чрезвычайно значительными и сегодня «легко забыть о том, какой была советская система, и сколь скромны были ожидания» в момент смены правителей в Кремле в марте 1985 г.² Анализируя ситуацию, сложившуюся в советологии и публицистике Запада по вопросу феномена последнего советского лидера, британский политолог обращал внимание на интересную закономерность: «те, кто прежде жестко критиковал Горбачева за полумеры, сочли удобным забыть, что изменения, инициированные или санкционированные Горбачевым, превзошли их самые смелые мечты». В дальнейшем всё те же критики, повинувшись своеобразной «модой», стали, вопреки логике, винить Горбачева во всех возможных просчетах и ошибках, совершенных даже при полумерах³.

Браун осознавал существующие в западной историографии противоречия в вопросе о роли Запада и, в частности, Рейгана в завершении «холодной войны». Он указывал на два аспекта, противоречивших точке зрения о «победе Запада» и «поражении «Советов». Во-первых, «холодная война» «не проявляла ни единого признака собственного окончания» до прихода Горбачева к власти в марте 1985 г. «Наоборот, становилось

¹ Brown A. Op. cit. p.ix.

² Ibid. p.1.

³ Ibid. p.1.

«холоднее»¹. Во-вторых, противостояние Востока и Запада завершилось в период, когда «у руля советского государства стоял именно Горбачев», и никто из его «наследников» [имея в виду в первую очередь Б.Н. Ельцина – О.Д.] не приложил ни малейших усилий в том же направлении². Освобождение Восточной Европы от давления Кремля также произошло *при Горбачеве*³.

Оценивая ситуацию в СССР марта 1985 г., исследователь полагал, что «фундаментальные изменения вполне могли быть отложены», «замедлены» и «кровавы»⁴. Другими словами, они *не были предопределены и неизбежны* в той форме, которую удалось реализовать М.С. Горбачеву.

Базой для реформ, в определенной степени, послужили инновации Никиты Хрущева. А. Браун оказался одним из немногих представителей западной советологии, кто смог постичь значимость пресловутых «хрущевок» для развития диссидентского движения и ограниченного рамками стен собственной кухни свободомыслия⁵. К тому же, как подметил Браун, между поколением Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко и поколением М.С. Горбачева была значительная разница. Первое из них «на всю жизнь было отмечено страхом», привитым И.В. Сталиным и связанным с их собственной ролью в установлении сталинского порядка⁶. На второе поколение большее влияние оказал XX съезд партии⁷.

Для Брауна Горбачев был «гибким» и «не догматичным» марксистом и ленинцем, но лишь до тех пор, пока не происходило «конфликта между теорией и очевидными вещами», когда советский лидер «предпочитал доверять своим глазам»⁸. Взгляды М.С. Горбачева, прибывая в развитии, всё дальше уходили от В.И. Ленина, приближались к социал-демократии Филиппа Гонсалеса или Вилли Брандта⁹.

По сути, влияние «фактора Горбачева» обнаруживалось и обстоятельно обосновывалось британским политологом во всём лучшем, что удалось достичь в годы перестройки. Просчеты и ошибки Горбачева-политика также не умаялись. А. Браун признавал, что экономическая и национальная политика М.С. Горбачева не была в полном смысле слова удачной. Однако и в одной, и в другой сфере были свои сложности. В большинстве случаев Горбачев оказывался под давлением различных общественных групп и влиятельных политических институтов, выражавших противополо-

¹ Ibid.

² Ibid. p.18.

³ Ibid. p.20.

⁴ Ibid. p.2.

⁵ Ibid. p.18-19.

⁶ Ibid. p.25.

⁷ Ibid. p.31.

⁸ Ibid. p.32.

⁹ Ibid. p.120.

ложные требования. Причем это давление само по себе могло привести к окончанию реформ «задолго до неудавшегося августовского путча»¹.

Меры по реформированию экономики, как отмечал Браун, вводились уже с мая 1985 г.² Гласность, трансформировавшаяся в свободу слова, и демократизация стали «обоюдоострым мечом для Горбачева». Они привели к поляризации общественного мнения и политической среды в СССР, что мешало реализации экономических реформ. И всё же М.С. Горбачев осознавал, что реформировать экономику, не затрагивая политику, невозможно. В условиях перестроечного СССР для Брауна оставалось неясным «была ли экономическая реформа возможна *одновременно* с политической»³.

Арчи Браун оказался одним из немногих исследователей, обращавшихся к проблеме периодизации западного восприятия эпохи Горбачева, выделяя три, качественно различных периода. Первый хронологически охватывал 1985 – конец 1986 гг. как время «традиционной мудрости», когда никто не ждал далеко идущих изменений в советской экономической и политической системе или внешней политике⁴. Второй период, включавший 1987-1988 гг. и особенно 1989 г. – характеризовался ростом популярности «Горби» на Западе⁵. 1990-1991 гг. составляли третий период, когда Горбачева всё чаще стали считать «частью проблемы – препятствием на пути успешной трансформации советской системы»⁶.

В противовес мнению консервативного историка Ричарда Пайпса, Браун был уверен, что М.С. Горбачев являлся «чрезвычайно нетипичным продуктом советской номенклатуры»⁷. Более того, британский политолог рассматривал Горбачева в качестве «одного из величайших реформаторов в русской истории, человека, оставившего самый глубокий след в мировой истории второй половины XX века»⁸. Подводя итоги своей работы, Браун предлагал будущим исследователям судить о достижениях и просчетах Горбачева не с позиции *их* времени, но с позиции *реалий начала 1985 г.*⁹

Год 1997-й сконцентрировал особое внимание исследователей США и Британии на вопросах революционной демократизации и десталинизации СССР и на работах, обобщающих советский исторический опыт. Немалый интерес был проявлен к внутренней жизни советского социализма¹⁰. Как полагал американский экономист Алекс Доула, избрание М.С. Горбачева

¹ Ibid. p.130.

² Ibid. p.141.

³ Ibid. p.137.

⁴ Ibid. p.4-5.

⁵ Ibid. p.5.

⁶ Ibid. p.6.

⁷ Ibid. p.316.

⁸ Ibid. p.315.

⁹ Ibid. p.306.

¹⁰ Dowlah, A.F. The life and times of Soviet socialism. - Westport, Connecticut, L.: Praeger Publishers, 1997. – 283p.

Генеральным секретарем ЦК КПСС открыло путь «революционной эпохе в СССР и во всем мире»¹. Перестройка М.С. Горбачева в интерпретации А. Доулы резко контрастировала с предыдущими моделями советского общества, включая и редкие, в прошлом, попытки реформ. Политически и экономически последний советский лидер зашел гораздо дальше своих предшественников и, в отличие от Н.С. Хрущева не разделял неосуществимых восторженных экономических прогнозов².

Алекс Доула видел причину неудач экономических реформ Горбачева в противодействии консервативных сил страны нововведениям³. Таким образом, перестройка, начавшаяся как «комплекс мер по модернизации страны», «вылилась в революцию», которая, в свою очередь, «привела к распаду экономики, структур государственного управления, ... и самого многонационального государства, как геополитического единства»⁴.

Интересно, что Доула не искал *виновных* во всём произошедшем. В сравнении с оценками российских исследователей, привыкших выставлять М.С. Горбачеву своеобразный счет за «полумеры», «непоследовательность», «нерешительность», «медлительность» и т.п. в реализации экономических преобразований, завершившихся катастрофически-негативно, американский *экономист* не считал произошедшее зависящим от одного человека, даже обладающего верховной властью в государстве.

Своеобразное объяснение «полумерам» и «нерешительности» Горбачева нашел Джерри Хоф⁵, считавший события в СССР 1985–1991 гг. «второй русской революцией»⁶. По его мнению, последний советский лидер изначально стремился сделать реформационный процесс революционным, для чего событиям, происходившим в СССР, необходимо было придать видимость неуправляемости⁷. Значительная часть суждений автора была плохо обоснована, что объяснялось, вероятно, некритичным отношением

к советским мемуарным источникам, которые, по сообщению издателя, легли в основу исследования⁸ и, судя по всему, оказали на Хофа значительное и не лучшее влияние.

В частности, американский исследователь высказывал чрезвычайно оптимистичные суждения и создавал впечатление, что при правильном, из-

¹ Ibid. p.169.

² Ibid.

³ Ibid. p.207.

⁴ Ibid. p.227.

⁵ Hough J.F. Democratization and revolution in the USSR, 1985-1991. - Washington, D.C.: BROOKINGS INSTITUTION PRESS, 1997. – 554p.

⁶ Ibid. p.1.

⁷ Ibid. p.490.

⁸ Ibid. В работе Хоф ссылается на мнения Н.И.Рыжкова, С.Ф.Ахромеева и других советских мемуаристов, где традиционно доказывается непричастность авторов к катастрофическим последствиям перестройки и их выдающийся вклад в ее же успехи.

вестном ему подходе события в СССР 1985-1991 гг. могли развиваться по иному, более успешному сценарию. Ссылаясь на китайский опыт, и не осознавая значительных различий, существовавших между СССР и КНР, Хоф был абсолютно убежден, что коммунистическая система реформируема при условии эволюционного, поступательного движения реформ¹.

Для решения проблемы межнациональных конфликтов у советского лидера после падения коммунизма в Восточной Европе было, якобы, «множество вариантов» и времени – 1990-1991 гг. Однако Горбачев, по Хофу, намеренно их не использовал, чтобы спровоцировать «военный переворот» *против самого себя* (?!)². Даже экономические проблемы (однозначного решения которым, заметим, не находили советские *академики-экономисты*), по Хофу, были *разрешимы*. В частности, он предлагал «легко избежать» инфляции, отпустив розничные цены *еще в 1986 году*³.

Представленные суждения свидетельствовали о том, что исследователь недостаточно хорошо ориентировался в вопросах советской внутренней политики 1980-х гг. и его рекомендации, данные *постфактум*, вряд ли могли быть применены в *реальных условиях СССР эпохи Горбачева*.

Значительным событием 1997 г. для советологии стало издание фундаментальной работы журналистки, переводчика и независимой исследовательницы Сьюзан Стернфол «Реформы Горбачева»⁴. В основе исследования лежала обширная источниковая база, включавшая документы ЦХСД, Горбачев-Фонда, материалы Библиотеки Конгресса США и бесед с некоторыми общественно-политическими деятелями эпохи М.С. Горбачева. Значительную помощь в осуществлении проекта оказал и московский Центр Международных Исследований Гарвардского университета⁵.

В работе была представлена стройная система взглядов на реформы Горбачева, оформленная в концепцию десталинизации через демилитаризацию. Лучшему пониманию исследовательницей Горбачева и инициированных им реформ способствовал тот факт, что Стернфол сумела приблизиться к *сущностному* пониманию советской идеологии, которая, как она писала, была «уникальным соединением марксистской теории и русского наследства, отражающего специфику исторических, политических и культурных корней страны». В отличие от большинства западных советологов исследовательница ушла от декларации о стремлении СССР к «мировому господству», но представила Советский Союз как «высоко идеологизированную

¹ Ibid.

² Ibid. p.214-215.

³ Ibid. p.250.

⁴ Sternthal S. Gorbachev's Reforms: De-Stalinization Through Demilitarization. – Westport, Connecticut: Praeger, 1997. – 225p.

⁵ Ibid. p.ix.

страну, в основе действий которой лежала вера в *моральную правоту и превосходство* [курсив мой – О.Д.] коммунизма над капитализмом»¹.

Стернфол трактовала последнего советского лидера как «преданного коммуниста», не изменившего своих убеждений до самого конца². Движущей силой советских реформ эпохи М.С. Горбачева она считала стремление сделать советский коммунизм конкурентоспособным и популярным. Для этого стране необходима была десталинизация, очищение от догм и принципов, деформировавших изначальные ленинские и марксистские идеи, приведшие к милитаризации экономики и повышению инвестиций в тяжелую промышленность.

Сьюзан Стернфол полагала, что реформы в СССР начались с изменений в советском восприятии внешнего мира, формировавшимся некогда посредством «языка марксизма-ленинизма»³. М.С. Горбачев изменил этот язык и описанные им внешнеполитические концепции. Представления об угрозе получали новую форму экономических категорий, меняя сам образ врага. Теперь не американское оружие оказывалось главной опасностью, но участие в гонке вооружений наравне с США, что грозило крахом национальной экономики⁴.

С самого начала пребывания на посту Генерального секретаря Горбачев стремился улучшить советско-американские отношения для снятия международной напряженности и обращения основного внимания СССР на внутренние проблемы⁵. Интересную, нестандартную трактовку у Стернфол получало отношение М.С. Горбачева к странам Восточной Европы. Советский лидер еще в свою бытность студентом юридического факультета считал, как отмечала исследовательница, что эти государства «должны нести наибольшую ответственность за выбор своего политического и экономического курса», т.е. иметь большую свободу действий⁶. В такой интерпретации освобождение Восточной Европы от советского влияния, падение Берлинской стены и объединение Германии становилось продуманной политикой (в противовес мнению ряда советологов о почти случайном характере этих событий).

С. Стернфол полагала, что первоначально М.С. Горбачев продолжал реализовывать инициативы, заявленные Н.С. Хрущевым в конце 1950-х гг.,

¹ Ibid. p.6. Здесь необходимо пояснить, что для приверженцев «жесткой линии», ряда советологов и значительной части представителей политической элиты в США и Великобритании безоговорочными и априорными были моральная правота и превосходство демократии над коммунизмом. Никто из них не допускал даже возможности существования противоположных, зеркальных, по сути, воззрений в СССР.

² Ibid. p.2.

³ Ibid. p.5.

⁴ Ibid. p.13.

⁵ Ibid. p.27.

⁶ Ibid. p.31.

но его ошибкой была вера в реформируемость партии¹. Кроме того, первый советский президент «не понимал, что судьбы партии неразрывно связаны с будущим системы», созданной «в ее конечном виде Сталиным». Поэтому исход реформ оказался predetermined. Выражаясь метафоричным языком американской исследовательницы, очищая «корабль» советской системы от «коррозии» сталинизма, Горбачев не заметил, как «разобрал» этот корабль². Итогами эпохи Горбачева стали, по Стернфол, не только внешнеполитические успехи, но и значительный прогресс в демилитаризации самого СССР³.

Очередной попыткой разгадать загадку последнего Президента СССР стал «Горбачев» Мартина Макалея⁴. В сравнении с предшествующим ему по времени «портретом», написанным в фундаментальном исследовании Арчи Брауна, фигура Горбачева в редакции Макалея менее детализирована и более противоречива. В основу работы положены мемуары Горбачева и его книги разных лет, мемуары участников событий (среди которых наибольшую признательность автор выразил Джеку Мэтлоку), а также исследования западных предшественников Макалея (в особенности А. Брауна).

По мнению Макалея, советский лидер не мог не быть «экстраординарной» личностью. Он обладал «даром очарования, убеждения, лавирования, манипуляции, хитрости» и навыками тактика. При этом ему должна была сопутствовать удача. «Подвигом для советского партийного лидера» была популярность, достигнутая Горбачевым за границей⁵.

Трактовка Макалеем успехов первого советского президента в США, в соответствии с которой Горбачев «очаровал» двух американских президентов-антикоммунистов⁶, представляется не вполне соответствующей исторической действительности. «Горби» удалось «покорить» население стран Запада, но он остался непонятым западной политической элитой и был использован её представителями в своих целях.

Макалей признавал, что, учитывая обширный печатный материал и устные свидетельства о Горбачеве, оценить его карьеру и постичь суть его характера «чрезвычайно сложно». Нелегко также «подобраться к нему близко, чтобы узнать». В отличие от многих западных авторов исследователь усматривал в Горбачеве «авторитарные черты», «отталкивавшие многих», «грубость» по отношению к помощникам, «чьи чувства он растоптал и не заметил». Советский лидер «пренебрегал похвалами» в адрес своих единомышленников, которые, вдохновившись, «могли бы достичь больше-

¹ Ibid. p.2.

² Ibid. p.3.

³ Ibid. p.209.

⁴ McCauley M. Gorbachev. – L., N.Y.: Longman, 1998. - 343p.

⁵ Ibid. p.ix.

⁶ Ibid. p.x.

го». Именно поэтому, как полагал Макалей, из Горбачева никогда не вышел бы «успешный футбольный менеджер», способный, замечая человеческие недостатки игроков, выстроить их так, чтобы они стали командой. «Он был готов слушать иностранцев, и становился крайне нетерпелив с соотечественниками»¹. Но при всём том именно М.С. Горбачев был тем «удивительным человеком, который изменил мир»².

В описании Макалея не было противоречия, ведь его Горбачев, как отмечалось выше, был «хитрецом» и «манипулятором». Кроме того, неотъемлемой частью концепции исследователя был тезис об изначальной нацеленности Горбачева на радикальные реформы. Реализовать их сразу, как логично полагал автор, новый советский лидер мог не раньше, чем упрочил бы свою власть. Выдвинув на высшие посты в государстве своих сторонников и убрав оппозиционеров в рекордный годичный период, Горбачев смог, наконец, проявить собственные политические предпочтения³.

Истоки противостояния «Горбачев-Ельцин» трактовались Макалеем как «сложные для понимания». Здесь, словно выражая позицию первого российского президента, автор видел возможное стремление Генерального секретаря быть «единственной примадонной» на политической сцене Москвы⁴. Такая точка зрения не была типична для западной советологии, поскольку в большинстве случаев Б.Н. Ельцина принято было считать известным популистом и борьба М.С. Горбачева с ним приобретала характер неминуемой и логичной. Макалей вполне справедливо оценивал последствия этого противостояния: Ельцин превратился в «политического врага» Горбачева в тот момент, когда «битва за перестройку еще только начиналась». Это была, по определению исследователя, «роковая ошибка» президента СССР⁵.

Мартин Макалей предлагал судить об исторической роли Горбачева-политика и реформатора с трёх точек зрения: с позиции самого реформатора, Советского Союза и Запада. В первой версии интерпретации Горбачев становился неудачником, «дореформировавшим СССР до исчезновения», что формально сделало его «безработным»⁶. Для своей страны, несмотря ни на что, он сделал достаточно, чтобы в будущем получить признательность россиян. Благодаря Горбачеву произошло «политическое перерождение» бывшего СССР, страна «присоединилась к мировому сообществу» и избежала трагической судьбы Югославии, с ее кровопролитной

¹ Ibid.

² Ibid. p. x-xi.

³ Ibid. p.52.

⁴ Ibid. p.72.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. p.275.

и нескончаемой гражданской войной¹. Для Запада Горбачев был и остается «великим реформатором и великим лидером»².

Примечательна мысль Макалея о том, что вряд ли найдется «два человека с одинаковыми взглядами на наследство, оставленное Горбачевым миру. Все политики, в конце концов, проигрывают, но некоторые делают это хуже других. Если Горбачев проиграл, то проиграл с достоинством и не бесславно»³.

На рубеже столетий наблюдался и рост интереса к биографии Горбачева, его политике и дипломатии, взаимодействию со СМИ и уникальным феноменом западного признания советского лидера. В работе Энтони Де Люки рассматривалось именно беспрецедентно-восторженное восприятие политики и дипломатии Горбачева в западных СМИ⁴. Для профессора истории Эмерсонского колледжа в США, объехавшего практически всю Европу, побывавшего в России и интересовавшегося значением личности в истории⁵, тема не была случайной.

По глубокому убеждению исследователя, реформы, инициированные Горбачевым, были «единственным значительнейшим периодом политических преобразований второй половины XX столетия»⁶. Сам Горбачев для автора был «выдающимся политиком, всей своей жизнью продемонстрировавшим значимость политического общения в широком международном контексте»⁷. Как истинный американец, обращавший свою работу к широкому кругу читателей, Де Люка полагал, что «личность Горбачева, СМИ и телевидение были созданы друг для друга». Посредством современных коммуникаций советский лидер «затронул огромное количество людей» и «пробудил мечты»⁸.

Для Де Люки прозападная ориентация Горбачева была признанным фактом, вызывавшим целый ряд проблем на советском внутривнутриполитическом поле: «правые» считали Генерального секретаря «предателем», а «левые» – «амбициозным диктатором». И всё же, чтобы реализовать программу реформ Горбачеву, по мнению исследователя, необходимо было использовать «инструментарий социальных наук» и «изменить обществен-

¹ Ibid.

² Ibid. p.276.

³ Ibid. p. x-xi.

⁴ DeLuca, Anthony R. Politics, diplomacy, and the media: Gorbachev's legacy in the West. – Westport: Praeger Publishers, 1998. – 165p.

⁵ Одна из его предыдущих работ автора была посвящена сравнительному анализу исторической значимости Наполеона, Бисмарка, Ленина и Гитлера (Personality, Power, and Politics: Observations on the Historical Significance of Napoleon, Bismarck, Lenin, and Hitler).

⁶ DeLuca, A.R. Op. cit. p.ix.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. p.1.

ное мнение»¹. С этими целями использовались терминология «человеческого фактора», борьба с карьеризмом и коррупцией, обращение за поддержкой к интеллигенции. Последнее, как отмечал (вслед за Дэниэлсом) Де Люка, было сделано впервые за многовековую российскую историю². «Иронией судьбы» для Горбачева, по мнению историка, стал тот факт, что его активная работа со СМИ вылилась в мировую популярность при падении популярности Генерального секретаря дома³.

«Новое мышление» Горбачева было, по Де Люке, «радикальным разрывом с прошлым», реализующим в сфере внешней политики новый образ лишенного наивности, современного советского общества. На формирование такой концепции внешнеполитического курса влияли, как небезосновательно подметил американский исследователь, поездки Горбачева по Западной Европе в начале 1960-х гг., когда он получил возможность сравнить уровень развития восточноевропейского просоветского блока и «капиталистического Запада», сформировать собственный «космополитизм»⁴.

Де Люка полагал, что началом конца Горбачева стала отмена 6-й статьи советской Конституции, когда инициатор популярных политических преобразований, выступавший за демократизацию, был «лишен мандата популярности» в собственной стране⁵.

Американский историк Роберт Стрэйер⁶, неосознанно вторя мыслям многих российских исследователей, полагал, что причины распада СССР лежали в инициированных Горбачевым реформах. Они должны были «вернуть к жизни» советский социализм, но в итоге «открыли дверь для его дальнейшей дискредитации»⁷.

В отличие от многих других западных исследователей Стрэйер не рассматривал вопрос о состоянии советской системы на момент прихода Горбачева к власти. Он искал причины распада огромной страны лишь в рамках «эры Горбачева». В конечном счете его работа получилась обширным философским эссе о способности историков найти ответ на вопрос о причинах «значительных изменений в человеческих сообществах»⁸. Отношение же автора к советской системе, ее экономике, политике и другим немаловажным аспектам фактически не нашло отражения в работе. Создавалось впечатление, что огромная система под названием СССР,

¹ Ibid. p.23.

² Ibid. p.24.

³ Ibid. p.53.

⁴ Ibid. p.83.

⁵ Ibid. p.123-124.

⁶ Strayer R.W. Why did the Soviet Union collapse? : Understanding historical change. – N.Y., N.Y., L.: M.E. Sharpe Armonk, 1998. – 226p.

⁷ Ibid. p.132.

⁸ Ibid. p.ix.

более полувека находившаяся в *статичном* состоянии, *вдруг* была ввергнута в бессмысленное потрясение реформ.

Висла Сураска, задавшийся вопросом о том, «как исчез СССР»¹, видел причины распада страны в структурных особенностях системы, существовавших изначально, и в «интеллектуальных и моральных» принципах реформаторов «элиты Горбачева». Ссылаясь на философские идеи Джорджа Оруэлла, Сураска полагал, что политики времен Сталина, ответственные за террор, могли обманывать общество, не теряя при этом чувства реальности. Стабильность, достигнутая таким образом, могла сохраняться лишь при условии сохранения у власти «поколения Брежнева». Следующее поколение советских политиков, к которому в первую очередь относился М.С. Горбачев, «пало жертвой организованной лжи», и «оторвалось от реальности»².

Таким образом, реформаторы не знали достаточно об обществе, которое хотели преобразовать, из-за «сложного механизма обмана». В то же самое время их представления о либерально-демократических институтах, которые предполагалось создать в ходе реформ, также были серьезно деформированы³. Поэтому реформы, по мнению исследователя, были изначально обречены.

Представляется, что Сураска вскрыл лишь часть противоречий советской системы, хотя сделал это довольно профессионально. Наличие «обманутых» системой реформаторов, неминуемо предполагало существование и их полной противоположности – приспособленцев, хорошо знающих «правила игры» и успешно выполняющих функции «обманывающих» и не утративших связь с реальностью. Горбачев по ряду присущих ему черт относился скорее к выявленной исследователем категории «обманутых» и обманывать не умел. Именно поэтому до и после распада СССР в предсказанных Дж. Мэтлоком «вдохновенных» спорах он отстаивал и продолжает отстаивать преимущества социализма⁴.

Определить причины *крушения коммунизма* в СССР пытался американский историк и политолог Уильям Уотсон⁵. В его интерпретации советская система и ее идеологическое ядро были утопичны и обречены изначально, поскольку противоречили интересам значительной части населения⁶. За неминуемым крушением коммунизма должен был последовать

¹ Suraska W. How the Soviet Union Disappeared: An Essay on the Causes of Dissolution. – Durham, L.: Duke University Press, 1998. – 190p.

² Ibid. p.9.

³ Ibid. p.10.

⁴ До недавнего времени М.С. Горбачев руководил Российской социал-демократической демократической партией.

⁵ Watson W.E. The collapse of Communism in the Soviet Union. – Westport, L.: Greenwood Press, 1998. – 175p.

⁶ Ibid. p.19.

и закономерный распад многонациональной страны, созданной некогда без учета «сил национализма»¹. Реформы Горбачева были частью этого процесса. Они спровоцировали развитие событий по predetermined сценарию.

Другой американский исследователь, профессор политологии Колумбийского университета Роберт Инглиш также обратился к изучению противоречивой эпохи Горбачева². Идея написания работы о корнях «нового мышления», изменившего, по утверждению автора, теорию и практику советской внешней политики уже в 1987-1988 гг.³, появилась еще в годы перестройки и была реализована лишь спустя десятилетие. Более двух лет ушло у автора на безрезультатные попытки систематизации исследовательского поля, и в итоге его работа охватила широкий спектр вопросов от истоков «старого мышления» и прежних попыток реформирования СССР до основ нового внешнеполитического курса и вклада в его развитие «советских интеллектуалов» и М.С. Горбачева.

Отражая традиционные для западной и российской историографии взгляды, Инглиш полагал, что к началу 1980-х гг. СССР «оказался в серьезной беде». Стагнационная экономика, более десятилетия существовавшая за счет «торговли оружием и природными ресурсами» за рубежом и «водкой - дома», вдруг начала замедляться вместе с потоком «нефтедолларов»⁴. Перемены, инициированные Горбачевым сразу после «прихода в офис», по мнению исследователя, «потрясли» одновременно Запад, советских консерваторов и соратников нового Генерального секретаря по «андроповской команде реформаторов»⁵. Целый ряд взаимосвязанных событий, ставших следствием новой политики Кремля, завершил «холодную войну», «последним актом» которой Инглиш признавал падение Берлинской стены.

Многие современные серьезные попытки анализа мировых взаимоотношений середины 1980-х – начала 1990-х гг., по замечанию исследователя, страдали основополагающим недостатком, «детерминистическим предубеждением» в понимании значения и сути перемен, привнесенных «новым мышлением». Горбачев трансформировал находившиеся в опасном тупике взаимоотношения двух сверхдержав столь «быстро и всесторонне», что позже, как предостерегал Инглиш, «с позиции хиндсайта», может сложиться впечатление о «предопределённости» и неминуемости

¹ Ibid. p.35.

² English R.D. Russia and the idea of the West : Gorbachev, intellectuals, and the end of the Cold War. – N.Y.: Columbia University Press, 2000. – 396p.

³ Ibid. p.ix.

⁴ Ibid. p.159.

⁵ Ibid. p.193.

перемен. Поэтому «полезно поразмышлять», откуда мир ушел в 1985 г. и куда он мог прийти без изменений, инициированных Горбачевым¹.

Одним из интереснейших исследований рубежа веков стала коллективная монография, посвященная сравнительному анализу политического лидерства Горбачева, Ельцина и Путина². Во введении, написанном Арчи Брауном, постулировалось, что в чрезвычайно иерархичных политических системах, где большая часть власти концентрируется в руках одного человека, «идеи, ценности, характер и стиль» последнего «заслуживают особого внимания»³. В качестве ярких примеров таких систем несомненно рассматривались СССР и Россия, для которых традиционным стало хронологическое подразделение крупных исторических периодов на «эры», названные в честь политических лидеров⁴.

Сравнивая М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина как «трансформационных лидеров», А. Браун настаивал на необходимости задаться вопросом, *что именно* пришлось трансформировать каждому из них⁵. На рубеже 1980-х-1990-х гг. в СССР произошли значительнейшие изменения, среди которых, по мнению политолога, были трансформация командно-административной системы в плюралистическую политическую; переход командной экономики к капиталистическому рынку; завершение «холодной войны»; отказ от сохранения коммунистических режимов в Восточной Европе; крушение СССР.

Создание плюралистической политической системы, по Брауну, было исключительной заслугой Горбачева⁶. Перевод командной, плановой экономики в новое качество экономики рыночной также начал президент СССР⁷. Б.Н. Ельцин выступал в этом процессе в качестве продолжателя, причем, по мнению Брауна, не самого успешного, если учесть значительные издержки приватизации промышленности, вылившейся в продажу ведущих отраслевых предприятий по заниженным ценам⁸.

За распад СССР ответственность разделяли как последний советский, так и первый российский президенты. Горбачев, по мнению Брауна, «допустил существование республиканских политических институтов,

¹ Ibid. p.229.

² Gorbachev, Yeltsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition / Archie Brown, Lilia Shevstova, editors. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. – 163p.

³ Ibid. p.1.

⁴ Ibid. (Здесь необходимо заметить, что для российской историографической традиции термин «эпоха» более приемлем (например, «эпоха Сталина», «эпоха Ельцина» и т.д.). На Западе для обозначения того же отрезка времени внутри советской и новейшей российской истории, действительно, чаще используется термин «эра».)

⁵ Ibid. p.11.

⁶ Ibid. p.12.

⁷ Ibid. p.15-16.

⁸ Ibid. p.17.

в рамках которых мобилизовались националистические силы»¹. Ельцин же «сыграл на российской карте против Союза», без чего выступления большинства республик с требованием независимости не получились бы столь слаженными. Кроме того, «их и вовсе могло не быть»².

Сравнивая стили правления обоих, Браун, вопреки «сложившемуся в своё время и для кого-то сохранившегося по сей день» мнению, находил у Ельцина черты не демократа, а «авторитарного правителя»³. Горбачев при всей противоречивости воспоминаний его помощников чаще проявлял себя как интеллигентный, думающий человек, способный не только говорить, но и слушать⁴.

В целом, сравнение, проведенное Брауном, включая даже экономический аспект⁵ развития СССР и Российской Федерации, было явно не в пользу Б.Н. Ельцина. М.С. Горбачев оказывался «значительно более важным трансформационным политическим лидером из двух»⁶.

Думается, что советологические исследования 1995-2001 гг., рассмотренные в рамках нашей работы, значительно отличались от аналогичных по тематике западных изданий двух предшествовавших периодов 1985–1990 и 1991–1994 гг., когда на смену кризису советологии пришел целый ряд новых тенденций.

Так, стремление к ломке стереотипов и движение к аполитичной советологии наиболее ярко проявились в переоценке итогов «холодной войны» вне узких рамок мифотворчества сторонников «жесткой линии» из числа представителей политической элиты Запада. Беспрецедентные возможности расширения источниковой базы советологических исследований были использованы для создания фундаментальных работ британского политолога Арчи Брауна и американской исследовательницы Сьюзен Стернфол. Оба автора не просто создавали детализированное описание феномена М.С. Горбачева и его эпохи, но стремились к пониманию глубинных личностных мотивов реформатора, движущих сил и предпосылок преобразований, специфики советской действительности и мировосприятия.

Формирование новой методологии через обращение к философии наглядно продемонстрировал американский исследователь В. Сураска. Средства социальной психологии и психолингвистики впервые нашли свое адекватное применение в советологических исследованиях Р. Инглиша, А. Брауна, С. Стернфол.

¹ Ibid. p.22.

² Ibid. p.24.

³ Ibid. p.26.

⁴ Ibid. p.27.

⁵ Сравнивая экономику СССР в 1985, 1991 и 2001 гг., Браун полагал, что в 1991 г. ситуация «была хуже, чем в 1985-м», однако «в 2001 г. она была еще хуже, чем в 1991-м, не говоря уже о 1985-м». (Ibid. p.35-36)

⁶ Ibid. p.35.

На фоне этих изменений ярче стал проявляться контраст между работами, написанными в старых советологических традициях мифотворчества (например, труды Дж. Хофа, Р. Стрэйера) и новаторскими исследованиями.

Таким образом, анализ англоязычных источников и исследований, дающих оценки феномену Горбачева и его эпохе постфактум, подводит нас к **ряду выводов**.

В мире западной политической элиты и в особенности в среде лидеров США и Великобритании в 1990-х гг. происходило оформление исторического мифа об определяющем значении «жесткой линии» республиканцев и консерваторов и их «давления» на СССР эпохи Горбачева, результирующей которых стала «победа Запада» в «холодной войне». Роль М.С. Горбачева как реформатора и харизматического лидера при этом не учитывалась, его вклад в развитие процесса преобразований внутри СССР и в мировой политике сводился к освобождению Восточной Европы и Восточной Германии от советского военного присутствия.

Такие взгляды нашли своё ярчайшее выражение в воспоминаниях Рональда Рейгана, Джорджа Буша-старшего, Брента Скоукрофта, Джека Мэтлока и Маргарет Тэтчер.

Подобный подход не мог объяснить причин

- роста реальных положительных тенденций во взаимоотношениях Востока и Запада лишь со второй половины 1980-х гг. (после прихода М.С. Горбачева к власти), а не с 1981 г. (времени прихода к власти в США администрации республиканцев-радикалов);

- роста напряженности в отношениях Востока и Запада в предшествующий приходу Горбачева к власти период 1981- начала 1985 гг.;

- отсутствия реформ в СССР в тот же период (1981-1984 гг.);

- всплеска положительных оценок М.С. Горбачева в 1985 – 1991 гг. в среде политической элиты Запада, включая США и Великобританию;

- роста беспрецедентной популярности советского лидера в среде общественности США и Европы в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Влияние мифотворчества политической элиты США и Великобритании испытывала на себе в полной мере научная среда этих стран. Однако дать адекватный ответ мемуаристам советология смогла не сразу.

В 1991–1994 гг. это научное направление, не сумевшее предсказать итоги перестройки и распад СССР, переживало внутренний кризис. В это время число работ, посвященных феномену М.С. Горбачева и его эпохе сократилось, наблюдалась тенденция к публикации исследований, созданных в предшествующий период и переизданию отдельными сборниками вышедших ранее журнальных и газетных статей по «советскому вопросу».

Тем не менее, это было уникальное для отечественного архивоведения время открытости фондов, в том числе для иностранных исследователей. Данные, собранные в российских архивах и в беседах с живыми

участниками событий перестройки, должны были стать основой для качественного перерождения советологии.

Со второй половины 1990-х гг. советологические исследования, посвященные эпохе Горбачева, получили качественную дифференциацию. Определенная их часть создавалась в прежних традициях и терминах, с применением стереотипов, свойственных 1980-м гг. Некоторые из них создавали новые мифы и стереотипы. Эти исследования отличались бездоказательностью и впадением в крайности: либо полного отрицания роли Горбачева в реформационном процессе в СССР, либо полного ее приятия, не вникая в детали и не находя просчетов реформирования.

Недостатки исследований такого ряда становились всё более заметны на фоне других, качественно отличных от них работ. Доступ к российским архивам, материалам Горбачев-Фонда, появившиеся в ходе перестройки и после неё возможности личных бесед с участниками исторических событий, действительно, оказали на советологию значительное влияние. В частности, они позволили таким исследователям, как А. Браун и С. Стернфол, создать фундаментальные работы, в основу которых, помимо прочего, было положено столь редкое в прошлом стремление к пониманию советской системы изнутри неё самой, её идеологии, психологии, политики и истории. Феномен Горбачева в редакции этой части исследователей получил новую, более яркую, живую и адекватную интерпретацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысление феномена Горбачева и специфики эпохи его реформ в США и Великобритании 1980-х-1990-х гг. предопределило обращение к документальному, публицистическому, мемуарному и научному источниковому ряду, созданному в хронологических рамках эпохи и в первое последующее десятилетие.

Как известно, к 1985 г. на Западе сложилась концептуально-стройная идеологическая система представлений об СССР и его лидерах на уровне воинствующего антисоветизма. Задачей, стоявшей перед пришедшим к власти в СССР в марте 1985 г. новым Генеральным секретарем ЦК КПСС, наряду с преодолением сопротивления «старой гвардии» консерваторов в Кремле и партаппарате огромной страны, являлось развенчание складывавшихся десятилетиями западных мифов «советофобии». Без слома западных стереотипов в «советском вопросе» невозможно было достичь сокращения военных расходов, как условия экономического самосохранения страны.

Между тем стандарты, сформировавшиеся на Западе в эпоху «холодной войны», имели чрезвычайный общественно-политический вес, скрепляя структурную и идеологическую целостность западного общества и выступая обоснованием огромных военных бюджетов. Приход к власти в Советском Союзе, названном Р. Рейганом в марте 1983 г. «империей зла», яркого харизматического лидера и реформатора, было в определённой степени не только неожиданным, но даже нежелательным событием. Р. Рейган представлял в Белом Доме радикально настроенную часть республиканской партии, в особенности *калифорнийских* республиканцев, среди которых лидирующие позиции занимали представители *военной и космической* промышленности США. Программа «Звездных войн», таким образом, была прагматичным выражением объединённых интересов этой части промышленников, получавших баснословные суммы в рамках госзаказов. После прихода к власти в СССР Горбачева риторика Рейгана об «империи зла» и необходимости СОИ была уже недостаточно убедительна для американских граждан и союзников по НАТО. Разрушение западных стереотипов в «советском вопросе» требовало значительного времени, если вообще было возможно. Одним из ярчайших свидетельств феноменальности М.С. Горбачева и стал тот факт, что признание нового советского лидера и его инициатив на Западе происходило значительно быстрее, чем можно было ожидать.

Единственная серьёзная попытка периодизации западного восприятия эпохи Горбачева, предложенная британским политологом А. Брауном, опиралась на усреднённые стереотипы, не учитывавшие различий между представлениями политических элит, научных и журналистских сообществ, американской и западноевропейской обывательских сред.

Опираясь на анализ официальных заявлений администрации Р. Рейгана и премьер-министра Великобритании М. Тэтчер, в данном диссертационном исследовании был сделан вывод о том, что первые инициативы Горбачева в 1985-1988 гг. нередко встречались *правлящими политическими кругами* США и Великобритании враждебно и настороженно. Наблюдалась тенденция скептической трактовки высказываний и действий нового советского Генерального секретаря, поиска скрытого их подтекста.

Осторожные высказывания советологов о *возможной* будущности реформатора-Горбачева были свойственны 1985-1986 гг. Для научной и журналистской среды двух англоязычных стран этот первый период «традиционной мудрости», действительно, был несколько короче и вполне совпадал с периодизацией Брауна. Отчасти этот факт объяснялся отсутствием у советологов и журналистов-международников необходимости принятия судьбоносных для будущего своих стран решений. Вообще ломка стереотипов «советофобии» легче и быстрее проходила у представителей более молодого поколения, в среде *журналистов и общественных деятелей*, посещавших СССР *до и после* 1985 года, имевших возможность сравнивать два облика советской действительности и настроений общества.

Положительные, а в ряде случаев и восторженные отзывы западных СМИ позитивно воспринимались американским обществом, уставшим жить в постоянном страхе ядерной войны. Простым американцам, как и западным европейцам хотелось верить, что «*novoe mishlenie*», «*perestroika*» и «*glasnost*» отражают отнюдь не косметический характер советских реформ и станут действительным основанием потепления взаимоотношений двух сверхдержав. Подтверждением тому для них служил новый *западный* имидж советского лидера, свободно общавшегося с прессой и своими иностранными коллегами, бравшего с собой в официальные заграничные визиты умную и обаятельную супругу, ломавшую стереотипы Запада о женах советских «вождей».

О феномене М.С. Горбачева в США писали уже в 1988 году, что служило свидетельством исторической значимости изменений, инициированных советским лидером внутри СССР и в сознании западного общества. *На тот момент феноменальность сводилась к инициированию масштабных реформ советской системы человеком, который являлся ее же продуктом.* В происходящее трудно было поверить, но еще труднее было найти логичное обоснование мотивов Горбачева. Запад начинал осознавать, что *саму возможность* появления такой политической фигуры *предсказать едва ли кто тогда мог.* И это не вписывалось в традиционные представления не только обывателей, но и тех, кто был *чрезвычайно хорошо* информирован.

Для правящей политической элиты Великобритании и, в особенности, США «советофобия» длительный период времени выступала в качестве основной организующей и направляющей идеи внутренней и внешней

политики. В этой среде признание советских реформ, их одобрение и поддержка пришли позже, в 1988-1990 гг. Первоначально изменения в официальной позиции Запада диктовались не столько масштабностью происходивших в СССР перемен, сколько политической конъюнктурой США и Великобритании.

М. Тэтчер, увидев политический потенциал Горбачева еще в декабре 1984 г., признавала в известных пределах неординарность нового хозяина Кремля. Р. Рейган же сохранял более умеренную, нередко ультимативную позицию вплоть до конца своего президентства на рубеже 1988–1989 гг. Воинствующий антикоммунизм 40-го президента США не позволил ему осознать феномен Горби, признанный населением его собственной страны. Не случайно именно Горбачеву американцы направляли свои благодарственные письма за бескровное окончание «холодной войны» и зарождение надежд на новую, мирную жизнь всего человечества. Не менее закономерным стало избрание Горбачева читателями американского журнала «Тайм» в 1990 г., по итогам 1980-х, «человеком десятилетия». При этом Рональд Рейган, находившийся у власти с 1981 по 1988 гг., и, как полагали многие, выигравший «холодную войну» – в глазах общественного мнения своей страны фактически проиграл советскому президенту, «пришедшему в офис» лишь в 1985-м, что также свидетельствовало о феномене Горбачева.

Пусть запоздалое, но все же признание инициатив М.С. Горбачева Белым Домом, объяснялось сменой президентских администраций, стремлением Рейгана отойти от дел в лучах славы победителя в «холодной войне» и потребностью Дж. Буша-старшего в сохранении позитивной динамики развития американо-советских отношений.

Для Тэтчер советская «карта» оказалась успешным ходом в ее третьей предвыборной кампании 1987 г., где она играла роль своеобразного «помощника» в успешной политике Белого Дома, направленной на снижение советской угрозы. Для Рейгана Горбачев стал козырем в предвыборной борьбе его соратника по республиканской партии и бывшего вице-президента США Дж. Буша-старшего. Голосуя за последнего, Америка, по убеждению Р. Рейгана, выбирала именно *ту партию*, которая сумела наладить более продуктивные американо-советские отношения.

С приходом в Белый Дом администрации Дж. Буша, даже вопреки его первоначальным устремлениям, эти контакты получили личностно-ориентированное развитие. После саммита на Мальте в декабре 1989 года изменилась сама традиционно антисоветская риторика американских официальных заявлений, в которых *всё реже* стали звучать обвинения в советском экспансионизме и поставках оружия в страны Третьего мира. Дж. Буш старался избегать даже тематику «прибалтийской проблемы». К этому моменту рухнула Берлинская стена, вышла из-под советского контроля Восточная Европа, где сокращался советский военный контингент и вооружения, советские войска были выведены из Афганистана.

Сегодня очевидно, что официальное западное признание радикального характера советских реформ и их инициатора пришло слишком поздно, потребовав сверхнапряжения сил и затрат времени. Как отмечал президент Финляндии Коивисто, Дж. Буш не осознавал всей сложности ситуации Горбачева и СССР. Пока последний советский лидер убеждал Запад в искренности своих намерений и необходимости смены приоритетов внешней политики *всех стран мирового сообщества*, рухнула советская экономика и распался СССР.

В американско-британских советологических исследованиях 1985–1991 гг. прослеживались тенденции к постепенному избавлению от традиционных стереотипов, сформировавшихся в эпоху «холодной войны», переход от скептицизма к признанию советских реформ и даже приданию им значимости *революционного характера*. Однако *предсказать масштабы и итоги* реформ, инициированных последним советским лидером, равно как и предвидеть распад СССР, они *не смогли*. Этот период исследовательской активности был значим как время сбора материалов, время бесед с действующими советскими политиками и общественными деятелями, что должно было послужить основой последующего развития советологии и способствовать лучшему пониманию феномена М.С. Горбачева и его эпохи.

После распада СССР и краха реформ М.С. Горбачева в США и Британии начался новый этап осмысления недавнего прошлого. Анализ американско-британских мемуарных источников и советологических исследований, изданных в 1990-е гг., показал, что, как и в предшествующий период, в трактовке феномена Горбачева и его эпохи существовали специфические особенности, обусловленные средой происхождения материалов.

В мемуарах западной политической элиты и, в особенности, в работах лидеров и ведущих общественно-политических деятелей США и Великобритании, представляющих радикально-консервативные взгляды, происходило оформление исторического мифа об определяющем значении «жесткой линии» республиканцев и консерваторов и их «давления» на СССР эпохи Горбачева, результирующей которых стала «победа Запада» в «холодной войне». Такие взгляды нашли своё ярчайшее выражение в воспоминаниях Рональда Рейгана, Джорджа Буша-старшего, Брента Скукрофта, Джека Мэтлока и Маргарет Тэтчер.

В такой интерпретации не учитывалась не только феноменальность М.С. Горбачева, но и его историческая роль как реформатора и харизматического лидера. Его вкладом в развитие процесса преобразований внутри СССР и в мировой политике становилось освобождение Восточной Европы и Восточной Германии от советского военного присутствия.

Между тем подобная «концепция» во многом противоречила логике исторических событий 1980-х – начала 1990-х гг., т.к. неясными оставались причины появления положительных тенденций во взаимоотношениях Востока и Запада *лишь со второй половины 1980-х гг.*, т.е. как раз *после*

прихода М.С.Горбачева к власти в СССР, а не с 1981 г. - времени начала президентства в США республиканцев-радикалов. Не вписывалась в эту схему и тенденция к возрастанию напряженности в отношениях Востока и Запада в предшествующий приходу Горбачева к власти период 1981- начала 1985 гг., вызванная *именно* «жесткой линией» Рейгана. Кроме того, если главным действующим лицом событий 1980-х гг. был американский президент, а не советский лидер, то тогда неясно, почему реформы в СССР начались лишь после 1985 г., а не в предшествующий период.

Данный исторический миф не мог объяснить и причины всплеска положительных оценок М.С. Горбачева в 1985–1991 гг. в среде политической элиты Запада, включая США и особенно Великобританию, чей премьер-министр давал советскому лидеру самые лестные оценки и рассуждал об исторической значимости «Горби», что вызывало овации британской аудитории. «Беспричинными» оказывались и десятки тысяч писем граждан Запада к советскому лидеру, в которых выражалась признательность и поддержка «дорогому господину Горбачеву». Рост беспрецедентной популярности советского лидера в среде общественности США и Европы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., как и сохранение до сего времени уважения к этому отошедшему от дел советскому президенту, также не вписывались в узкие рамки исторического мифа о первостепенной значимости западных радикалов в окончании противостояния Востока и Запада и «победы» в «холодной войне».

Советологи и политологи США и Великобритании в 1991–2001 гг. демонстрировали большее разнообразие мнений. Свои концепции они оформляли в рамках различных по историографической значимости трудов. 1991-1994 гг. для советологии оказались кризисными и переходными по своей сути. Американско-британские исследования этого периода, посвященные феномену М.С. Горбачева и его эпохе, в качественном отношении мало отличались от советологических работ 1985-1990 гг. В них нередко применялась устаревшая методология, несостоятельность которой выразилась в прогностической неудаче: советология так и не сумела предсказать итоги перестройки и распад СССР.

В работах данного периода, обращение к феномену Горбачева стало эпизодическим. При изучении его эпохи советологи использовали традиционно узкий спектр источников, не искали серьезных параллелей в российской и мировой истории реформаторства. Базис для последующего развития советологии подготавливался переизданием в США и Великобритании исследований, созданных в предшествующий период, формированием сборников публиковавшихся ранее журнальных и газетных статей об СССР эпохи М.С. Горбачева.

Беспрецедентная открытость фондов отечественных архивов в первые постперестроечные годы, активная издательская деятельность в России, направленная на публикацию сборников документов и мемуаров

советских общественно-политических деятелей – также должны были способствовать качественному перерождению советологии. Значение этих событий сложно переоценить: впервые у западных исследователей появилась возможность разрушить былые советологические стереотипы и мифы, продвинуться в понимании советской истории последнего ее этапа, понимании феномена Горбачева.

Именно поэтому со второй половины 1990-х гг. советологические исследования, посвященные эпохе и феномену Горбачева, получили качественную дифференциацию. Значительная их часть писалась в прежних традициях и терминах, с применением стереотипов, свойственных 1980-м гг. Некоторые из них создавали новые мифы и стереотипы. Эти исследования отличались бездоказательностью и впадением в крайности: от полного отказа Горбачеву в особой роли в реформационном процессе в СССР, до её превознесения без акцентуации внимания на деталях и просчетах реформирования.

Недостатки исследований такого рода становились всё более заметны на фоне других, качественно отличных от них работ. В частности, во второй половине 1990-х гг. были изданы фундаментальные труды британского политолога Арчи Брауна и американской исследовательницы Сьюзан Стернфол, в основу которых было положено столь редкое в прошлом стремление понять специфические особенности советской системы, ее идеологии, политики и истории. Феномен Горбачева получал здесь более адекватную интерпретацию.

Думается, что многие выводы и концептуальные конструкты, созданные этими авторами, заслуживают пристального внимания отечественных исследователей и, в известных границах, могут служить ориентиром в исследовании различных аспектов рассматриваемой проблематики.

Подводя итоги данного диссертационного исследования, необходимо констатировать, что, несмотря на запоздалые попытки признания феноменальной реформаторской роли первого президента СССР, *Запад не смог не только предугадать масштабы и скорость перемен, но и предсказать итог эпохи Горбачева. Для значительной части мирового сообщества он остался непонятым мировым политиком, удивительным советским реформатором-еретиком и загадочным, по-философски непостижимым человеком.*

Западное общество, традиционно мыслившее, по А.Г. Асмолову, категориями «эффективной» психологии, в очередной раз в своей истории столкнулось с ярким представителем мессианской российской цивилизации, мыслящей в рамках психологии «эффектной». Первая, будучи, одновременно, и характеристикой прагматизма, во всем искала выгоду, материальное выражение успеха. Вторая - тяготела к духовной, внутренней удовлетворенности в итогах любого процесса. В сознании советской общественности в эпоху Горбачева произошел любопытнейший, беспреце-

дентный переворот: мы стали мыслить категориями *эффективной* психологии, требуя исключительного материального выражения итогов реформ. Запад же, во многом признавая выгодные для международного сообщества мирные инициативы и шаги по разоружению, предпринятые лидером одной из двух сверхдержав, стал по отдельным позициям судить о Михаиле Сергеевиче Горбачеве с позиций *эффективной* психологии. Харизма советского лидера в рекордные сроки «растопила лёд» недоверия Запада, но не смогла завоевать Советский Союз. На территории 1/6 части суши, в условиях масштабных кризисов в экономике, национальной политике и идеологии, лавры победителей достались республиканским лидерам, в погоне за личной властью забывшим о «нерушимом» Союзе.

Всею своей судьбой и политической карьерой Горбачев доказал неписанную истину об *отсутствии пророков в своем Отечестве*. Его надежда на адекватный и непредвзятый суд Истории остается сегодня нереализованной *в отечественной исторической науке*. По крайней мере, *пока*.

Между тем опыт советологических исследований и складывающиеся в среде отошедших от дел западных политиков исторические мифы *настоятельно требуют адекватных ответов*. Перед российской исторической наукой лежит огромное, почти нетронутое поле для деятельности и значительный опыт чужих ошибок и достижений, столь необходимый для выработки ориентиров в движении к новому будущему, маршруты в которое прокладывает такой штурман, как *новое политическое мышление*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные

Архив Международного общественного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд)

1. Докладная записка [чрезвычайного и полномочного посла СССР в США] А. Добрынина о реакции в США на выступления М.С. Горбачева по телевидению. - Архив Горбачев-Фонда, Ф.2, Оп.1, № 61 *.
2. Докладная записка А.С. Черняева о кандидатурах послов (Дилигенский Г.Г. – Франция, Яковлев А.М. – Великобритания, Бовин А.Е. - Израиль) от 22.10.1991 г. - Архив Горбачев-Фонда, Ф.2, Оп.1, № 15135.
3. Интервью лидера ДПЛС Акилле Окетто (Италия), опубликованное в газете «Унита» 31 декабря 1991 г. (перевод и факс с газетой). - Архив Горбачев-Фонда, Ф.2, Оп.1, № 9223.
4. О сопоставлении в зарубежной коммунистической печати XXVII съезда КПСС с XX съездом (справка, подготовленная академиком Богомоловым, с сопроводительной запиской А.С. Черняева). - Архив Горбачев-Фонда, Ф.2, Оп.1, № 87.
5. Письмо А.С. Черняеву от Генерального директора ТАСС С.А. Лосева с текстом сообщения ТАСС из Хельсинки (Финляндия) о результатах опроса общественного мнения и проектом сообщения ТАСС на скандинавские страны. – Архив Горбачев-Фонда, Ф.2, Оп.1, № 64.

Опубликованные

6. Dear. Mr. Gorbachev / Edited by L.S. Fischel, chapter introductions by Professor V.Wallace. – Edinburh: Canongate Press, 1990. – 302p.
7. Gorbachev M.S. A Road to The Future: Complete Text of The December 7, 1988 United Nations Adress. – Santa Fe, New Mexico: Ocean Tree Books, 1990. – 45p.
8. Gorbachev M.S. The Coming Century of Peace. – N.Y.: Richardson & Steirman, 1986. – 300p.

* Список источников архива Горбачев-Фонда оформлен в соответствии со стандартами данного негосударственного архива, в котором каждый документ имеет свой уникальный номер.

Опубликованные в Internet *

Архив Фонда Р. Рейгана (Ronald Reagan Presidential Library).

9. Address to Members of the British Parliament. June 8, 1982 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/60882a.htm> .

10. Address to the Nation and Other Countries on United States-Soviet Relations. January 16, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/11684a.htm> .

11. Address to the Nation on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner. September 5, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90583a.htm> .

12. Announcement of the Beginning of the Soviet-United States Nuclear and Space Arms Negotiations. January 26, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/12685a.htm> .

13. House Statement on the Release of Anatoly Shcharanskiy From the Soviet Union. February 11, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/21186a.htm> .

14. Informal Exchange With Reporters on Foreign and Domestic Issues. December 21, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/122184c.htm> .

15. Joint Statement Following Discussions With Chancellor Helmut Schmidt of the Federal Republic of Germany. May 22, 1981 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1981/52281b.htm> .

16. Message to the Congress on the Strategic Modernization Program. June 3, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presi-

* Ссылки на Internet-ресурсы оформлены в соответствии с ГОСТ 7.82-2001.

dential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/60386c.htm> .

17. Message to the Congress Transmitting a Report and a Fact Sheet on Soviet Noncompliance With Arms Control Agreements. January 23, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/12384c.htm> .

18. New Year's Message to the People of Japan. December 31, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/123185a.htm> .

19. New Year's Message to the Soviet People. January 1, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 20 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1989/010189a.htm> .

20. Proclamation 4908 -- Afghanistan Day. March 10, 1982 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/31082c.htm> .

21. Proclamation 5063 -- National Andrei Sakharov Day. May 18, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/51883c.htm> .

22. Proclamation 5068 -- Baltic Freedom Day, 1983. June 13, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/61383d.htm> .

23. Proclamation 5450 -- Afghanistan Day, 1986. March 21, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/32186b.htm> .

24. Proclamation 5501 -- Baltic Freedom Day, 1986. June 12, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/61286f.htm> .

25. Question-and-Answer Session With Students at Fallston High School in Fallston, Maryland. December 4, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Val-

ley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/120485b.htm> .

26. Radio Address to the Nation on American International Broadcasting. September 10, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/91083a.htm> .

27. Radio Address to the Nation on East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions. November 13, 1982 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/111382a.htm> .

28. Radio Address to the Nation on Embassy Security in Moscow and Canada-United States Relations. April 11, 1987 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1987/041187a.htm> .

29. Radio Address to the Nation on Foreign Policy. October 20, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/102084a.htm> .

30. Radio Address to the Nation on Nuclear Weapons. October 29, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/102983a.htm> .

31. Radio Address to the Nation on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner and on the Observance of Labor Day. September 3, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90383a.htm> .

32. Radio Address to the Nation on United States Assistance for the Nicaraguan Democratic Resistance. March 8, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/30886a.htm> .

33. Radio Address to the Nation on United States-Soviet Relations and the Vice President's Trip to Europe. January 8, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/10883a.htm> .

34. Radio Address to the Nation on United States-Soviet Relations. February 11, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/21184a.htm> .

35. Remarks and a Question-and-Answer Session With Regional Editors and Broadcasters. March 11, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/31185a.htm> .

36. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida. March 8, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/30883b.htm> .

37. Remarks at the Annual White House Correspondents Dinner. April 17, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/41786e.htm> .

38. Remarks on the 35th Anniversary of the North Atlantic Alliance. May 31, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/53184b.htm> .

39. Remarks to Business Leaders During a White House Briefing on the Fiscal Year 1987 Budget. January 24, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/12486c.htm> .

40. Remarks to Reporters on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner. September 2, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90283c.htm> .

41. Statement by Deputy Press Secretary Speakes on the Soviet Attack on a Korean Civilian Airliner. September 7, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/90783c.htm> .

42. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on Soviet General Secretary Gorbachev's Address on the Nuclear Reactor Accident at Chernobyl. May 14, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald

Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:
<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/51486c.htm> .

43. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on Soviet Jamming of the President's Radio Address on the Upcoming Soviet-United States Summit Meeting in Geneva. November 9, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1985/110985b.htm> .

44. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Death of President Yuriy V. Andropov of the Soviet Union. February 10, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/21084c.htm> .

45. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the President's Meeting With Natan Shcharanskiy. May 13, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/51386e.htm> .

46. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Soviet Nuclear Reactor Accident at Chernobyl. April 30, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/43086b.htm> .

47. Statement Following a Meeting With Leaders of the Afghan Resistance Alliance. June 16, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/61686b.htm> .

48. Statement on Observance of the Afghan New Year. March 20, 1982 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/32082b.htm> .

49. Statement on Soviet Human Rights Policies. October 18, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/101883b.htm> .

50. Statement on Soviet Union Withdrawal From the Intermediate-Range Nuclear Force Negotiations. November 23, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. - Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005.

- Mode of access:

<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/112383c.htm> .

51. Statement on the Establishment of the Baltic States Service of Radio Liberty. November 18, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1983/111883a.htm> .

52. Statement on the International Day of Concern for Soviet Jews. March 15, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1984/31584a.htm> .

53. Statement on the Ninth Anniversary of the Soviet Invasion of Afghanistan. December 27, 1988 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 20 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/122788a.htm> .

54. Statement on the Situation in Afghanistan. December 27, 1981 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1981/122781a.htm> .

55. Statement on the Soviet-United States Arms Control Negotiations. November 16, 1988 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 20 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/111688c.htm> .

56. Statement on the Soviet-United States Nuclear and Space Arms Negotiations. May 7, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/50786c.htm> .

57. Statement on the Third Anniversary of the Soviet Invasion of Afghanistan. December 26, 1982 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1982/122682a.htm> .

58. Statement on U.S. Measures Taken Against the Soviet Union Concerning Its Involvement in Poland. December 29, 1981 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald Reagan Presidential Library, accessed 18 May 2005. - Mode of access: <http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1981/122981m.htm>

59. Written Responses to Questions Submitted by Japanese News Organizations. May 2, 1986 [Electronic resource] / The Public Papers of President Ronald W. Reagan. - Electronic text data. – Simi Valley, California: Ronald

Reagan Presidential Library, accessed 19 May 2005. - Mode of access:
<http://www.reagan.utexas.edu/resource/speeches/1986/50286a.htm> .

Архив Фонда Дж. Буша-старшего
(George Bush Presidential Library)

60. Address to the Nation on the Commonwealth of Independent States. December 25, 1991 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 9 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91122501.html>

61. Exchange With Reporters on the Meetings With Soviet Chairman Mikhail Gorbachev in Malta. December 3, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89120301.html> .

62. Interview With Latin American Journalists. October 25, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89102505.html> .

63. Message on the Observance of New Year's Day. December 27, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89122704.html> .

64. News Conference of President Bush and President Mikhail Gorbachev of the Soviet Union.

June 3, 1990 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90060300.html> .

65. Presidential Determination No. 90 - 21 -- Memorandum on the Renewal of Most-Favored-Nation Trade Status for China. May 24, 1990 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90052401.html> .

66. Remarks and an Exchange With Reporters in Kennebunkport, Maine, on the Attempted Coup in the Soviet Union. August 19, 1991 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 9 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91081901.html> .

67. Remarks and an Exchange With Reporters on the Upcoming Meeting With Soviet President Mikhail Gorbachev at Malta. November 30, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. -

Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89113000.html> .

68. Remarks at the Arrival Ceremony in Moscow. July 30, 1991 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 9 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91073000.html>.

69. Remarks of the President [Bush] and Soviet Chairman Gorbachev and a Question-and-Answer Session With Reporters in Malta. December 3, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89120303.html> .

70. Statement by Deputy Press Secretary Popadiuk on the Attempted Coup in the Soviet Union. August 19, 1991 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 9 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91081900.html> .

71. Statement by Press Secretary Fitzwater on Assistance to the Soviet Union and the Republics. December 12, 1991 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 9 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91121202.html> .

72. Statement by Press Secretary Fitzwater on Soviet Policy in Central America. April 5, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89040505.html> .

73. Statement by Press Secretary Fitzwater on the President's Meeting With Boris Yeltsin of the Soviet Union. September 12, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89091201.html> .

74. Statement by Principal Deputy Press Secretary Cooper on the President's Meeting With Marshal Sergei Akhromeyev of the Soviet Union. July 28, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89072803.html> .

75. Statement on the Attempted Coup in the Soviet Union. August 19, 1991 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 9 August 2004. - Mode of access:

<http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1991/91081903.html> .

76. Statements by Press Secretary Fitzwater on the President's Meetings With Soviet Chairman Mikhail Gorbachev in Malta. December 2, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text

data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89120200.html> .

77. The President's News Conference. January 27, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 9 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89012700.html> .

78. The President's News Conference. May 16, 1990 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90051600.html> .

79. The President's News Conference. May 24, 1990 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90052400.html> .

80. The President's News Conference. May 3, 1990 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 8 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1990/90050300.html> .

81. The President's News Conference. November 7, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89110700.html> .

82. The President's News Conference. October 31, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of President George Bush. - Electronic text data. – Texas: Bush Presidential Records, accessed 6 August 2004. - Mode of access: <http://bushlibrary.tamu.edu/research/papers/1989/89103100.html> .

Архив Фонда М. Тэтчер
(Margaret Thatcher Foundation)

83. Press Conference after addressing UN General Assembly. October 24, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=106156&doctype=1> .

84. Press Conference for *Washington Post* and *Newsweek*. November 17, 1988 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 11 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=107390&doctype=1> .

85. Reagan R. Letter to Thatcher (Soviets shoot down Korean airliner) [declassified 27 March 2000]. September 7, 1983 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. – L.: Thatcher Archive, accessed 9 February 2003. - Mode of access:

<http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=109276&doctype=1> .

86. Speech to Finchley Conservatives (events in Eastern Europe). November 11, 1989 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 11 February 2003. - Mode of access:

<http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=107820&doctype=1> .

87. Speech to International Democrat Union. July 25, 1985 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access: <http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=106103&doctype=1> .

88. Thatcher-Reagan meeting at Camp David (record of conversation) [declassified 2000]. December 22, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access:

<http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=109185&doctype=1> .

89. TV Interview for BBC (Gorbachev: "We can do business together"). December 17, 1984 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access:

<http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=105592&doctype=1> .

90. TV Interview for ITN (visiting Moscow). March 31, 1987 [Electronic resource] / The Public Papers of Prime Minister Margaret Thatcher. - Electronic text data. - L.: Thatcher Archive, accessed 10 February 2003. - Mode of access:

<http://www.margaretthatcher.org/Speeches/displaydocument.asp?docid=106781&doctype=1> .

Данные опросов Института Гэллана (США)

91. Survey of the Democratic Party's V.I.P. Poll I. 01/18/1988-01/21/1988 [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access:

<http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=NEWSWEEK88016>.

92. The Gallup Poll #258G. 10/11/1985-10/14/1985 [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access:

<http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=AIPO1258> .

93. The Gallup Pre-Summit Poll. 11/13/1985-11/14/1985 [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup

Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access:
<http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=NEWSWEEK85263>

94. The Gallup Poll # 269 G. 10/24/1986-10/27/1986 [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access:

<http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=AIPO1269>

95. The Gallup Poll # 278 G. 07/10/1987-07/13/1987 [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access:

<http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=AIPO1278>

96. The Gallup Poll October Wave 3. 10/18/1990-10/21/1990 [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access:

<http://brain.gallup.com/documents/questionnaire.aspx?STUDY=GNS122006>

97. Timeline of Polling History: People That Shaped the United States, and the World. The Gallup Poll: 65 Years of Polling History [Electronic resource] / The Gallup Poll. - Electronic text data. - Princeton, NJ: The Gallup Organization, accessed 11 June 2005. - Mode of access:

<http://www.gallup.com/poll/content/?ci=9964&pg=1>

Мемуары

98. Арбатов Г.А. Человек системы. – М.: «ВАГРИУС», 2002. – 461с.

99. Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. – М.: Республика, 1995. – 447с.

100. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. – В двух книгах. – М.: АО «Издательство «Новости», 1995.

101. Грачев А.С. Горбачев. – М.: «ВАГРИУС», 2001. – 446с.

102. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.). – М.: Автор, 1996. – 688с.: ил.

103. Дубинин Ю.В. Время перемен. Записки посла в США. – М.: АВИАРУС – XXI. – 464с.

104. Ельцин Б.Н. Записки президента. – М.: Издательство «Огонек», 1994. – 416с.

105. Илюхин В.И. Обвиняется президент. Прокурорское расследование: Как страну развалили, или Почему возникло в отношении М.С. Горбачева уголовное дело по статье 64 УК РСФСР – Измена Родине. – Красноярск: «Горница», 1992. – 67с.

106. Казначеев В.А. Последний генсек. – М.: «Гудок», 1996. – 240с.

107. Коробейников А.А. Горбачев: другое лицо. – М.: Республика, 1996. – 207с.

108. Королев Ю.А. Кремлевский советник. – М.: Олимп, 1995. – 320с.

109. Крючков В.А. Личное дело. – М.: Эксмо, 2003. – 480с.
110. Медведев В.А. Прозрение, миф или предательство. – М.: «Евразия+», 1998. – 416с.
111. Рейган Н., Новак У. Мой черед: Воспоминания. Пер. с англ. // Иностранная литература, №№ 8-9, 1991.
112. Рейган Р. Жизнь по-американски. Пер. с англ. – М.: Издательство «Новости», 1992. – 752с.
113. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. – М.: Изд-во «Новости», 1992. – 400с.
114. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – 504с.
115. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. – М.: Республика: Современник, 1999. – 463с.
116. Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – 336с.
117. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1993. – 528с.
118. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. – М.: «ВАГРИУС», 2001. – 592с.
119. Шахназаров Г.Х. Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. – М.: Россия – Зевс, 1993. – 624с.
120. Яковлев А.Н. Омут памяти: От Столыпина до Путина: В 2-х книгах. – М.: Вагриус, 2001.
121. Bush G. Scowcroft B. A World Transformed. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1998. – 592p.
122. Gates R.M. “From the Shadows”: The Ultimate Insider’s Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. – NY.: Simon & Schuster, 1996. – 603p.
123. Hart G. Russia Shakes The World: The Second Russian Revolution and Its Impact on The West. – N.Y.: Cornelia & Michael Bessie Books, An Imprint of Harper Collins Publishers, 1991. – 257p.
124. Korchilov I. Translating History: The Top Russian Interpreter’s Thirty Years on The Front Line of Diplomacy. – N.Y.: A Lisa Drew Book / Scribner, 1997. – 400p.
125. Matlock J.F., Jr. Autopsy on An Empire: The American Ambassador’s Account of The Collapse of The Soviet Union. – N.Y.: Random House, 1995. – 838p.
126. Thatcher M. The Downing Street Years. – L: Harper Collins, 1993. – 596p.
127. The Kissinger Transcripts: The top Secret Talks With Beijing and Moscow / Edited by William Burr. – N.Y.: The New Press, 1998. – 515p. – (A National Security Archive Book).
128. Witness to History: The Memoirs of Mauno Koivisto, President of Finland 1982-1994 / Translated from the Finish by Klaus Tornudd, Introduction by David Kirby. - London.: Hurst & Company, 1997. – 291p.

Исследования

129. Алексеев В.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история, 2003, №5. С.3-20.
130. Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства, 1985-1991 гг.: Дис. ... д-ра. ист. наук. - М.: Изд-во МГУ, 2001. - 364с.
131. Барыльников И.П. Проблема политической реформы в СССР – России (1987-1993 гг.) в американской политологии. – Дис. ... канд. политол. наук. – СПб., 1996. – 146с.
132. Богдасарова Т.С. Идеино-теоретическая дискуссия в академическом сообществе США по вопросу изменений во внешнеполитической теории и практике СССР, середина 80-х – начало 90-х годов. – Дис. ... канд. политол. наук. – М., 1993. – 161с.
133. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. – М.: Международные отношения, 1996. -320с.
134. Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. – М.: Международные отношения, 2005. – 656с.
135. Величко С.А. Освещение перестройки в СССР (1985-1991 гг.) в зарубежной историографии // Вопросы истории, 2005, №6. С.162-166.
136. Волкогонов Д.А. «Вождь» седьмой: Михаил Горбачев / Д.А.Волкогонов. Семь вождей. В 2-х книгах. Кн. 2. – М.: АО Издательство «Новости», 1997. – 480 с.
137. Геллер М.Я. Российские заметки 1980-1990. – М.: Издательство «МИК», 2001. – 736с.
138. Глобачев М. СССР на перестройке // Родина, 1995, №6. С.49-52.
139. Горошко О.В. Проблема прав человека в политике США в отношениях с СССР в 70-е и 1980-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 154с.
140. Двадцать лет перестройке: Эволюция гуманитарного знания в России / Материалы Международного научно-образовательного форума. Москва, 27-28 апреля 2005 г. – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 431с.
141. Доброхотов Л.Н. Власть и общество в России в условиях системной трансформации (1985-1998 гг.). - Дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 1999. – 586с.
142. Евгеньев В.А. Образ СССР – России в контексте мировой политики: По работам Збигнева Бжезинского второй половины XX в. – Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2004. – 207с.
143. Елисеева Н.В. Советское прошлое: начало переоценки // Отечественная история, 2001, №2. С.93-105.
144. Казначеев О.В. Идеино-организационная дифференциация КПСС в процессе перестройки (1985-2000 гг.). - Дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2000. – 136с.
145. Клоцвог Ф. К дискуссии о природе социально-экономической системы СССР и причинах ее разрушения // Отечественная история, 2005, №3. С.176-181.

146. Курпатов А.В., Алехин А.Н. Психософия: методология, развитие личности и психотерапия. – СПб., Сенсор, СПбУ МВД России, Фонд «Университет», 2002. – 570с.
147. Ларионова Н.Л. Американская советология о перестройке в Советском Союзе и принципах нового политического мышления (1986-1991 гг.). – Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 158с.
148. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991 / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2002. – 584с.
149. Мангейм Д.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ./ Общ. ред. и вступ. ст. А.К. Соколова. – М.: Издательство «Весь Мир», 1999. – 544с.
150. Маслов Д.В. Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. Сергиев Посад: Редакция альманаха «Весь Сергиев Посад», 2004. – 230с.
151. Маслов Д.В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы (1985-1991 гг.). - Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 205с.
152. Маслоу А. Психология бытия. Пер. с англ. – М.: Рефл-бук, 1997. – 426с.
153. Медведев Р.А. Почему распался Советский Союз? // Отечественная история, 2003, № 4. С. 112-121; №5. С. 119-129.
154. Олегина И. Изучение истории России в США и Великобритании: новые тенденции и наследие советологии // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А.Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2003. С.411-447.
155. Передрий С.В. Политологический анализ американской советологии периода «перестройки» в СССР. – Дис. ... д-ра политол. наук. – СПб., 1997. – 347с.
156. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684с.
157. Поварницын Б.И. Англо-американская историография национальной политики СССР и постсоветских государств, 1985-2000 гг. – Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003. – 531с.
158. Прозоров Б.Л. Политологический анализ американского опыта изучения СССР и посткоммунистической России, 80-е гг. XX в. – 2001 г.: Дис. ... д-ра политол. наук. – М., 2002. – 237с.
159. Сахаров А.Н. О причинах саморазрушения СССР // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.2. Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю.Н.Афанасьева. – М.: Российский гос. ун-т. 1997. С.575-594.
160. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.2. Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю.Н.Афанасьева. – М.: Российский гос. ун-т. 1997. – 761с.
161. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-1994: От Горбачева до Ельцина. – М.: Прогресс - Академия, 1994. – 192с.

162. Уткин А.И. Осмысление геополитического сдвига: [О политике СССР в 1980-х гг.] // США. Экономика, политика, идеология, 1998, №4. С.15-31.
163. Фроянов И.Я. Погружение в бездну: (Россия на исходе XX века) - СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. - 800 с.
164. Ханин Г.И. Сталин – инициатор перестройки? // Родина, 2006, № 1. СС.18-25.
165. Шевцов О.Ю. Роль общественности СССР и Великобритании в развитии и углублении советско-британского сотрудничества, 80-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1993. – 221с.
166. Allin D.H. Cold War Illusions: America, Europe and Soviet Power, 1969-1989/ 2nd edition. – N.Y.: St. Martin's Press, 1998. – 267p.
167. Beyond Sovietology: Essays in politics and history / edited by Susan Gross Solomon. – N.Y., L.: M. E. Sharpe, Inc., 1993. – 256p.
168. Bundy M., Crowe W.J., Drell S.D. Reducing Nuclear Danger: The Road Away From The Brink. – N.Y.: council on Foreign Relations Press, 1993. – 107p.
169. Calingaert D. Soviet nuclear policy under Gorbachev: a policy of disarmament. – N.Y., L.: Praeger Publishers, 1991. – 184p.
170. Chafetz G.R. Gorbachev, reform, and the Brezhnev doctrine : Soviet policy toward Eastern Europe, 1985-1990. - Westport, Connecticut, L. : Praeger, 1993. – 166p.
171. Cohen S.F. Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities (Expanded to Cover The Gorbachev Period). – N.Y., London: W.W. Norton & Company, 1986. – 187p.
172. Daniels R.V. The End of The Communist Revolution. – L., N.Y.: Routledge, 1993. – 222p.
173. De Luca A.R. Politics, diplomacy, and the media: Gorbachev's legacy in the West. – Westport: Praeger Publishers, 1998. – 165p.
174. Dowlah A.F. The life and times of Soviet socialism. - Westport, Connecticut, L.: Praeger Publishers, 1997. – 283p.
175. English R.D. Russia and the idea of the West : Gorbachev, intellectuals, and the end of the Cold War. – N.Y.: Columbia University Press, 2000. – 396p.
176. Europe and Naval Arms Control in The Gorbachev Era / Edited by Andreas Furst, Volker Heise and Steven Miller. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 341p.
177. Evangelista M. Innovation and The Arms Race: How The United States and The Soviet Union Develop New Military Technologies. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1988. – 301p.
178. Five Years That Shook The World: Gorbachev's Unfinished Revolution / Edited by Harley D. Balzer. - Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, Georgetown University, 1991. – 275p.
179. Garthoff R.L. The great transition: American-Soviet relations and the end of the Cold War. - Washington, D.C.: THE BROOKINGS INSTITUTION Press, 1994. – 834p.

180. Glasnost, Perestroika, and the Socialist Community / Edited by Charles Bukowski and J. Richard Walsh. - N. Y., L., 1990. – 190p.
181. Goldman M.I. What Went Wrong With Perestroika. – N.Y., London: W.W. Norton & Company, 1991. – 258p.
182. Gorbachev, Yeltsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition / Archie Brown, Lilia Shevstova, editors. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. – 163p.
183. Gorbachev's Reforms. US and Japanese Assessments. – N.Y.: ALDINE DE GRUYTER, 1988. – 173p.
184. Hough J.F. Democratization and revolution in the USSR, 1985-1991. - Washington, D.C.: BROOKINGS INSTITUTION PRESS, 1997. – 554p.
185. Implications of Soviet New Thinking / Bill Bradley, Hans-Dietrich Genscher, Harry Ott, John C. Whitehead. – N.Y.: Institute for East-West Security Studies, 1987. – 93p.
186. Kaiser R.G. Why Gorbachev Happened: His Triumphs and His Failure. – N.Y., Simon & Schuster, 1991. – 476p.
187. Keep J.L.H. Last of the Empires: A History of the Soviet Union 1945-1991. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1995. – 482p.
188. Kull S. Burying Lenin: The Revolution in Soviet Ideology and Foreign Policy. – Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1992. – 219p.
189. Laqueur W. The dream that failed : reflections on the Soviet Union. – Oxford, N. Y., Toronto: Oxford University Press, 1994. – 231p.
190. Lewin M. The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation. – Berkeley & Los Angeles, University of California Press, 1988. – 177p.
191. Mandel E. Beyond Perestroika: The Future of Gorbachev's USSR. – L.: Verso, 1991. – 240p.
192. McCauley M. Gorbachev. – London & N.Y., Longman, 1998. – 343p.
193. Medvedev, Z.A. Gorbachev. – N.Y., London: W.W. Norton & Company, 1986. – 272p.
194. Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of "Time" Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. – N.Y.: A Time Book, distributed by New American Library, 1988. – 265p.
195. Moskoff W. Hard Times: Impoverishment and Protest In The Perestroika Years. The Soviet Union 1985-1991. – N.Y., L.: M. E. Sharpe, Inc., 1993. – 260p.
196. Owen T.C. Russian corporate capitalism from Peter the Great to perestroika. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1995. – 180p.
197. Roxburgh A. The Second Russian Revolution: The Struggle for Power in The Kremlin. – London: BBC Books, 1991. – 218p.
198. Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform. / Edited by David Lane. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 256p.
199. Shumaker D.H. Gorbachev and the German question: Soviet-West German relations, 1985-1990. – L.: Praeger, 1995. - 206p.

200. Soviet military doctrine from Lenin to Gorbachev, 1915-1991 / edited by Willard C. Frank, Jr., and Philip S. Gillette. – L.: Greenwood Press, 1992. – 432p.
201. Sternthal S. Gorbachev's Reforms: De-Stalinization Through Demilitarization. – Westport, Connecticut: Praeger, 1997. – 225p.
202. Strayer R. W. Why did the Soviet Union collapse? : understanding historical change. – N.Y., L.: M.E. Sharpe Armonk, 1998. – 226p.
203. Suraska W. How the Soviet Union Disappeared: An Essay on the Causes of Dissolution. – Durham, L.: Duke University Press, 1998. – 190p.
204. Tatu M. Mikhail Gorbachev: The Origins of Perestroika / Translated from the French by A.P.V. Bradley. – N.Y.: Collumbia University Press, 1991. – 155p. – (East European Monographs).
205. The 1986 Reykjavik Summit: Ten Years Later. A Symposium 2 and 3 October 1996. Prime Minister's Office and The City of Reykjavik / Edited by Mr. Albert Jonsson, Prof. Thorolfur Thorlindsson, Mr. Daniel Teague and Kynning Og Markadur – KOM ehf. – Reykjavik, 1996.
206. The Sons of Sergei: Khrushchev and Gorbachev as Reformers / Edited by Donald R. Kelley and Shannon G. Davis. – N. Y., L., 1992. – 240p.
207. The Soviet Union: A Biographical Dictionary / Edited by Archie Brown. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1990. – 489p.
208. Watson W.E. The collapse of Communism in the Soviet Union. – Westport, L.: Greenwood Press, 1998. – 175p.
209. Why the cold war ended: a range of interpretations / edited by Ralph Summy and Michael E. Salla; foreword by David Lange. - Westport, Connecticut, L.: Greenwood Press, 1995. – 282p.

Публикации СМИ и публицистика

210. Головнин В. Правда о полете «Боинга» // Новости разведки и контрразведки, 1997, № 19 (100).
211. Давыдов О. М.Горбачев. Тайные пружины власти. – М.: ЗАО «Издательский дом ГЕЛЕОС», 2002. – 332с.
212. Пок де Фелиу Р. Эпоха перемен: Россия глазами испанского корреспондента / Предисловие Роя Медведева. – М.: Время, 2005. -576с.
213. Тэтчер: "Вместе люди обретают власть" // «Би-Би-Си. Русская служба новостей». 21 августа 1991 год.
214. Ципко А. «Он не мог сказать: «Расстрелять». Перестройка Горбачева: случайность или моральный выбор// Литературная газета, № 50-51 (5815), 20 – 26 декабря 2000г.
215. Beschloss M.R., Talbott S. At The Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. – Boston, Toronto, London: Little Brown & Company, 1993. – 498p.
216. Chronicle of The Soviet Coup 1990-1992: A Reader in Soviet Politics / Articles reprinted from The Christian Science Monitor. - Madison, Wisconsin, Dubuque, Iowa, Indianapolis, Indiana, Melbourne, Australia, Oxford: Wm. C. Brown Communications, Inc., 1993. – 268p.

217. Doder D. *Shadows and Whispers: Power Politics Inside the Kremlin From Brezhnev to Gorbachev.* – N.Y.: Random House, 1986. – 340p.
218. Doder D., Branson L. *Gorbachev: Heretic in the Kremlin.* – N.Y., Penguin Book, 1990. – 468p.
219. *Man of the Decade: Mikhail Gorbachev* // *Time Magazine*, January 1, 1990.
220. Morgulis M. *Return to The Red Planet: 22 Days In Gorbachev's Backyard.* - Wheaton: Victor Books, 1989. – 157p.
221. PBS broadcast, “Nixon: The American Experience”, September 24, 1992.
222. Selfridge J.W. *Mikhail Gorbachev.* – Chelsea: Chelsea House Publishers, 1992. – 80p. – (Junior World Biographies).
223. Smith H. *The New Russians.* – N.Y.: Random House, 1991. – 735p.
224. *The last years of the Soviet empire: snapshots from 1985-1991 / Vladimir Shlapentokh, in collaboration with Neil F. O'Donnell.* - Westport, Connecticut, L.: Praeger Publishers, 1993. – 223p.
225. *The last years of the Soviet empire: snapshots from 1985-1991 / Vladimir Shlapentokh, in collaboration with Neil F. O'Donnell.* - Westport, L.: Praeger Publishers, 1993. – 223p.
226. Walker M. *The Waking Giant: The Soviet Union Under Gorbachev.* – London: Michael Joseph, 1986. – 282p.

Научное издание

Дроконова Ольга Николаевна

**Запад о феномене М. С. Горбачева и его эпохе:
по материалам американо-британских источников
и исследований 1980-х–1990-х гг.**

В авторской редакции

Подписано в печать 27.12.2013. Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 9,5
Тираж 54 экз. Заказ № 2346.

Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.